

63.3(2Р-4тУЛ)
Н12

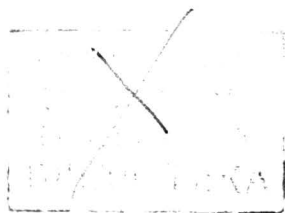
На
дальних
подступах
к Москве

63.3 (2Р-4ТУЛ) 62

~~Б9171-3~~

Н 12

На дальних подступах к Москве

ОГИЗ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА 1942

ПЕР-60

21982

94127(с132) 63,3(2Р-ЧТУ1)62
Н12

Под редакцией
С. Л. Горского
и старшего батальонного комиссара
Ив. Мартынова

*

Оформление, рисунки и гравюры
на линолеуме Евг. Когана

*

Фотографии
А. Зелонджева, Л. Петрова и К. Шайдурова

W V 19080450

ПРЕДИСЛОВИЕ

Части генерал-лейтенанта Болдина прошли большой и славный путь. Выполняя задания командования фронта, они героически дрались под Брянском, грудью отстаивали Тулу, штурмом брали Калугу, очистили от немецкой нечисти сокровищницу мировой культуры Ясную Поляну, освободили свыше 1000 населенных пунктов, среди которых немало городов и крупных железнодорожных станций.

Настоящая книга не претендует на сколько-нибудь полное освещение этих славных операций. Она рассказывает лишь об отдельных замечательных эпизодах, о героях, не щадивших своей крови и самой жизни для защиты родины.

Нам предстоят впереди жестокие бои. Воспитание у каждого бойца и командира несгибаемой стойкости и боевого умения, воспитание на примерах мужества и отваги, передача опыта лучших наших воинов всем бойцам — неотложная задача.

В книгу эту отобрано, в основном, все наиболее значительное, что появлялось в красноармейской печати, преимущественно в низовой, а следовательно, особенностью книги является то, что большинство материалов, публикуемых здесь, создавалось непосредственно на фронте. Здесь — живое дыхание недавних сражений, рассказы о пережитом, о лично виденном.

Среди авторов книги — и старые квалифицированные литераторы, и красноармейцы, командиры

и политработники, никогда до войны не выступавшие в печати.

Боевой опыт, обобщенный здесь, поможет воспитанию на боевых традициях молодых воинов, даст представление широкому читателю о многих героических страницах борьбы Красной Армии с немецкими захватчиками.

Над подготовкой этой книги к изданию работал коллектив красноармейской газеты «Разгромим врага».

**ПОЛКОВОЙ КОМИССАР
ГОЛОВКИН**

**НА
ДАЛЬНИХ
ПОДСТУПАХ
К МОСКВЕ**

Под Брянском

ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ

На Западном направлении

В конце августа гордость германской армии танковая группа Гудериана (47-й и 24-й танковые корпуса), подкрепленная пехотными дивизиями, пыталась захватить Брянск. Об этом говорят захваченные приказы. Однако 1 сентября наши части под командованием Героя Советского Союза Петрова перешли в наступление, форсировали Десну и, продвинувшись вперед на шесть километров, перерезали Рославльское шоссе.

Южнее, в направлении к Трубчевску, 47-й танковый корпус неприятеля встретил неожиданный отпор. Произошло встречное танковое сражение. 17-й и 18-й танковые дивизии немцев вышли из этого боя в сильно потрепанном виде. Наша авиация нанесла ряд сокрушительных ударов немецким танковым соединениям. Об интенсивности воздушных бомбардировок можно судить по цифрам: в день наша авиация делала по 900 самолетовылетов. За неделю сброшено двадцать тысяч авиабомб. Район между Сожей и Десной для танков Гудериана стал мамаевым побоищем. 9 сентября наши наземные части начали атаки и в этом направлении. Враг стал беспорядочно отходить. За один день части Героя Советского Союза Крейзера продвинулись на пятнадцать — восемнадцать километров. Сражение продолжается.

Сильные потери понесли немецкие 17-я и 18-я танковые дивизии. Немцы потеряли свыше 260 танков, около

600 автомашин, сотни орудий; 29-я мотодивизия отходит в беспорядке. Разгромлен штаб 15-го мотополка, офицеры перебиты. Около десяти тысяч немцев погибли на берегах Десны. Это отборные части. Немцам легче построить новые самолеты, залатать подбитые танки, нежели пополнить бреши в личном составе. Я видал новоиспеченных немецких летчиков, сбитых при первом вылете, танкистов, растерявшихся при первом выстреле. Разговаривал я и с другими пленными — с летчиками, хвастливо называвшими имена английских городов: Ковентри, Честерфилд, Бристоль; с танкистами, побывавшими у Арраса. Это—гитлеровская гвардия. Она гибнет на дорогах, ведущих к Брянску или к Трубчевску.

Двадцать шесть русских городков и сел очищены от захватчиков. Немцы нашли наши села пустыми: колхозники ушли. Они возвращаются вслед за Красной Армией. Редко кто застрял. В деревне Могор восьмилетняя девочка, увидев первого рослого красноармейца, вылезла из-под стога, прыгнула бойцу на шею: «Дядя, вернулись!» В другой деревне, Афонино, выполз старик, белый, как лунь, и перекрестился: «Наши пришли!» Он провел красноармейцев к пасеке, показал разоренный улей: «Не то чтобы взять медку, нет, он все поломал...» «Он» — это «немец», враг. И разоренный, опустошенный улей, символ пчелиного трудолюбия и мастерства, как бы говорит о том, что несут с собой фашисты... Нужно ли говорить о разгромленных домах, о вспоротой подушке, о разбитом зеркальце? Тупая ярость уничтожения. И на веревочке куры,— обципали их немцы, но съесть не успели: по случаю прихода Красной Армии обед был отменен.

Происходит встречное сражение танков. Происходит и встречное сражение двух миров. Народ отстаивает свою землю от профессионалов, воспитанных для зверств и для грабежа. Вот генерал Еременко разговаривает с бойцами, которые идут на позиции. Генерал рассказывает бойцам, как в четырнадцатом году он, тогда солдат русской армии, заколол одиннадцать немцев. Под Смоленском мимо генерала Еременко прошли шестьдесят немецких танков. Он усмехается: «Потом мы их расколотили...» Он учит красноармейцев, как стрелять по танкам, как ходить ночью за «языком».

Весь пафос нашей культуры — в одной фразе командира, обращенной к бойцам, колхозникам Полтавщины: «Я в детстве был пастухом».

Я думаю о генерале фон Лемельзене, он командует 47-м танковым корпусом. Он сейчас недалеко отсюда... Фон Лемельзен как-то обиделся — немецкие солдаты его не замечают, хотя он ездит в командирском танке. Спесь и ничтожество!

Живут леса, полные бойцами. Проходят грузовики, обросшие осенней листвой. В избе над большой картой склонился генерал Петров. Я встречался с ним на другом фронте. Это отважный танкист, его знают гудерианы и лемельзены. Несутся командиры связи: последние распоряжения. Наутро — бой.

Это огромная, сложная машина, ее движет героизм миллионов. Вот походная кухня, — она должна во-время привезти бойцам на позиции горячий борщ. Несколько дней тому назад кухня попала к немцам. В темноте водитель принял немца с флажком за регулировщика: «Русс, сдавайся!» Шофер ответил: «Сейчас сдамся», — и, развернувшись, сбил немца, понесся назад. Его ранили, но кухню он привез. Сколько таких героев!

Падают снаряды, а здесь же колхозники копают картошку — до самой линии фронта. Как только очищают деревню от немцев, приходят колхозники: они ждали в соседних деревнях, твердо верили — отобьют. Я слышал, как женщина цыкнула на ребенка: «Тише, наши генералы думают». В избе два лейтенанта писали донесения, но женщина понимала: это важное дело, и это кровное дело, от него зависит судьба ее и ребенка. Золя, описывая когда-то труд землепашца на поле битвы, передал слепую привязанность крестьянина к земле. Мы видим не то: здесь — сознательная воля, картошка — те же гранаты. Я повторяю: обороняется весь народ, и армия — его авангард.

Живописные места: пригорки, извилистая река. Русские деревни с серыми избами, среди которых горит рябина. Наши общие любимцы — березы. В дремучих лесах завелись новые птицы — немецкие «кукушки». Немцы стреляют из автоматов, стараются выбить отдельных командиров, создать панику. Привезли сюда

своих наемников — четыреста финнов как спецов по «кукованию». На птиц нашлись охотники — «кукушек» бьют. И здесь бойцам помогают женщины, даже дети.

О наших детях когда-нибудь напишут томы. Это будут замечательные книги — о веселой белобрысой детворе, которая еще недавно сидела над задачами, а теперь переходит линию фронта, рассказывает об аэродромах врага, об его колоннах. Когда-нибудь напишут про мальчика Васю с пальцами, замаранными чернилами, — он помог нашим бойцам захватить немецкий штаб. Наши красноармейцы знают, каких детей они защищают, — это не только дети, это новые люди. Страшно подумать о том, что враг разрушает созданное нами за двадцать три года: города, заводы, мосты. Но вот посмотришь на Васю и улыбнешься: этого они не могут разрушить, — мы ведь создали не только материальную базу нового мира, мы создали и его душу — новых людей.

Наши бойцы знают, что война — тяжелое дело. Они отправились не на веселый пикник. И рядом с ними гитлеровские «сверхлюди» кажутся маменькиными сынками. Немецкая мотопехота жалуется: «Пришлось пройти тридцать километров пешком». Немецкие ефрейторы (бухгалтеры, приказчики, партийные чинуши) стонут — им, видите ли, приходится ночевать в лесу, мокнуть под дождем. Они находят наши сентябрьские ночи «чересчур свежими», так сказал мне один ефрейтор. В их программу не входило мерзнуть. Когда я сказал этому закаленному ветерану, что за сентябрем следует январь, скромно намекнул ему на крещенские морозы, он пожегся, а потом с улыбкой ответил: «Мне-то что — я ведь уже в плену...»

Пленные не скрывают, что у немцев страшные потери. Да как это скрыть? Один пленный три часа подряд кричал: «Авиация! Авиация!» — не мог опомниться от наших бомб. А другой сидел и угрюмо бурчал: «При чем тут авиация? Вот артиллерия!» Поистине, что у кого болит, тот о том и говорит: последний экземпляр ознакомился с ураганным огнем нашей артиллерии. Из пятидесяти двух немецких солдат в его роте осталось семнадцать. Он удивленно разводит руками: «Откуда у вас

такая артиллерия?» Разговорившись, поясняет: «Я думал, что Россия чисто земледельческая страна». Ему рассказали о кубанской пшенице, о наших орудиях ему не рассказывали. Он удивлен, как это среди овса такие орудия. В немецкой ставке сидят люди менее наивные, но и они, наверно, удивились, узнав, какие потери понесли 31-я, 34-я и 78-я немецкие пехотные дивизии за последние десять дней.

Каждый день читаешь о подвигах наших бойцов и все же, когда видишь обыкновенных, скромных людей, дивишься — неужели эти? Вот батарея младшего лейтенанта Попова — двадцать два подбитых танка. Вот стрелок-радист Коваленко — он сбил «Мессершмитт». Вот флегматичный украинец Хоменко. Он ел кашу. Подъехали два немецких мотоциклиста. Хоменко их застрелил. Потом сел доедать кашу: «Простыла... Подлецы! Но ничего, мы еще самого гитлерягу подстрелим...»

В танк лейтенанта Ключкова попал снаряд, подбил орудие. Тогда танк Ключкова врезался в немецкий танк и раздавил его. Шофер Петренко пошел за запасной частью — застряла машина. Когда он вернулся, видит — немцы. Показался автомобиль: немецкий офицер и три солдата. Петренко застрелил из револьвера всех четырех, сел в немецкую машину, и — к нашим. Его поздравляют, а он: «Там еще наша машина осталась, пойду за ней». И вернулся к нашей машине. Поэт Уткин написал накануне наступления стихи «Мы в этот яростный удар всю нашу страсть, всю душу вложим». Поэт был ранен, когда шел с бойцами. Восемнадцатилетняя колхозница Наташа Савульчик, увидев раненого красноармейца, запрягла лошадь и под пулеметным огнем довезла бойца до наших позиций.

Я видел сотни героев, слышал сотни изумительных историй. Это только капля живого моря; за ними дышит, сражается, живет бессмертный народ.

Древние изображали победу с крыльями. Но у победы тяжелая нога. Она не летит. Как боец, она пробивается под огнем, пригибается, падает, снова идет — шаг за шагом. Победа — большое, величественное здание. Сейчас кладутся его первые камни. С благоговением я гляжу на свежую могилу. Под этими березами по-

коится боец — один из зачинателей победы. Он помог занять холм над речкой, маленький холм над маленькой речкой. Он сделал великое дело — на один шаг он приблизил народ к победе.

13 сентября 1941 г.

Старший батальонный комиссар
ИВ. МАРТЫНОВ

В сентябрьские дни

3 сентября германское информационное бюро возвестило всему миру о захвате Брянска. Именно в эти дни мы особенно крепко били немцев под Брянском.

Красноармейская газета «За нашу победу» напечатала в одном из сентябрьских номеров памятную карикатуру на пресловутого Гудериана, которая обошла всю печать наших частей, рассказывая правду о беспардонной гитлеровской брехне. Бойцы знали: если немцы кричат о победе, значит немцам туго, значит будут из кожи вон лезть, чтобы, зализав раны, подготовить какой-то новый удар в спину. И обязательно — в спину! Потому что в честном, открытом бою немец не выдерживает русской стойкости.

Танковый теоретик Гудериан был так сильно потрепан в сентябрьских боях и так далеко отброшен от Брянска, что германскому командованию потребовался целый месяц, чтобы собраться с силами, отказаться от лобового удара на Брянск и, подтянув из разных концов Европы несметные танковые полчища, изменить первоначальный план и сосредоточить удар по флангам армий Брянского фронта.

В октябре, в тяжелых боях, перед лицом громадных сил врага, прорвавшегося на Орел и Карачев, наши войска оставили Брянск. Это была одна из тех побед немцев, которая вела к неумолимому и грозному разгрому их под Москвой.

Русская стойкость. Русская отвага. Гнев и ненависть за поруганную родину. Сколько раз безраздельно господствовали вы на жестоких полях сражений!

Свежее сентябрьское утро. Тяжелый танк лейте-

нанта Проценко ворвался в глубь вражеской обороны. Во что бы то ни стало надо подавить артиллерию, ведущую прицельную стрельбу на стыке дорог. Восемь снарядов уже ударило в машину. Но «КВ» в железных руках водителя Федорова не сворачивает с курса.

— Дави батарею гусеницами! — приказывает лейтенант.

Танк идет в лоб на kloкочущие огнем жерла пушек. Испытание нервов. Немецкие артиллеристы бегут, бросив орудия. Башенный стрелок Родионов догоняет их пулеметным огнем.

Но есть упорные и на фашистской батарее. Одна пушка продолжает бить с педантичной последовательностью. Снаряд рвется возле смотровой щели. Федоров ранен и на какую-то долю минуты теряет управление танком. Пламя врывается в машину. Горит комбинезон водителя.

— Уступите место Родионову, — говорит Проценко.

— Доведу! — истопленно кричит Сергей Федоров. — Не поддамся! Лейте на меня из огнетушителя...

И вздрагивающий от ударов танк давит последнее орудие врага.

Это подлинно русские люди. Они бессмертны.

Я встречал командира взвода лейтенанта Забродского. Он показался мне на первый взгляд несколько вялым и равнодушным человеком. Я еще не понимал тогда, за что его любили на батарее.

И вот он, этот внешне обыкновеннейший из обыкновенных русских людей, показал в сентябрьских боях чудеса мужества.

Забродский был на наблюдательном артиллерийском пункте. Точно и неторопливо он корректировал огонь наших орудий. Немцы, поднявшиеся в атаку, были прижаты к земле, одна за другой выбывали их огневые точки, взлетали на воздух блиндажи и машины. Чтобы хоть сколько-нибудь продвинуться вперед, надо было уничтожить наш наблюдательный пункт. Немцы засекли его и бросили в обход большую группу автоматчиков. Забродский увидел, что он окружен. Через несколько минут, уничтожив его, немцы прорвутся к батареям.

— По наблюдательному пункту огонь! — командует Забродский по телефону.

На батарее недоумение.

— Огонь, огонь по мне! — вторично и резко приказывает Забродский.

И артиллеристы, выполняя приказ, открыли огонь по любимому командиру.

Сраженные картечью автоматчики густо полегли вокруг берез наблюдательного пункта. Уцелевшие бежали. Атака немцев была отбита. Лейтенант Забродский чудом остался жив и продолжал корректировать огонь.

Смерть не посмела вырвать из наших рядов человека настоящей русской смелости и удали.

Или случай с разведчиками Цветковым и Зуевым.

Выполнив задание, они возвращались ночью из вражеского тыла. На окраине деревни встретили колхозных ребят.

— Дяденьки, — сказал один из подростков, — в доме у тетки Марьи, на чердаке, лежит раненый боец. А в самом доме, внизу — немцы. Если они про нашего бойца узнают, а они, вот бог свят, узнают, — обязательно над ним надругаются.

Разведчики коротко посоветовались между собой и взяли парнишку в проводники. Он показал им дом.

Осторожно подкрались наши люди к двери, рванули ее.

— Руки вверх!

Опрокидывая бутылки с водкой, немцы вытянулись за столом, в страхе подняли руки. Но уже через минуту сообразили, что против них только двое, и кинулись к оружию.

Рослый Цветков ударил прикладом по лампе и в наступившем мраке следующим ударом свалил ефрейтора. Штыком заколол второго. Зуев догнал пульей третьего, удиравшего в окно.

Вся операция заняла не более трех минут. Немцы были уничтожены. В избе наступила тишина. Бойцы позвали с улицы мальчика, и он указал им, где спрятан раненый красноармеец.

Разведчики вынесли его на руках из деревни, на огороде устроились удобнее: положили на плащ-палатку и доставили раненого в свою часть.

«Сам погибай, а товарища выручай», — таков в бою истинно русский человек.

Чего только не придумывали немцы на нашем участке

фронта для того, чтобы преодолеть русскую стойкость. Переодевались в красноармейскую форму. Переодевались в русскую гражданскую одежду. Засылали в тыл финских «кукушек». Под селом Д., двинувшись в атаку, погнались впереди себя колхозниц с детьми.

Нет меры палаческой подлости!

Но нет меры и русскому бесстрашию, русской стойкости!

На нас идут полчища танков, скрывающие своей броней немецкую трусость. Надо выстоять против танка. Надо драться с коварным врагом, как дрались Федоров, Забродский, Зуев, Цветков, как бились братья Пересыпкины, артиллеристы Боголепова и тысячи других русских людей. Надо перелить в себя их волю к победе, их нестигаемость в бою. И немец будет бежать, как он уже бегал от нас многократно!

25 октября 1941 г.

Политрук
В. СЛАЩЕВ

Братья в бою

Братья Пересыпкины, Егор и Николай, служат в одной роте. Оба — истребители танков. Эта специальность особая. Непоколебимо стойким, непреклонно волевым должен быть боец истребительного отряда. У Пересыпкинских нет недостатка в этих качествах.

Много раз братьям приходилось участвовать в горячих схватках с немцами. Не раз смерть смотрела в глаза смельчакам, но, как всегда, они с невозмутимым спокойствием и хладнокровием отражали удары и натиски врага.

Так было и на этот раз, когда старший лейтенант Гущин повел их на ответственное боевое дело.

Из селения Н. вышла колонна вражеских танков. Машины, набирая скорость, приближались к бойцам. Люди, сидевшие в кустах у дороги, приготовили бутылки с горючей жидкостью, поставили на боевой взвод гранаты.

На крутом повороте около засады передняя машина остановилась. Откинув крышку башенного люка, над

танком поднялся офицер. Выдерживая интервал, за машиной перестраивалась вся вражеская колонна.

Истребители ждут сигнала командира. Нервы напряжены.

О чем в этот миг думают бойцы? Понимают ли они, что силы их в этой схватке неравны, что против законных в сталь пушек и пулеметов они выступают с гранатами и бутылками? Да, они это понимают. В их гневном взгляде можно прочесть трезвость и бесстрашие. Силы не равны, но они победят.

Воздух рвет долгожданный выстрел. Это сигнал для нападения. На танки врага летят связки гранат, бутылки с горючей жидкостью.

Братья Пересыпкины заранее облюбовали себе фашистскую машину. Старший сержант Егор Пересыпкин первым метнул бутылку. За ним бросил «горящий снаряд» и Николай. Танк загорелся. Водитель попытался было увести машину из-под атаки, но безуспешно. Едва лишь танк тронулся с места, братья, не обращая внимания на шквальный огонь врага, поднялись из окопа и пустили в машину еще по одной бутылке. Клубы дыма окутали врага. Он горел.

Так же смело действовали и остальные бойцы. На дороге остались груды мертвого металла.

12 сентября 1941 г.

Батальонный комиссар
А. ПЯСКОВСКИЙ

Дневник фашистского бандита

Перед нами небольшая записная книжечка в черной клеенчатой обложке. Она с краю пробита пулей и испачкана кровью. Внутри — записи, сделанные мелким, убогим почерком. Первая из них относится к 17 июня, последняя — к 20 августа 1941 года.

Эта книжечка — дневник Иосифа Рихтера, старшего ефрейтора 2-го батальона 40-го пехотного полка германской армии.

Он сражен советской пулей на нашем участке фронта

27 августа, то есть через два месяца после того, как Рихтер переступил рубеж Советской страны.

О чем же пишет в своем дневнике этот «чистокровный» мерзавец? Что он оставил в назидание потомству?

Вот выдержки из этого дневника. Они изобличают. Они показывают подлинное бандитское нутро немецкого вояки.

Иосиф Рихтер записывает:

«17 июня. Находимся в 10 километрах от русской границы. Отправились в 22 через лес, приближаемся все ближе и ближе к русской границе.

22 июня. В 2 часа ровно поутру приготовились. Шрупп Зепп дал мне свою последнюю папироску. Вторглись на глубину 20 километров. Мы не можем дальше идти вперед потому, что потери слишком велики. Как раз прошел один отряд бомбардировщиков противника над нами, и мы попрятались в лес. Большая жара, нет ничего ни пить, ни курить, ни есть. Сидим здесь, впереди, как отрезанные. Я снова окопался.

23 июня. Наконец рано утром помылся. Уже 10 дней не брился. Остаемся лежать на месте.

24 июня. Сегодня проиграл две марки.

1 июля. 60 пленных было расстреляно из пулемета у штаба.

6 июля. Мотула выкопал мертвеца на еврейском кладбище. Гофштетер очищает пальцами череп. Мотула кладет его на пень и рубит топором. Я и парашютист достали два гуся.

7 июля. Пошли в город. Я и Мотула обшаривали еврейский квартал (обыск домов), захватили добычу — 25 яиц, один центнер сахара, жрали сахар прямо из мешка, руками.

11 июля. Наша задача форсировать реку Днепр на штурмовых лодках и прорвать укрепленную линию. Сейчас 13 часов. С 6 часов находимся под огнем русской артиллерии. Один саперный взвод в 6 часов утра был отбит, всем пришлось плыть обратно. Порядочные потери...

12 июля. Сегодня ночью на нас было сброшено 10 авиабомб. К счастью, потерь нет. Мы закопались на метровую глубину и сверху наложили двери от домов.

Сегодня подвергались еще артиллерийскому огню. Наша артиллерия из 12 пушек уже 6 штук потеряла. Сегодня снова происходит весь день веселье.

13 июля. Вчера вечером русские обстреляли наши позиции ураганным огнем из крупнокалиберной артиллерии. Сегодня уже третий день мы лежим под артиллерийским огнем. Я ооченел. Ночью должны спать в щели, а днем тоже не можем часто выходить. В нашей дивизии довольно большие потери. Я только что слышал, что мы должны оставить эту позицию, а в другом месте прорваться через реку и линию.

16 июля. Лежим сегодня уже шестой день в лесу, и все еще перед рекой.

17 июля. Рано поутру попал артиллерийский снаряд прямо в автомашину 5-й роты. Боеприпасы сгорели.

19 июля. Иго нашел на дороге партизана, повесил его.

21 июля. Сбились с пути из-за неправильного управления. Подойдя на 150 метров к лесу, подверглись нападению со стороны русских. Короткий бой, высадились из автомашины. Два человека из нашего отделения потеряно. Вечером вступили в населенный пункт. Гражданское население закопалось в ямы, боится авиации.

22 июля. Устраиваем квартиры. Иго, я и Эмиль зарезали свинью. 10 человек съели ее в два дня. Были котлеты и жаркое, клецки. Женщины обязаны были чистить и тереть картофель и убирать для нас.

23 июля. Сегодня ночью был обнаружен один русский разведывательный отряд в нашей деревне. Один фельдфебель в палатке был застрелен. Пришлось выставить удвоенные посты. Мы вынуждены оставаться здесь до первого августа, до тех пор, пока наши танки будут отремонтированы.

24 июля. Сегодня снова организовали поход за продуктами, принесли 10 яиц и молоко, испекли сегодня в полдень пирог с курятиной. Иго и Эмиль снова достали свинью.

25 июля. Сегодня на обед снова клецки и жаркое. Гофштетер сожрал снова очень много. Эмилю плохо — до того обожрался.

26 июля. Получил письмо, вслед за этим получил телеграмму. Шрупп поздравляет меня, как одного из пер-

Убий убийцу!
Гравюра на линолеум

вых награжденных. Я очень рад. В честь торжества немедленно пью изрядное количество водки.

30 июля. Снова глубокая атака авиации противника на нас. А затем, с 16 часов до 20 часов, русские подвергли ураганному огню наши позиции. Наш командир отделения был отброшен на два метра от окопа. Противник стреляет непрерывно по нас снарядами всех калибров. После концерта неожиданные крики русских: они прорвались. Наши два гранатомета уничтожены. Я не мог спать всю ночь.

31 июля. Русские сделали несколько залпов,—должно быть, у них много артиллерии. Мы лежим теперь вдвоем в щели, на которую наложили сверху бревна.

2 августа. Утром, как и всегда, в 4 часа идет чело-векоубийственный спектакль — здесь и там. Снова не получил кофе, уже четыре дня не умывался. Русские снова стреляют из тяжелых. Кусок 100-миллиметрового снаряда упал перед нашей щелью. Земля задрожала. Опять русские бомбардировщики бомбили наши позиции.

3 августа. Утром в 2 часа начался ураганный огонь русских, потом атаковали. После полудня одна русская легкая батарея обстреляла непрерывным огнем наши окопы. Я не надеялся выйти живым из окопа, так была сильна бомбардировка, и потом еще налетели бомбардировщики и сбросили зажигательные бомбы. Спустя один час снова открыли огонь. Мы лежим теперь втроем в окопе, который находится глубоко под землей.

4 августа. Сегодня до полудня, в 10 часов, начали такой же огонь по нас, как и вчера. В 10—15 метрах от нашего окопа упал снаряд, вокруг нас полетели грязь и пыль. Наша артиллерия не стреляет потому, что она бережет боеприпасы на случай атаки русских. Когда только мы из этого ада выберемся!

6 августа. Вдруг над нами артиллерийский огонь. Я немедленно в щель. Сразу задрожала земля, оглушительный треск; грязь и пыль засыпали меня в моей яме. Кругом едкий дым. Я быстро выбежал. В 5 метрах за нашей ямой упал тяжелый снаряд. Я был рад, что остался жив. Мои сапоги лежали перед ямой, один осколок попал в них.

8 августа. Русские снова стреляют с 5 часов ураганным огнем. Русские атакуют. В нашей второй роте боль-

шие потери. Майор затребовал танки. С 7 часов лежим мы под непрерывным артиллерийским огнем, русские стреляют на чем свет стоит.

9 августа. Майор сообщает полку, что наш батальон больше не годен к использованию. Вечером вынуждены были сменить одну дивизию. Русские пытались еще раз атаковать. Наша вторая рота отходит назад, прикрываясь гранатометами. Вечером, в 9 часов, мы должны были закрепиться. Вдруг зеленая сигнальная ракета. Танки противника контратакуют. Мы побросали все и разбежались. Я вскочил на мотоцикл и на полном газу умчался.

10 августа. 20 километров позади фронта. Наконец засыпаю до 9 часов утра.

11 августа. В 8 часов просыпаюсь и до 12 часов загораю. Потом организую поход за молоком. Делаю манную кашу: 2 литра молока, кило манки и немного сала — и каша такая густая получилась, что ложка сломалась.

14 августа. Рано поутру, в 5 часов, глубокая атака бомбардировщиков противника на нашу колонну.

15 августа. В 8 часов просыпаюсь, загораю, потом полевое богослужение.

20 августа. Идем рано поутру на позиции...»

На этом обрывается дневник Иосифа Рихтера. Ибо на этом советская пуля оборвала гаденькую жизнь матерого гитлеровского бандита.

Еще одним мерзавцем меньше на свете.

16 сентября 1941 г.

Гвардии красноармеец

Г. ЧЕРНОВ

Отомстим

Слышишь стоны гордой Украины?
Там, где песнь звенела, где цвели сады,
Там оставили фашистские громилы
Страшные, кровавые следы.
Там, во мраке, матери, рыдая,
Говорят нам: «Сын мой, не простим!»
Наши жены, дети, умирая,
Нам шептали: «Воин, отомсти!»
Мы запомним слезы, кровь и стоны,
Мы придем, мы слышим, не простим!
За разрушенные города и села,
Мы за все фашистам отомстим!

Генерал-майор
ЕРМАКОВ

Бредовые измышления немцев об окружении и уничтожении армии Брянского фронта

4 октября — через три дня после затеянного Гитлером нового наступления — немецкое командование известило мир о том, что русские армии Брянского фронта окружены и полностью уничтожены. Неукротимые бредуны из германского генштаба «убили» в этом сообщении несколько десятков тысяч советских бойцов и командиров, еще большее количество «взяли в плен», «лишив» наши армии множества танков, артиллерии, пулеметов и другого оружия. В добавление ко всему сообщалось, что в числе пленных и убитых имеются советские генералы — Ермаков, Крейзер и другие.

Насколько все это сообщение соответствует действительности, видно хотя бы из того, что один из «убитых» или «взятых в плен» советских генералов пишет эту статью. Но не это является главным в лживой фашистской стряпне. Не об этом мне хочется сказать. Правды ради, сообщу лишь, что и Крейзер жив, здоров и продолжает драться с врагом.

Правда, неблагоприятные условия, которые объяснены докладом товарища Сталина, — численное превосходство немцев в танках и авиации, — сказались в значительной мере и на Брянском фронте и вынудили нас отступить. Фашистам удалось взять Орел и Брянск. Таким образом, мы потерпели неудачу. Но посмотрим, чего хотели немцы и чего они добились.

Германское командование замышляло взять Брянск и открыть дорогу на Москву еще в сентябре месяце. Для осуществления этой цели оно бросило на Брянск танковую группу генерала Гудериана. В сентябрьских боях под Брянском Гудериан не добился никаких оператив-

ных успехов. Больше того, эта группа была так сильно потрепана нашими танкистами, артиллеристами, авиаторами и пехотинцами, что вынуждена была очистить в районе города Трубчевска большую территорию.

После краха гудериановского похода на Брянск немцы везде на этом фронте перешли к обороне. Наши войска, наоборот, отбив наступление Гудериана, продолжали активные действия и нанесли немцам ряд последовательных ударов. Только одни бойцы командира Петрова в результате пятидневных атак уничтожили более 2 000 фашистских солдат и офицеров, взяли много орудий, минометов и различное другое оружие. Бойцы т. Акименко в двухдневном наступательном бою уничтожили 67 танков, 21 броневик, полностью два полка немецкой мотопехоты. Большие потери немцам нанесла моя группа войск.

После этих боев немцы сидели в окопах, не проявляя никакой активности. Больше месяца понадобилось фашистскому командованию, чтобы привести в порядок и пополнить маршевыми батальонами и новой материальной частью группу Гудериана и вообще всю группировку своих войск, действовавшую на Брянском направлении.

К концу сентября фашистское командование сосредоточило на нашем направлении огромные силы — до 500 танков, 800 самолетов, 10 дивизий мотопехоты. Из оккупированных районов Франции, Норвегии, Дании, даже из африканской Ливии доставлялись под Брянск танки и солдаты. Из Финляндии были пригнаны сюда финские «кукушки».

Первого октября немцы начали свое, как они утверждали, «генеральное» наступление. На нашем фронте главный удар наносился по стыку моей группы войск и Городнянского, а второй, вспомогательный, — по правому флангу фронта. Замысел фашистского командования предусматривал захват Севска, Кром, Орла, с выходом на Плавск, а затем на Тулу. Здесь должна была действовать главная группировка немецких войск.

Второй группировке было приказано взять Брянск, Карачев, изменить направление и идти на Белев, Одоев, Тулу. В районе Тулы кольцо немецких войск вокруг армий Брянского фронта должно было замкнуться. Перед немцами, в случае осуществления этого плана,

открывалась прекрасная и короткая дорога на Москву. Нечего и говорить, замысел весьма заманчивый.

В первый день наступления на наши части, действовавшие в районе между городом Глуховым и станцией Хутор Михайловский, навалились сразу две танковые немецкие дивизии и одна дивизия мотопехоты. После ожесточенного и героического сопротивления наши войска здесь были потеснены, линия фронта прорвана. В прорыв устремились танки и мотопехота противника, быстро развивая успех. Через два дня немцы заняли Севск, а еще через три — Орел.

У другой группы немецких войск дело шло сложнее. Бойцы т. Петрова отбили все атаки первого дня. На второй день немцы высадили в тылу у бойцов Петрова парашютный десант. К вечеру он был уничтожен. Лобовые атаки немцев также ни к чему не привели. Наши части не уступали фашистам без боя ни одного вершка советской территории. В результате двухдневных боев на этом фланге немцы потеряли 48 танков, до трех полков мотопехоты, 18 самолетов, много орудий и минометов.

В это же время немцы предприняли атаку на наши части, защищающие Карачев. Несмотря на большое численное превосходство немцев, мы отбили атаку, полностью уничтожив эсэсовский фашистский полк в составе 3500 человек, захватили знамя этого полка, документы и имущество штаба.

В направлении Орла, как я уже говорил, немцы добились успеха. Для выравнивания линии фронта стали отходить некоторые наши части.

Но главный план немцев — окружить армии Брянского фронта — не осуществился ни тогда, ни после. Правда, в процессе борьбы были моменты, когда некоторые наши части оказывались обойденными неприятелем. Но за время войны мы научились многому. Окружение уже перестало быть таким пугалом, каким оно казалось иногда в первые дни боев с немцами. Как ни пытался враг, ему не удалось посеять панику в наших рядах. Части держались вместе. Нарушенные кое-где связь и управление быстро восстанавливались. Н-скую танковую часть обошли три роты автоматчиков и 28 танков. Танкисты не ударились в панику и без особого

труда справились с этими обходившими фашистскими подразделениями. Наш отряд тяжелых танков передал и перестрелял всех автоматчиков, а из 28 танков уничтожил 27. Командир немецкого танкового отряда капитан Кассель был взят в плен вместе со своим штабом. Какое же это окружение?

Немцы пытались окружить и другую часть. В тыл ей зашли два батальона мотопехоты и 17 танков. Ночной атакой наши бойцы разгромили всю эту группировку немцев и соединились с нашими войсками.

Под напором численно превосходящих сил фашистов наши армии отходили на новые рубежи. Но отходили они организованно, с боями, дорого отдавая немцам каждый метр советской земли. Отходя, наши армии не теряли связи между собой, со штабом фронта. Был такой случай. Части т. Крейзера попали в трудное положение. Во фланг им зашла одна немецкая мотодивизия, которая угрожала выходом в тыл. Командование приказало моей группе атаковать эту дивизию и помочь частям Крейзера выйти из трудного положения. Приказ был выполнен точно. Немецкая дивизия была отброшена далеко на юг, а части Крейзера сомкнулись с моей группой.

Упорно дрались сседающими фашистскими полками бойцы командира Городнянского. Часто переходя в контратаки, они вконец измотали немцев и оторвались от них. Пути отхода этих бойцов усеяны пятью тысячами трупов немецких солдат и офицеров, останками 122 танков и 36 минометных батарей.

Ни в одном месте немцам не удалось серьезно перегородить пути отхода нашим армиям. Дорога на Белев не перерезалась ни на один час. Путь южнее Орла был в наших руках. Курское направление также находилось под контролем одной из наших армий.

Выйдя со старых позиций на новые, армии Брянского фронта перегруппировались и вместе с прибывшими подкреплениями остановили дальнейшее продвижение немцев. Это они не дали фашистам выйти на Воронеж, двадцать два дня держали врага под Орлом и Белевым. Бои здесь шли непрерывно. Заняв Орел, немцы хотели с налета взять Тулу. Этого им сделать не удалось. Одна из армий Брянского фронта уничтожила под Орлом

свыше 150 немецких танков, 280 боевых самолетов, более 100 орудий и минометов, больше 2000 солдат и офицеров. У Белева этой же армией было уничтожено два немецких мотополка.

Вот вкратце история боев на Брянском направлении. По самому скромному подсчету, немцы за время этих боев потеряли более 50 000 убитыми и ранеными, свыше 400 танков, около 500 боевых самолетов, тысячи транспортных машин, тягачей и мотоциклов.

Армии Брянского фронта, усиленные новыми частями и руководимые все теми же генералами, сейчас сражаются с врагом вместе со всей Красной Армией.

Как все это далеко от того, что сообщают немецкие врали! А впрочем, другого от них нельзя и ожидать. План Гитлера, так широко разрекламированный в начале октябрьского наступления немцев, провалился. Немцы, как мы уже говорили, имели значительный численный перевес на нашем фронте, особенно в танках. Но они не сумели добиться решительной победы, как об этом вещали.

Фашисты враньем восполняют то, чего им не удастся добиться силой оружия. А это вранье все более и более приедается населению Германии и даже ее офицерам. Вот запись в дневнике убитого немецкого майора Людендорфа:

«Прочел сегодня статью о нашем походе. Приторно и грубо. Мы потеряли чуть ли не три четверти всей группы, а генералитет и газетные писаки представляют это как большую победу... Хоть бы стеснялись нас, которые видят цену этой «победы» собственными глазами, хоть бы стеснялись наших жен, матерей и детей, которые все чаще и чаще получают извещения о смерти их родных на Восточном фронте».

Трудно что-нибудь прибавить к этим словам — свидетельству нашего врага.

15 ноября 1941 г.

В боях за Тулу

Старший батальонный комиссар
ИВ. МАРТЫНОВ

На улицах Тулы

Суровый, уже зимний ветер бьется на улицах Тулы. Мороз, снег. Переулки ошетинились баррикадами, противотанковыми укреплениями. Жители пролетарского города торопятся закончить последнюю работу на своих улицах. Около большого противотанкового рва, пересекающего асфальтированную дорогу, оживление, шутки, смех. Через несколько часов будут вынуты последние кубические метры земли. Идет горячее соревнование.

Таня Воронова, веселая продавщица из универсама, кричит проходящей группе красноармейцев:

— Вы куда, на передовые?

Бойцы оглядываются на веселую, разрумянившуюся на морозе девушку, и каждому хочется казаться стройнее, мужественнее и суровее. Но глаза теплеют, тянет пошутить с этой озорной и краснощекой.

— Много будешь знать — скоро состаришься, — солидно отвечает маленький пулеметчик.

— Ну вот, вечно у вас секреты. Знаю, к Косой Горе идете. Бейте там этих чертей покрепче!

— Да уймись ты, сорока, — останавливает Таню пожилая женщина, спокойно и споро орудующая лопатой. — Без тебя не знают. Ты вон лучше гляди, вторая-то бригада раньше нас к перемычке выходит.

— Как бы не вышла! Там одни калеки собрались, — ворчливо отзывается девушка и пронзительно кричит на всю улицу:

В осажденной Туле. Жители заканчивают постройку противотанковых укреплений

— А ну, ребята, навались!

И «ребята» — пожилые рабочие, солидные служащие банка и кооператива, домашние хозяйки и школьники — весело откликаются на этот призыв, «наваливаясь» изо всех сил на лопаты и ломы.

За городом и в городе ухают орудия. Где-то возле часто возникают пулеметные очереди. Слышны разрывы мин. Улицы лежат настороженные, готовые ко всяким неожиданностям.

Нет, не одолеть немцам города-крепости! Не сломить духа этих простых штатских людей, познавших горе, перенесших страдания и не разучившихся шутить. Фронт и тыл в этом городе неотделимы. Не знаешь, где кончаются передовые позиции, где начинается мирная тыловая жизнь.

Город-боец. Город-герой. Вписавший уже прекрасные страницы в историю великой отечественной войны, город сумеет постоять за себя.

15 ноября 1941 г.

Туляки

Рослый юноша с полуавтоматом на плече появился на опушке Комсомольской рощи, когда жаркая перестрелка уже разгоралась.

Командир взвода лейтенант Кузнецов не отрывал бинокля от сарая, который виднелся на той стороне оврага.

— Их, чертей, наверное, в сарае полным-полно, — заметил Кузнецов и опустил бинокль.

В этот момент он увидел незнакомого юношу. Тот терпеливо ждал, пока на него обратят внимание, и переминался с ноги на ногу. На пояс у него было надето столько подсумков с патронами, что ремня почти не было видно. В руках парень держал мешок.

— Что скажешь, дружище?

— Пришел проситься в роту. Из рабочего батальона. Восемнадцать лет стукнуло.

— Совершеннолетие, значит.

— Именно. Хочу, товарищ лейтенант, податься на действительную.

— А зачем вещевой мешок приволок на позицию?

— Там вещей нет. Патроны, — оправдывался парень.

— Куда же их тебе столько?

— Стрелять по немцам, товарищ лейтенант.

— С твоей просьбой надо идти к командиру полка. После боя проводим.

— Вот и хорошо, — откликнулся обрадованный парень, — а я пока здесь полежу.

Через несколько секунд молодой боец лежал на мерзлой земле и вел огонь по сараю, в котором спрятались автоматчики.

В тот же день Юрий Карев — так звали молодого красноармейца — подстрелил первого немца. Тот перебежал от обугленной автомашины, стоявшей на дороге, к дому с зеленым крыльцом. Немец растянулся на снегу раньше, чем добежал до крыльца.

Еще минувшей весной беззаботный и простодушный школьник гулял в этой пригородной роще вместе со своими одноклассниками. Юрий Карев готовился к

предстоящим выпускным экзаменам и мечтал о Механическом институте. Враг, подступивший к родному городу, ожесточил юношу, научил его мести, сделал его суровым, молчаливым.

Не прошло и месяца, как Юрий Карев находится на действительной службе в Красной Армии, а он уже «успокоил», по выражению лейтенанта Кузнецова, семерых немцев.

Сперва бойцы слегка подтрунивали над Каревым за его страсть к патронам. У него всегда патронов было раз в пять больше, чем у любого другого красноармейца.

— И зачем ты их только собираешь, шут с тобой? — недоумевал Федор Дегтяренко. — В коллекцию, что ли?

Зажигательные — с красным венчиком на острие пули. Трассирующие — с зеленой каймой. Утяжеленные, для стрельбы на короткой дистанции — с желтой отметинкой. Бронебойные — черные. И всем он умел найти применение. В трудном поединке с вражеской «кукушкой» он действовал расчетливо, осмотрительно, умело.

В полуразрушенной церкви, между куполом и колокольней, сидел вражеский автоматчик. Он вел огонь трассирующими пулями.

Но вот, какое из трех церковных окон облюбовал немец? Карев ползет вправо, к бревенчатому дому. Оттуда, из слухового окошка, он решил понаблюдать за немцем. Ну да, так и есть: кто-то маячит в левом крайнем окне. Боец стреляет. Чтобы не обнаружить себя, Карев стреляет простой пулей. И тотчас же дом, в который забрался Карев, был прошит очередью из автомата. Значит, предположение правильно: автоматчик засел в крайнем окне.

Карев отползает обратно в окоп, чтобы оттуда начать поединок с фашистом. Его точный адрес теперь известен. Из укрытия можно уже стрелять трассирующими пулями.

Выстрел Карева по крайнему окну — зеленый светлячок — подтверждает точность попадания. Автоматчик перебегает к среднему окну. Навстречу Кареву летит в зеленых вспышках и проблесках свинцовая очередь. Но стрелок укрыт и продолжает спокойно целиться. Встречный выстрел — очередь внезапно обрывается. Можно поручиться, что автомат выпал из рук врага. Еще одного

Средний танк в засаде на подступах к Туле

*Орудийный расчет т. Д. Горбач на огневой позиции
у Тульского моста*

Козогорский рабочий поселок, сожженный фашистами во время бегства

Старший сержант т. Гудименко у подбитого им на подступах к г. Мордвесу фашистского танка

немца угостил из своего вещевого мешка восемнадцатилетний красноармеец Юрий Карев.

Его отличает хорошая фронтовая деловитость. Кажется, что пытливость, любознательность и чудесная смекалка многих поколений тульских оружейников вселились в этого крепкого парня с зоркими глазами и талантливymi руками.

Молодой красноармеец знает винтовки одиннадцати систем, пулеметы пяти систем, быстро освоил противотанковое ружье и хорошо стреляет из любого оружия.

И в редкие часы отдыха Карев сидит в землянке и возится с оружием. Александр Кузнецов читает бойцам на память стихи.

— Эх, скрипку бы! — вздыхает бывший учитель математики лейтенант Кузнецов, когда весь репертуар художественного чтения исчерпан. — Скрипка — моя болезнь, моя любовь...

На следующий день Юрий Карев отпросился у командира сходить домой, на улицу Свердлова. Рота в тот день занимала позицию в пяти кварталах от дома, а он не был там уже очень давно. Мать, наверное, поздравит его с совершеннолетием, а он похвастается тем, что находится на действительной службе в Красной Армии.

Обратно в землянку Карев пришел, держа подмышкой футляр со скрипкой.

За время своей короткой побывки дома Карев обещал знакомых, выпросил у кого-то инструмент.

Ночью Кузнецов вернулся с Федором Дегтяренко из боевого охранения и увидел подарок. Скрипка, настоящая скрипка, о которой столько месяцев мечтал Александр Кузнецов, висела на земляной стене рядом с противопогазом, котелком и полевой сумкой.

— Неужели? — вот все, что в радостном смятении сказал лейтенант.

Кузнецов играл в землянке на скрипке, а Карев слушал музыку, что не мешало ему разбирать в это время какое-то трофейное ружье.

Ладони и пальцы его, как обычно, были в ружейном масле, и он попрощался с нами дружеским кивком головы, не подав руки.

9 января 1942 г.

В Тульском рабочем полку

Мы шли в окопы ночью; от командного пункта полка — километров пять степью. В стороне от нас пробивалось слабое зарево. Горизонт светлел. Потом мы увидели огромный, как двухэтажный дом, багровый слиток. Горела деревня. Ее подожгли бегущие немцы.

Недалеко от окопов взрывались вражеские ракеты, и трассирующие пули заменяли звездопад.

— Кто идет? — окликнул часовой.

Это был девятнадцатилетний пулеметчик Василий Кирюхин. Он стоял на посту вместе со своим «курносим» боевым другом «Максимом».

— Не озяб ли?

— У нас температура нормальная, — сказал боец. — Это его и в холод и в жар бросает.

Немного поодаль от Кирюхина, в окопе, стоял еще один часовой, за ним — новый. Остальной народ находился в блиндаже.

Окоп соединялся с блиндажом узким подземным ходом. Сразу повеяло теплом. На дощатых нарах возле печушки отдыхали и грелись люди.

Военными все они стали уже на войне. Во время коротких передышек между боями и в самих боях обучались они сложному военному искусству. В прошлом — это кадровые рабочие, инженеры, советские служащие, их дети. Большинство — туляки. Есть и сталингорцы, и вневцы, и серебрянопрудцы. Молодой энергичный командир Исаак Каршиев — узбек. Отважный пулеметчик и разведчик Гаяс Мурасов — татарин. Великая страна наша видна и здесь: разнообразие профессий, возрастов, национальностей и — единство воли, единство мысли, никем непоколебимое морально-политическое единство. Когда над нашей родной советской Тулой нависла грозная опасность осады, все они, как один, поднялись на ее защиту. Боевое крещение уже состоялось. Самоотверженно дрались они с врагом. Он находился на окраинах города. Яростные атаки немцев были отбиты, и наступательный порыв сокрушен.

— Немец думал — Троица, венки завивать шел. А вышла панихида. Раньше все он брехал: «Туле капут» «Москве капут». Теперь язык прикусил, хвост поджал, к себе в логовище пятится, бродяга.

— Давеча пленкого поймали. Так он про другой «капут» говорит уже. Только наша артиллерия заиграет, у немца все поджилки трясутся, зуб на зуб не попадает. Показывал: «Бу-бу-бу-бу-бу. Алес капут».

— Здорово он напоролся на Тулу. Век ее помнить будет.

— Гнать его, вора, до Берлина надо. Только с места тронуть: остановиться ему не дадут — колья и вилы в ход пойдут.

— Я бы добавил,— гнать и в землю закапывать. Мы нашей земли на это не пожалеем.

— Вот хам-то явился, вот обжора. В печку лезет, под печку лезет. Чтоб ему, мошеннику, до Плавска не доехать.

— Он вшей не губит. На пол безрогую скотину пускает. Крупная и кусачая германская вошь.

Так рассуждали находившиеся в траншее люди. Они видели немца в лицо, хорошо знали черные дела его, воровскую повадку, его вчерашний, сегодняшний и завтрашний день. Они горели жаждой последнего, решительного боя и готовы были жизнь отдать за наше правое, святое дело.

— Разве можно в такое время сидеть дома,— утвердительно произнес Алексей Зуйков.— Скучно было дома. Здесь веселее.

Ему семнадцать лет, этому герою. Лицо — не утратившее еще черты детскости. У пояса штык, патронташ. Он — снайпер.

— В бою — все равно что на полигоне, у себя на заводе,— сказал он бойко.— Совсем не страшно. Знаем, за что воюем. Мы немецкого пулеметчика в Рогожинском поселке сшибли. Вот ему было страшно.

Тут же называли имена героев: политрука Евгения Хаваева, бойцов Льва Волкова, Анатолия Евреева, Василия Фетисова, Ваню Ключева, уже упомянутого Гаяса Мурасова. Все это — бесстрашные воины. Назвали и дружинницу Клаву Чурляеву. Она вынесла с поля боя 60 раненых бойцов вместе с их оружием.

Четыре брата этой отважной девушки на фронте — бьют немцев. Да четыре ли у нее брата? Четырем ли только она сестра!

...Мы прощались с товарищами.

— Что передать Туле?

— Передайте, что будем стоять стойко, что каждый из нас знает, где он находится.

22 декабря 1941 г.

Старший батальонный комиссар
ИВ. МАРТЫНОВ

Как добывается победа

В центре полевой карты, испещренной красными и синими линиями, над черным кружком — тугая крупная надпись русскими буквами: «Тула».

Сбоку бледный немецкий перевод: Tula. Кружок, обозначивший Тулу, обведен с юго-запада жирным красным полукольцом. От этого полукольца толстая красная линия проложена вниз по тульской дороге. С южного обреза карты тянется от этой линии другая, увенчанная стрелой, разящей расположенный восточнее Сталиногорск. Выше, над Тулой, прочерчена прямая красная дорога на Москву.

Итак, все ясно: лобовой удар по Туле, параллельно обхват с востока и — прямая танковая магистраль на Москву.

Эту карту с четко расчерченными линиями бросил перепуганный насмерть немецкий офицер, удирая из танка, подбитого бойцами Героя Советского Союза майора Кравченко. Бойцы Кравченко смешали аккуратно растасованные карты танковой группы Гудериана, уничтожив только за три дня 38 танков противника.

Говорят, что Кравченко действовал не по всем правилам военной науки. Командуя ответственным боевым участком, он оказался оторванным от штабов. У него не было телефонной связи. Немцы пыжились из последних сил, пытаясь создать видимость окружения, засылая в тыл автоматчиков и ракетчиков. Кравченко был на командном пункте. Он располагал крайне ограниченным

числом связных. По представлениям немецких разведчиков, у начальника боевого участка не было никаких средств борьбы против массированной атаки танков.

Накануне немецкие самолеты-разведчики на бреющем полете прошли над нашей линией обороны, фотографируя расположение огневых точек.

Кравченко видел это. Зная повадки немцев, он ночью изменил расположение огневых позиций и утром с улыбкой наблюдал, как немецкая артиллерия и десятки самолетов бомбили старые расположения огневых точек. После артиллерийской подготовки 70 фашистских танков из полка «Великая Германия», уверенные в полном уничтожении нашей пехоты, двинулись на Тулу.

— А я,— рассказывает веселый майор,— за это время расставил аккуратно пушечки, пулеметы, минометы — все честь-честью. Каждый, как музыкант, знал, что ему делать.

Первая и ответственная роль выпала на долю маленьких групп истребителей, созданных в подразделениях и обложивших шоссе. Они были вооружены противотанковыми ружьями, гранатами, бутылками с горючей смесью.

И вот грозная по виду железная армада двинулась на наши позиции. Но не было предателей среди наших бойцов, не дрогнули испытанные в боях части. Огонь бронебойных пуль обрушился на танки врага.

Пулеметные очереди ударили по автоматчикам,двигающимся за танками, отрезая их все дальше и дальше от машин, лишая танки основной своей силы — пехоты. Вот загорелся один танк, беспомощно закрутился на подбитых гусеницах другой. Опрометью бросился из танка в сторону от поля боя офицерик, теряя карту победного шествия на Москву.

Смешались и заметались по полю вражеские машины, ища слабых участков обороны. Зенитчики, действовавшие с частью т. Зубкова, прямой наводкой расстреливали охваченные паникой танки. До 2 часов дня продолжался неравный бой. И враг не выдержал — бежал, оставляя на поле боя трупы автоматчиков и разбитые танки.

Еще несколько раз ходили немецкие танки в атаку, и каждый раз в страхе отступали перед непреклонностью

наших бойцов. 19 танков потеряли немцы в первый свой штурм.

Кравченко в часы битвы управлял боем с четвертого этажа окраинного дома. Все поле сражения было открыто перед ним, связные бегом носились от подразделения к подразделению, передавая приказания командира.

Три дня подряд, по несколько раз в сутки, предпринимали немцы массированные танковые атаки. И все они были отбиты.

В один из дней, в 9 час. 30 мин. вечера, когда уже возможности нападения танков, казалось, были исчерпаны, к отдыхавшему майору Кравченко подошел неизменный его адъютант, молодцеватый т. Степа и спросил:

— Товарищ майор, не знаете ли вы, что это за танки вышли к нашему дому?

Майор поглядел в окно. С зажженными фарами, широким фронтом шли прямо на командный пункт немецкие танки. Несколько тяжелых танков были уже метрах в трехстах от дома, преодолевая ближайший противотанковый ров. В открытых люках стояли во весь рост пьяные фашистские вояки, рискнувшие в эту ночь предпринять «психическую» атаку.

Кравченко отдал короткую команду и сам бросился к ближайшему орудью. Одновременно у другой пушки встал майор Самойленко и ударил в лоб «психам». Через три минуты заговорило орудие лейтенанта Исае. Через следующие две минуты открыл огонь капитан Вербицкий. Уверенно застучали противотанковые ружья, полетели гранаты и бутылки. «Психическая» атака была стремительно отбита.

Со 2 ноября немцы не предпринимали больше массированных танковых атак на этом участке фронта. Они перешли к своему излюбленному методу обмана, маневрируя мелкими подразделениями мотопехоты и танков, пытаясь создавать видимость обхода и окружения наших частей. Потеряв надежду взять Тулу в лоб, враг рвется сейчас, не щадя сил, на северо-запад в обход, на московскую дорогу. Ожесточенные бои не угасают.

— А что вам страшно, товарищ майор? — улыбаясь, спрашивает старый его начальник штаба, лейтенант Бенцель. — И самолеты и минометы тоже не признаете?

— Да и самолеты, конечно, не страшны, — спокойно говорит Кравченко. — Главное — не бегай от них. Да и от минометов никак бежать нельзя — только укройся, тогда они никакого вреда не принесут.

А танки, да еще без пехоты, — продолжает он прерванную мысль, — можно бить как угодно. Самый серьезный враг — паника, страх, а не танки. Если человек спокоен и рука у него не дрожит, танк никогда не пройдет. Спокойненько подпусти его, ударь из противотанкового ружья — а ружья у нас хорошие — и добивай гранатой. Вот и все дело. Пленные рассказывают, что на днях приезжал на наш участок фронта генерал Гудериан. Очень был недоволен работой своих танков, какие-то новые приказания давал. Поживем — увидим.

На рябоватом, со следами былой оспы, лице Кравченко добродушно-лукавая улыбка. В серых глазах его столько настоящего спокойствия солдата, столько побеждающей уверенности в своих, в наших силах, что видишь: этот бывший батрак, а потом питомец Академии им. Фрунзе — достойный противник «ученого» Гудериана. Нет, он ни на пядь не отступит перед Гудерианом, не дрогнет перед его танками. Не побоится смерти. Он видит, он всем существом своим ощущает грядущую победу. И он точно знает, как добывается победа.

16 ноября 1941 г.

Батальонный комиссар
С. АНДЕЛЬМАН

Враг не прошел

Противотанковая оборона не является специальностью советских зенитчиков. Их профессия — уничтожение воздушных стервятников. Но когда требует обстановка, зенитчики меняют эту профессию.

Враг хотел обрушиться на город Тулу танками. Зенит-

чики решили отразить нападение противника во что бы то ни стало.

Командир части т. Бондаренко предвидел возможность попытки танкового прорыва и, во-время перегруппировав свои силы, организовал надежную противотанковую оборону важнейших подступов к Туле.

Это явилось полной неожиданностью для противника, и первая же попытка вражеских танков ворваться в город провалилась. Зенитчики встретили их губительным огнем своей артиллерии и сразу же подбили несколько танков.

Потерпев неудачу, враг убрался с дорог. Но не надолго. Бойцы и командиры знали это и полностью использовали ночь для улучшения своих позиций и усовершенствования всей системы противотанковой обороны.

Наступил рассвет следующего дня. Противник повел наступление на город двумя танковыми колоннами общим количеством в 60 машин. На главном направлении вражеских танкистов встретила батарея лейтенанта Зайцева. Комиссар батареи т. Сизов ни на минуту не отходил от орудий, воодушевляя бойцов на беспощадное уничтожение немецких оккупантов. Бойцы и командиры поклялись скорее погибнуть, чем пропустить в город хотя бы один вражеский танк.

Бой был жаркий. Враг шел напролом, не считаясь с потерями. Среди бойцов появились убитые, но оставшиеся в живых и раненые продолжали выполнять свой священный долг перед родиной. Расчеты работали четко. Вражеские танки выходили из строя один за другим.

Озлобленные фашисты решили подавить героическую батарею с воздуха. Два пикирующих бомбардировщика внезапно напали на нее. Зенитчики не дрогнули. Через несколько минут «Юнкерс-88», зажженный попавшим в него снарядом, штопором летел вниз.

Первая атака была отбита, но враг не унялся. Через короткий промежуток времени он бросил новую колонну танков и опять наткнулся на мощный огонь зенитчиков. Несокрушимую стойкость проявил на этот раз командир взвода т. Волнянский, уничтоживший со своими бойцами 12 вражеских танков.

В течение дня противник предпринял еще три яростных атаки, но не продвинулся вперед ни на шаг. Бойцы т. Бондаренко подбили и уничтожили за этот день 26 вражеских танков.

Получив в первых боях жестокий отпор, немцы стали действовать осторожно. Более опытными стали и бойцы подразделений части т. Бондаренко. Выполняя задачи полевой артиллерии, зенитчики не только отбивали нападение вражеских танков, но также поддерживали наступление отдельных пехотных подразделений, подавляли, по указанию командиров пехотных частей, огневые точки, уничтожали наблюдательные пункты, рассеивали скопление танков, автомашин и пехоты противника. Всего за 12 дней боев подразделение части т. Бондаренко уничтожило 39 фашистских танков, сбило 3 самолета, подавило 1 батарею, уничтожило несколько противотанковых орудий, автомашин и много сотен фашистских солдат и офицеров.

Отважно дрались командиры орудий Казак и Никитенко, наводчики тт. Беспалов и Шведов. Исключительную стойкость проявил зенитчик — боец А. Волокитин. Раненный в голову, он ни на минуту не отходил от своего орудия во все дни жарких боев. На его боевом счету уже записаны 6 уничтоженных вражеских танков и 2 самолета.

Мужественно и умело вел бой командир взвода т. Милованов, уничтоживший четыре танка, одну автомашину и два орудия противника. Командир дивизиона старший лейтенант т. Колесниченко точными и внезапными огневыми налетами рассеивал танки и пехоту врага.

Во все дни боев коммунисты и комсомольцы были на самых ответственных участках. Разъясняя бойцам ближайшие боевые задачи, они своим бесстрашием и презрением к смерти увлекали их на беззаветную борьбу за родину. 49 бойцов и командиров подали заявления о приеме их в партию Ленина—Сталина. 26 товарищей уже приняты в партию. Все они — люди, показавшие свою безграничную преданность родине, готовность, не щадя своей жизни, уничтожать фашистских насильников, вступивших на советскую землю.

14 ноября 1941 г.

И. МИТЬКОВСКИЙ

Песня тульских партизан

Не страшна нам вьюга злая,
Ни метели, ни буран —
С нами песня боевая,
Песня тульских партизан.
По трощобам, по оврагам,
По лесным глухим местам
Мы идем суровым шагом,
Смерть несем своим врагам!
Зря торопятся колеса:
Бесполезная езда!
Мы спускаем под откосы
Лютых немцев поезда...
Смерть фашистскому разгулу!
По волкам сильнее бей!
Не допустим в нашу Тулу
Оголтелых палачей.
Их закружит вихрем вьюжным,
Уничтожит наша месть!
Наше грозное оружие —
Родовая наша честь!
Наша родина святая
Не умрет в бою от ран.
С нами песня боевая,
Песня тульских партизан!

25 декабря 1941 г.

Во имя родины

В Белогородском лесу, на небольшой поляне, высится одинокий могильный холм.

На столбе у могилы доска с надписью:

«ИВАНОВ ИВАН ПЕТРОВИЧ

Родился в 1879 году

Убит в декабре 1941 года

*немецкими оккупантами за дело русской земли
и счастье русского народа»*

Сейчас зима, глубокий снег покрыл лесные дороги, жестокие метели выются над ними, но часто можно застать возле могилы людей из окрестных деревень. Приходит молодежь и поет у могилы героя советские песни. Приходят старики и шепчут молитвы.

Снег вокруг могильного холмика пожелтел, его утоптали, он стал твердым.

Не занесет метель эту великую могилу. Не закидает снегом дороги к ней.

Имя, вырезанное на сосновой доске, — бессмертно, и никогда не умереть Ивану Петровичу Иванову, никогда не исчезнуть ему из народной памяти.

Уже и сейчас, подобно песне, складывается легенда об этой могиле. Говорят, что тучи никогда не закрывают солнца над поляною и что деревья в лесу расступаются, чтобы пропустить к ней солнечный луч.

Погребен здесь простой русский человек, совершивший бессмертный подвиг во имя родины.

Он был немолод — шестидесяти двух лет, но крепок и силен. Славился он в своем селе Лишняги умом и правдивостью и, несмотря на годы, до самой смерти был активнейшим членом правления своего колхоза.

Началась война с немцами, и кипучая натура Ивана Петровича Иванова точно устроила свою силу. Он вел срочную уборку хлебов, сдавал зерно государству, собирал для Красной Армии подарки и теплые вещи.

У него одного добрый десяток сыновей с внуками сражались с проклятою немчурой.

Но вот в Серебрянопрудский район, Тульской области, пришли немцы. Старик захворал,

— Не могу я дышать одним воздухом с этими убийцами,— сказал он соседям.— Не могу ходить с ними по одной земле. Не могу смотреть на солнце, на которое и они смотрят. Не люди, а звери, да еще такие звери, которых и свет не видел.

Немцы в деревню — Иванов в лес.

Здесь, в Белогородском лесу, где покоится его прах, провел он много дней и ночей. И, быть может, здесь, под веселый шум дубов, возникло у него то решение, которое он вскоре осуществил. Ненависть его к захватчикам была безмерна, и он не мог примириться с тем, что он обязан подчиняться этим грязным и заносчивым тварям, делать, что они хотят, и этим оплевать и честно прожитую жизнь свою, и имя детей, сражающихся на фронтах. Не может советский человек стать рабом немца. Душа его не вынесет такого позора.

* * *

В тот декабрьский день, который стал днем его славы, Иван Петрович был у себя дома, читал листовку, сброшенную с советского самолета. В третьем часу дня распахнулась дверь, вошел офицер-немец.

— Иванов здесь? — спросил он.

Иван Петрович не ответил ему. Он еще ни разу не произнес перед немцами ни одного слова, не сказал бы он и сейчас, если бы не догадался, зачем пришел офицер.

— Я Иванов. Что нужно?

— Нужно проводить колонну через ваш колоссальный лес.

— Не пойду.

— О! Правда? — офицер выглянул в сени.

Вошли два солдата с винтовками. Они схватили старика и начали его избивать.

— Чего горячишься? — сказал тогда Иванов. — Раз приказываешь — пойду. Кроме меня, проводить, конечно, некому.

Кто-то, видно, шепнул уже немцам, что старик Иванов хорошо знает окрестные леса. И вот ему, давшему Красной Армии десять воинов, предстояло сделаться врагом родины.

Колонна уже поджидала проводника. Тридцать ма-

шин, груженных оружием, вытянулись по деревенской улице.

Вывести колонну надо было лесными дорогами, которые мало кто знал вообще, зимой — тем более.

Ивана Петровича посадили в головную машину между конвоирами, и он опустил края ушанки, чтобы не слышать их ненавистой речи. Колонна тронулась.

Родные места развернулись по сторонам дороги. Все было знакомо с детства, с юности. На этих полях прожил он свои шестьдесят два года: там вот сеял рожь, там косил, там — подальше — закладывал опытные участки. Да разве можно припомнить все, что прошло здесь? Жизнь, вся его жизнь протекала и склонялась к старости в этих местах — знакомых, как собственная душа. Он вспоминал тех, кого пережил, и тех, кто переживет его, представлял, как пойдет здешняя жизнь после разгрома немцев, видел своих сыновей и внуков, как они развернутся в умных и крепких колхозных организаторов, когда с почетом и, наверно, со славой вернутся из армии.

Загадил, заплевал немец красивую русскую жизнь, ломает ее советские устои, уничтожает добро, накопленное всем народом, и в пустыри, в дикое поле хочет превратить русскую землю.

Злей чумы, страшнее моровой язвы, губительнее любой заразы немец. Хочешь счастья — бей, выгоняй немца из своего дома. Хочешь беды и смерти — терпи его.

Третьего пути нет.

Дорога приближалась к знаменитому во всей округе Белогородскому лесу.

Был он знаменит своими огромными дубами, иногда в два обхвата, но не менее известен и своими болотами, непроходимыми ни зимой, ни летом. Болота шли возле реки Лобановки и, укрытые снегом, сейчас были невидимы, но Иван Петрович по деревьям, по едва уловимым чертам зимнего лесного ландшафта угадывал, где они начнутся. Шла через лес всего одна дорога, теперь и она была занесена снегом. Иванов нашел бы ее, если б хотел, но он рукой указал в другую сторону, к речке.

— Иванов, это самая лучшая дорога? — спросил его офицер.

— Дорога у нас тут тяжелая, — ответил ему Иванов. — Но ничего, проедем, я думаю.

— А болото есть? — спросил офицер.

— Болото есть, да мы его стороной обойдем.

— Гут, Иванов,

Дорога спустилась к речке. Болота были рядом. И только тут осознал Иван Петрович, что он доживает последние минуты, что в последний раз видит он жизнь, и оглянулся, чтобы запомнить, что оставляет, и набрать в грудь воздуха и успокоить забившееся сердце.

Кругом шел старый лес. Краснозобые снегири прыгали у дороги. Тусклое декабрьское солнце едва обозначалось в небе.

Головная машина с хода остановилась, точно из-под нее вывалили дорогу.

— Ничего, — сказал Иванов. — Это ничего. Дальше лучше будет.

Офицер вытащил из кобуры револьвер, молча показал его Ивану Петровичу.

— Понятно, — ответил тот. — Кто же хочет погибать? Никто не хочет. Выведу.

— Гут, Иванов. Ты получишь много марок.

— Выведу, — повторил Иванов. — Машину бы вот только на руках маленько протолкнуть вперед.

Офицер приказал солдатам на руках протащить головную машину, за нею, проваливаясь в заснеженную хлябь, попала вторая. Зыбкая почва расползалась под колесами, двенадцатую машину уже тащили всем скопом, приподнимая на плечах.

Офицер приказал рубить деревья, чтобы наскоро сделать гать. Проваливаясь в болотные ямы, солдаты рубили деревья и стаскивали стволы к дороге, на которой уже проступала коричнево-черная болотная вода.

— Иванов, ты нашел очень плохую дорогу, — сказал офицер. — За это будешь убит.

— Дорога одна, — сказал Иванов. — Это вот только одно место такое окаянное, а дальше хорошо будет. Извольте сами посмотреть, — и они прошли вперед, и Иван Петрович подробно разъяснил офицеру, куда завернет дорога и когда станет суше. Тяжелой дороги оставалось, по его словам, километра два.

Выбора не было, и офицер велел солдатам на руках

протаскивать машину за машиной через заболоченный участок.

Солдаты были мокры и голодны. Короткий день клонился к вечеру. В лесу потемнело. Иванов деятельно помогал солдатам и все показывал им руками, что сейчас конец дурному пути и дальше будет отлично.

Солдаты разожгли костры, но сырое дерево только дымило. Солдаты выбились из сил.

Иванов оглядел их внимательно, сказал офицеру:

— Надо еще поднажать, а то стемнеет — не выедем, господин офицер.

Офицер поднял солдат и заставил их снова тащить машину за машиной.

Когда все тридцать грузовиков надежно стояли в болоте и колеса их по самые колпаки уходили в зыбкую грязь, Иван Петрович снял ушанку и отер ладонью вспотевший лоб.

«Вот вам и война, — сказал про себя. — Вот вам какую дорожку приготовил я».

Солдаты раскачивали машины, и те кренились набок, точно стояли на тесте.

К вечеру стало ветреней, и мокрые шинели солдат затвердевали на ветру. Потом, когда совсем уж стемнело, пошел густой мягкий снег. Он быстро заносил проложенную колею.

«Помогает мне, — улыбнулся Иванов. — Теперь ни за что не выберутся. И пешью не выйдут».

Он подошел к офицеру и посоветовал идти пешком, бросив машины до утра. Впереди, за рекой, раздавались глухие орудийные выстрелы. Офицер вынул часы, взглядел и согласился. Иван Петрович повел немцев в глубокий овраг. Шли недолго.

Утопая по колено в снегу, офицер подбежал к старику.

— Зачем повел по такой дороге?

— Надо было, вот и повел.

— Умрешь! — и офицер, невысокий ростом, хотел ударить Иванова по лицу.

Старик спокойно оттолкнул его.

— Куда лезешь, прыщ?

Вот она, смерть. Но страшна она издали, а когда подошла — твердо приготовился к ней старик Иванов.

Было ему за что жить и бороться, есть за что и умереть, не опуская седой головы.

Офицер выстрелил. Иван Петрович упал на колени.

«Прощайте, родные», — мысленно крикнул он всем своим сыновьям и внукам, молодым, отважным, которых поджидал он домой героями.

Солдаты стали колоть его штыками, снег потемнел под ним, но скоро снова стал светлым, потому что снегопад все усиливался.

* * *

Поутру лесом проходила советская конница. Она первой и заметила полужасосанные болотом 30 немецких машин. Она нашла и холодное тело Ивана Петровича Иванова. Всем было ясно, что произошло ночью.

До сих пор в Белогородском лесу находят под деревьями немецкие трупы и до сих пор торчат из болота кузова немецких машин.

Вот почему, когда идут люди лесом, всегда сворачивают они к небольшой поляне, теперь уже называемой «Ивановской», и снимают шапки у могильного холма, под которым лежит богатырское тело Ивана Петровича Иванова, члена правления колхоза «Новый быт», села Лишняги, Серебрянопрудского района, Тульской области.

15 февраля 1942 г.

Из газеты
«Боевое знамя»

В немецком плаще и пилотке

Немцы выжгли дотла деревню К. Они выгнали женщин, детей и стариков на тридцатиградусную стужу. С ловкостью профессиональных поджигателей фашисты обливали избы бензином, бросали в двух-трех местах горящие пучки соломы, и пламя сразу охватывало стены, пол, крышу.

От восьми светлых просторных домов зажиточного колхозного поселка осталось восемь закопченных, торчащих из снега печных труб. И здесь, на пепелище уничтоженной озверелым врагом деревни К., семнадцати-

По дороге на запад
Зарисовка с натуры

Комиссар энской части (в центре) с экипажем танка. Стоят вокруг комиссара: командир танка лейтенант т. Нужин, механик-водитель т. Юртов, младший водитель т. Майборода, артиллерист т. Малиновский и радист т. Качур

Лучшие разведчики танковой бригады политрук т. С. Бурьян и старший сержант т. М. Назаров

летний разведчик Коля Чебаков 3 января лицом к лицу встретился с немцами...

В деревню К. Чебаков пришел по заданию командования, чтобы разведать подступы к укрепленному немцами району. Когда первые немцы вышли из леса, Коля Чебаков осматривал повозку, оставленную фашистами посреди развалин.

Спокойно, не упуская из виду ни одного движения врага, смелый разведчик прилег за повозкой. Затем он закрылся валявшимся рядом немецким плащом. Осмотрел и приготовил свою винтовку. На всякий случай зарядил и положил рядом еще одну, немецкую.

А немцы, ничего не подозревая, подходили все ближе и ближе. Подпустив врагов метров на 50, Коля выстрелил. Один фашист, тяжело раненный, рухнул в снег, другой пустился бежать. Но его тут же догнала и свалила вторая пуля разведчика.

Едва успел Коля управиться с двумя немцами, как из леса вышли еще два фашиста. Эти шли осторожно, с опаской.

Они слышали выстрелы и чуяли что-то недоброе.

Тогда находчивый разведчик изменил тактику. Он оттащил раненого фашиста в сторону и уложил его так, чтобы немец не мог видеть своих товарищей. Затем надел немецкую пижаму и немецкий плащ и стал у повозки.

Когда немцы подошли ближе, Коля громко крикнул:

— Хальт!

Это окончательно успокоило фашистов. Они решили, что у повозки стоит свой, и быстро пошли к нему, весело что-то выкрикивая.

Когда до повозки оставалось метров 30, из-под немецкого плаща выглянуло и уставилось прямо на них дуло русской винтовки. И молодой мужественный голос приказал по-русски:

— Бросай оружие!

Поняли немцы. Один из них живо бросил автомат, другой — винтовку. Четыре руки, дрожа от страха и холода, потянулись к небу.

А юный разведчик спокойно и обдуманно продолжал свое дело. Он заставил немцев отойти друг от друга, уложил их в снег. По очереди обыскал их, обезоружил окончательно. Затем отвел их в штаб. Здесь пере-

пуганные фашисты (один из них оказался ефрейтором, другой — унтер-офицером) дали подробные сведения • немецком укрепленном районе.

Это не первый подвиг Коли Чебакова. В городе В., попав в окружение, он застрелил немецкого офицера и ушел к своим.

Так расправляется с немцами семнадцатилетний юноша-разведчик, добровольно вступивший в ряды РККА.

Декабрь 1941 г.

Старший политрук
К. ШАЙДУРОВ

Отец полка

Полк, сформированный в Сибири, прибыл на фронт в тот момент, когда враг подходил к Москве. Сразу с марша он вступил в бой. В первые же дни бойцы отбили одну за другой танковые атаки немцев. В мороз и выюгу лежали они в снегу. Никакие трудности не могли поколебать их. Люди научились бороться с танками, бить врага, твердо верили в победу.

— Фашистов мы разобьем. Разобьем обязательно. Кто мы — сибиряки или нет? — спрашивал красноармейцев командир полка Петухов.

Обороняя участок, сдерживая напор врага, он готовил полк к наступлению.

Немцы несли огромные потери. Их силы истощались. И то, что говорил капитан, скоро сбылось. Пришло время нанести решительный удар по врагу, отбросить его на запад. Полку ставится задача — перерезать вражеские коммуникации, сорвать снабжение фашистских войск.

Деревня Колодезная стоит на узле дорог. От линии фронта она прикрывается возвышенностью и лесом. Захватив ее, фашисты рвались к Туле. Колодезная была для них удобной базой для снабжения, трамплином для прыжка. В ней обосновался 5-й батальон полка «Великая Германия», который снабжал продовольствием и боеприпасами не только свой полк, но и другие части, действующие на этом участке.

Получив данные разведки, капитан разработал план операции. Он решил наступать с трех сторон, обру-

Разведчики на отдыхе
Зарисовка с натуры

шиться на фашистов внезапно. Вечером подразделения скрытно двинулись на исходные рубежи. Лейтенант Буркатовский вел своих бойцов с южной стороны, лейтенант Фомин—с юго-восточной, а подразделению младшего лейтенанта Медведева приказано было отрезать пути отхода немцев и атаковать деревню с северо-востока. После непродолжительной артподготовки Петухов подал сигнал атаки. Декабрьскую морозную ночь потрясло громкое красноармейское «ура». Красноармейцы-сибиряки стремительно ворвались в населенный пункт, в упор расстреливали фашистов, забрасывали их гранатами, кололи штыками. Удар был настолько стремительным и сильным, что гитлеровцы бросили оружие и побежали в панике. Некоторые устремились по дороге, ведущей на запад. Но тут их встретило подразделение лейтенанта Логвинова, предусмотрительно оставленное в засаде командиром полка.

Пятый батальон «Великой Германии» перестал существовать. Немцы не досчитались двухсот пятидесяти человек: на поле боя валялись их окоченевшие трупы. Петуховцы захватили сорок одну грузовую и семь легковых машин, девяносто восемь мотоциклов, два танка, два орудия, сто пулеметов, пятнадцать автоматов, два склада с боеприпасами.

Капитан Петухов блестяще осуществил операцию. Эта победа полка стала преддверием разгрома немецких войск под Тулой, началом нашего наступления на запад.

Иван Лукьянович Петухов—коренной сибиряк, из тех, чьи отцы в первую мировую войну прямо из вагонов бросались в штыковые атаки и опрокидывали немцев. Продолжительная служба в Красной Армии воспитала в нем твердость воли, вооружила военными знаниями. Он прошел путь от рядового бойца до старшего командира.

— Я думаю, комиссар, так, — глядя на карту, говорил Петухов. — По этой ложине пойдет первый батальон, второй будет нажимать справа, в лоб пусть наступает третий. На рассвете начнем атаку.

Решение короткое. Подумав, комиссар соглашается с командиром. Петухов вызывает командиров и ставит задачу.

Зато, когда ставит задачу, он подробно разъясняет, что нужно сделать, как действовать. Напоминает обо

Капитан Н. Л. Петухов

всем. Пока идет подготовка к бою, Иван Лукьянович сам лично беседует с бойцами, проверяет, достаточно ли боеприпасов, набиты ли ленты, на чем будут подвозиться патроны.

— Накормить людей, обязательно накормить перед наступлением, — напоминает он старшинам.

Бойцы любят своего командира, как родного отца. Он близок им. Сколько раз они ходили с ним в бой, бросались в атаки! Бойцы видели, как сам капитан в напряженный момент боя лег за пулемет и уничтожил семьдесят фашистов. Они говорят:

— С нашим командиром в огне не сгоришь и в воде не утонешь.

Был случай, когда Петухов вдвоем с комиссаром Седлецким выручили из беды группу бойцов. Преследуя немцев, красноармейцы зарвались и оказались сами под ударом. Их обошли немецкие автоматчики. Петухов это заметил со своего наблюдательного пункта.

— Идем, комиссар, выручать! — крикнул он Седлецкому и, с автоматом в руках, бросился по глубокому снегу вперед. Командир и комиссар поспели во-время. Они открыли огонь по автоматчикам; часть их перебили, остальных обратили в бегство. Бойцы были спасены.

— Вот это я понимаю, комиссар! Дрался, как лев. С таким комиссаром не пропадешь, — восхищался Петухов.

Полк Петухова не знает поражений. Он прошел большой путь, в десятках сражений бойцы и командиры истребили тысячи гитлеровцев, взяли богатые трофеи. За героические подвиги многие из них носят ордена и медали. Сам командир полка Иван Лукьянович Петухов, ныне майор, награжден орденом Ленина.

Декабрь 1941 г.

*Из газеты
«Боевое знамя»*

Честь воина

В избе за столом сидело несколько командиров. Говорили о храбрости, о спокойствии в бою, о презрении к смерти. Собеседники вспоминали сражения, в которых участвовали, и своих боевых товарищей.

— Настоящий герой никогда не испытывает страха, — авторитетно заявил очень молодой лейтенант, — страх унижает человека, лишает его чувства собственного достоинства.

— Не всегда, — сказал сидевший тут же капитан. На его гимнастерке поблескивала красная эмаль ордена, и надо было думать, что в вопросах воинской доблести он имеет некоторый личный опыт.

— Не всегда, — повторил капитан. — Если угодно, я расскажу вам историю о настоящем герое, который пережил однажды самый неподдельный страх. Тем не менее он не только не утратил ничего в моих глазах, но... Впрочем, вы сами сможете судить об этом.

Капитан помолчал и обвел глазами слушателей.

— Жизнь человека, о котором я хочу рассказать, представляется мне удивительно ясной и цельной. Она вся как бы отлита из одного куска металла. Мой герой — один из тех миллионов, которые строили нашу страну своими руками и вместе с нею поднимались и мужали. В юности герой батрачил по степным казачьим хуторам, потом вступил в колхоз. Он был лучшим трактористом в МТС и лучшим председателем колхоза в районе. Он еще молод — тридцать с немногим лет, — но сколько работы он уже переделал на советской земле, сколько гектаров перепахал, посеял, сколько центнеров убрал! Надо ли удивляться, что он пошел с винтовкой в руках защищать эту землю, как защищают свой дом от банды разбойников! Что же еще добавить о нем?! Мой герой — высокий, плечистый человек, с лицом, обожженным всеми ветрами степного приморья. Зовут его Илларион Андреевич Синчихин.

Капитан закурил и продолжал рассказ:

— Илларион Андреевич действительно плохо понимал, что такое страх. Он не испытал его даже под первым обстрелом. Немецкие мины, хотя и ложились довольно густо, не произвели на этого человека особенного впечатления. Одна мина разорвалась в нескольких метрах от него, повалила на землю. Он вскочил, отряхнулся и побежал выяснять, не пострадал ли от разрыва кто-либо из бойцов.

Ничего, кроме злости, не почувствовал этот человек и в городе Веневе, когда в узкой улочке повстречался с

восемью прорвавшимися туда немецкими танками. Из люка головной машины высунулся офицер и закричал:

— Русс, сдавайся!

— Сию минуту, — ответил Синчихин. В руках у него был автомат, и короткой очередью лейтенант прекратил дальнейший разговор.

Полное спокойствие сохранял Синчихин и в тылу врага, когда во главе небольшой группы отправился взрывать важную железнодорожную магистраль. Был канун нового года. Четырнадцать часов отряд Синчихина шел лесом на лыжах. Ровно в полночь командир остановился, собрал вокруг себя людей и поздравил их с новым годом. Бойцы постояли, покурили и пошли дальше. А на рассвете они шумно поздравили с новым годом немцев, подняв на воздух железнодорожное полотно.

За отличие в боях Синчихин был произведен в старшие лейтенанты. Во время атаки укрепленной деревни Б. его ранило в голову. Он упал, но поднялся... «За родину, за Сталина!» — закричал он хриплым, сорванным голосом. Шатаясь, он пошел вперед, увлекая за собой своих бойцов. Кровь текла по его лицу.

Что же, в конце концов, могло испугать этого человека, вероятно, недоумеваете вы? А вот, слушайте дальше. Бои за деревню Б. продолжались. В одну из ночей фашисты подавляющими силами перешли в контратаку, и небольшая группа наших бойцов стала отходить. Синчихин уходил последним, унося с собой тяжело раненного политрука своего подразделения. Светящиеся росчерки трассирующих пуль исчертили вокруг него темный ночной лесок. Синчихин немного отстал от бойцов со своей тяжелой ношей. Вдруг стрельба прекратилась и куда-то исчез жужжащий золотой рой. Удивленный лейтенант оглянулся. Шесть немецких автоматчиков шли на него сзади. Они были уже в 8—10 шагах. Синчихин рванул со спины автомат, но ремень за что-то зацепился и не пускал. Он сунул руку за пазуху шинели, где лежал наган, но с ужасом почувствовал, что завязки маскировочного халата не позволяют вытащить оружие. Тут в первый раз за всю свою жизнь Синчихин испытал страх. Он был безоружен, и его хотели взять живым.

Уже давно герой решил для себя, что командир Красной Армии в плен живым не сдается. Честь советского

воина не допускает этого. Шесть пуль в нагане были предназначены врагам, седьмая в критическую минуту — себе. Но и седьмой пули не было у Синчихина.

В отчаянии лейтенант озирался, ища выход. С лихорадочной энергией работала мысль. Но уже ничего нельзя было придумать — враги находились в 5—6 шагах. Тогда лейтенант сжал кулаки и приготовился напасть первым.

Взлетела ракета, и лесок мгновенно наполнился ее зеленоватым сиянием. Синчихин отчетливо увидел заросшие, бородатые лица врагов, деревья, расщепленные снарядами, раненого, потерявшего сознание, политрука на снегу и... наган, наган политрука, зажатый в его руке. Это было спасением... Синчихин вырвал наган из пальцев товарища. Он стрелял в упор, не целясь: один, второй, третий, четвертый... Четвертого фашиста он уложил, когда тот уже поворачивался, чтобы бежать... Ракета погасла, и двоим уцелевшим автоматчикам удалось скрыться. Герой отер со лба капли пота.

— Ну, этот испуг не в счет, — сказал молодой лейтенант.

— Я тоже так думаю, — улыбаясь, подтвердил капитан.

Январь 1941 г.

Сержант АЛЬТМАН

Ночлег

Тревожный сон и ветер за окном,
Да запах сена, прелый и знакомый,
Как будто ты в селе своем родном,
В давно оставленном отцовском доме.

Как сладостен короткий сон!
И снова ты готов к любой дороге,
Когда тебя по боевой тревоге
Поднимет зарева тревожного огонь.

И снова двинемся в далекий путь,
Забыв про сон, оставленный здесь рядом,
Чтобы врагам ни сесть, ни отдохнуть,
Чтоб не было спасенья этим гадам!

Пока же сон и ветер за окном,
Да запах сена, прелый и знакомый,
Как будто ты в селе своем родном,
В давно оставленном отцовском доме.

Ноябрь 1941 г.

Из газеты
«Боевое знамя»

Комиссар

Ровный, непрерывный треск пулеметов, частая дробь винтовочных выстрелов. Через каждые 5—10 минут воздух дрожит от грохота. Кажется, что совсем рядом рушат в пропасть огромные штабеля досок. Это работают минометы.

Связной, прибывший с передовой, докладывает:

— Огонь такой — голову поднять невозможно...

Комиссар Толмачев спокойно, неторопливо отвечает:

— Огонь, говоришь? Пойдем посмотрим...

Привычным жестом надевает он шапку. Привычным жестом вскидывает на плечо автомат. Кажется, что рука комиссара только прикоснулась к нему, и оружие само скользнуло вниз по руке и прильнуло к плечу человека.

Протяжно скрипнула и захлопнулась дверь. За окном еще раз мелькнула и скрылась фигура комиссара. И связист, дежуривший у телефона, негромко, как бы рассуждая вслух, подвел итог:

— Ну, теперь там дела пойдут шибко...

Действительно, за какое бы дело ни взялся комиссар Толмачев, оно идет хорошо, бойко. Недаром бойцы и командиры отзываются о своем комиссаре с любовью и уважением. Стоит только назвать имя комиссара, и сейчас же начинаются рассказы о его мужестве, командирской сметке, о чуткости к боевым товарищам, о беспощадной ненависти к врагам, к трусам, паникерам.

Вот один из таких рассказов, записанный со слов красноармейца Огурцова, добровольно вступившего в ряды Красной Армии:

«Было это в ноябре, в городе В. Мы только пришли туда, расположились, телефон в штабе установили. Вдруг, откуда ни возьмись, — немецкие танки.

На улицах крики, шум, пальба. Кто из наших выбе-

гают из домов, немцы его берут в плен и тут же раздевают догола. Шапку снимают, валенки, теплое белье...

Топчемся мы по комнатам, растерялись. Что делать?.. А комиссар уже решил:

— Что ж, — говорит, — ребята, сдаваться не приходится. Разденут вас и все равно замерзнете. Сами видите, что немец делает. Вот и тебя, старика, голышом по снегу погонят.

Из самой жизни взял комиссар свои слова. Так и резанули они меня по сердцу. Представил себе, как сопливый мальчишка-немец разденет меня, — вся кровь закипела.

— Не бывать тому, — говорю, — товарищ комиссар. Лучше с честью погибнуть в бою за родину, чем окопаться, как собака, на морозе.

Построили мы баррикады, зарядили гранаты, винтовки, стали у дверей и окон. А немцам уже какая-то гадина нашептала: «Здесь, мол, комиссары есть». Кружат они вокруг дома и галдят:

— Русс, сдавайся. Давай свой комиссар!

Подойти, однако, бояться. Трусливый народ. Танки их через город уже проскочили. Стало быть, пехоте нужно на нас грудью идти, в открытую. А им неохота под наши пули и гранаты лезть. Хотели, видно, танков дожидаться или на испуг взять, измором, криком.

Так и галдели они до темноты. А в темноте осторожно, где ползком, где ощупью, выбрались мы в переулок. И сразу всем как-то хорошо, весело стало. Ушли. Свободны. А комиссар уже преподносит нам новую задачу.

— Нельзя, — говорит, — так уходить. Здесь, возможно, еще наши бойцы есть. Нужно их собрать, вывести.

Мы так и ахнули. Человек только что от верной смерти ушел и опять в пекло возвращается.

Правда, потом мы узнали, что и танки немецкие и пехота через город уже прошли и только небольшой гарнизон ихний заперся в нескольких домах; они сами боялись в первую ночь на улицу выглядывать. Но ведь тогда, ночью, мы этого не знали. Не знал этого и комиссар наш Толмачев и все же твердо стоял на своем: нельзя, мол, уходить одним, нужно пойти поискать, выяснить...

Разве большевистского комиссара переспоришь! Пошел искать. Как он там ходил, не знаю, но нашел груп-

пу наших бойцов. Сидели они, горемыки, в подвале, по пояс в воде. Комиссар их вывел, нашел пустой дом, согрел, обсушил и к нам привел...»

Увлеченные рассказом, мы не заметили, как отодвинулись, приглохли и стук пулеметов, и дробь винтовочных выстрелов, и грохот минометов. Не заметили, как скрипнул сначала снег за окном, потом дверь. Комиссар Толмачев уже сидел в углу на лавке и неторопливо спрашивал, выяснял, приказывал:

— Сейчас привезут отбитые у немцев автоматы. Нужно передать их подразделению Сажина.

— Почему бойцы еще не получили горячей пищи? Узнайте, через десять минут доложите.

— Почта прибыла. Роздали? Очень хорошо.

В комнату, отряхивая на ходу снег, вошел разведчик. Он докладывает:

— Немцы устроились ночевать в деревне. Печки топят. Выкурить бы их на мороз!

— Выкурить, говоришь? Дело неплохое... Пойдем посмотрим...

Привычным жестом надевает комиссар шапку. Привычным жестом вскидывает на плечо автомат... Нет, не ночевать нынче немцам в тепле!

Декабрь 1941 г.

Батальонный комиссар
В. ЧЕЛОМБИТЬКО

Комсомолец-танкист Григорьев

Я привел комсомольца Григорьева к врачу. Он был серьезно болен. Его руки и лицо были обморожены. Состояние здоровья плохое. Внимательно осмотрев его, врач сказал:

— Его не следует допускать сейчас к танку. В боевой операции он участвовать не может.

А танковая рота готовилась к наступлению. Экипажи обязались истребить фашистскую нечисть, освободить деревню, занятую накануне. Я хотел заменить Григорьева другим водителем. Это мое предложение Григорьев принял как обиду.

— Я прошу вас, товарищ комиссар, — обратился он

ко мне, — разрешите принять участие в бою. Я клянусь, что не отступлю ни на шаг. Я выдержу. Враг будет раздавлен.

Танк «КВ», который вел младший сержант комсомолец В. Григорьев, был встречен огнем двух противотанковых орудий. Вскоре башня была заклинена. Вести огонь из танка по врагу нельзя было.

Но ходовая часть танка была исправна. Грозная боевая машина еще могла действовать, могла наступать. И механик-водитель Григорьев вместе с находившимся в танке командиром танковой роты младшим политруком Шабуниным принимают смелое решение:

— Итти на таран!

Танк Григорьева вырвался вперед. Доблестный комсомолец направляет свою грозную машину на фашистский танк. Он видит уже перед собой врага. Он кричит громко, во весь голос:

— За родину, за Сталина!

С ходу танк Григорьева налетает на вражескую машину и опрокидывает ее. Первая победа одержана. Фашистский танк протаранен. Григорьев круто разворачивается и давит танком орудия. Затем он направляет свой танк на транспортные машины, скопившиеся на дороге. Танк вздрагивает, на секунду задерживается, затем снова вырывается вперед и давит одну машину за другой.

Итог этого сражения замечателен. Танкист Григорьев на танке «КВ» протаранил вражеский танк, 20 транспортных машин и раздавил 2 противотанковых орудия.

Свой танк Григорьев удачно вывел из боя и соединился со своей частью. Герой снова готов вступить в бой с врагом.

Февраль 1942 г.

Н. АРГИНСКИЙ и Т. БЕРЕЗКО

Вперед, дивизия!

Гремит боевая тревога,
И в сумрак июльских ночей
По старым московским дорогам
Проходят полки москвичей.

Припев: Вперед, дивизия!
Моя дивизия!
Твое оружие отточено в бою.
Вперед, любимая,
Неустрашимая,
Вперед—за Сталина, за родину свою!

Нам тяжесть походной котомки
Широких плечей не согнет.
Шагает профессор с Волхонки,
И слесарь с винтовкой идет.

Припев.

В те дни враг пытался расширить
Стремительный танков прорыв,
Но стали полки у Каширы,
Сердцами столицу прикрыв.

Припев.

Мы помнили в схватках кровавых:
За нами — родная земля,
Московские наши заставы
И древние башни Кремля.

Припев.

И время летело, как в песне,
В стремительном марше полков...
С боями прошли на Алексин
И заняли с боем Венев.

Припев.

Дороги уходят на запад, —
Иного пути у нас нет.
А ветер доносит с Арбата
Далекой столицы привет.

Припев.

За жертвы, за пепел пожарищ
Нам ненависть в сердце стучит...
Откуда бы ты ни был, товарищ,
По сердцу мы все москвичи.

Припев.

Февраль 1942 г.

Бригадный комиссар
К. СОРОКИН

Борьба за Тулу

Многочисленные немецкие документы, показания пленных и весь ход военных операций свидетельствуют, что немецко-фашистское командование ожидало вслед за падением Орла немедленного падения Тулы. Немецкие генералы были глубоко убеждены, что, захватив Орел, они тем самым положили себе в карман ключ от Тулы. С такой же легкостью рисовались им дальнейшие перспективы похода из Тулы на Москву. В Туле они предполагали собрать бронированный кулак для решительного удара по красной столице.

Построенные с хваленой немецкой педантичностью планы разбились о героическое сопротивление частей Красной Армии. Уже в самом Орле в уличных боях наши части нанесли врагу ощутительные удары. Под Орлом покрыла себя неувядаемой славой Первая гвардейская танковая бригада под командованием т. Катукова. 4 октября наши танкисты контратаковали врага и ночью ворвались в Орел. Завязался уличный бой. Смелая атака катуковцев была полной неожиданностью для врага. Танкисты уничтожили до двух рот немецкой пехоты, много противотанковых пушек и, выполнив свою задачу, без потерь возвратились в свое расположение.

Встретив героическое сопротивление наших танкистов и пехотинцев, немцы, несмотря на свое численное превосходство, не смогли двинуться дальше по шоссе Орел — Тула. Лишь в дальнейшем противник, подтянув значительные резервы в танках, стал наступать по этому шоссе. Каждый метр, каждая пядь земли стоили врагу огромных усилий и потерь. Фашистские танки нападали только крупными группами, дрались только при явном

своим преимуществом. Наши же танкисты дрались даже тогда, когда против одного советского танка выступало пять немецких. Известно, например, что лейтенант Воробьев, сражаясь против 13 немецких танков, разбил и поджег 9. Герой Советского Союза танкист т. Любушкин в единоборстве против группы немецких танков уничтожил 10 фашистских машин, сохранив свой танк невредимым. В одном из танков после боя обнаружили истекающего кровью командира Одинцова. Члены его экипажа спросили, почему Одинцов своевременно не сказал о своем ранении.

— Не хотелось отрываться от дела и выводить машину из боя раньше времени, — ответил Одинцов.

До 11 октября наши части вели ожесточенные бои с противником, наступавшим на Тулу одновременно с трех сторон — из Орла, Сухинич и Калуги. Немцы сосредоточили здесь в общем 350—400 танков, дивизию мотопехоты и большое количество авиации. Бой не прекращался ни днем, ни ночью.

В боях с 3 по 11 октября фашисты потеряли много десятков танков, 7500 солдат и офицеров, 174 орудия.

На этом заканчивается первый этап борьбы за Тулу. Враг получил жестокий удар и был остановлен. Немцы притихли, стали накапливать резервы, приводить в порядок свою потрепанную материальную часть, подтягивать свежие силы. В помощь своим частям на Орловском направлении фашистское командование вынуждено было подбросить 29-ю мотострелковую дивизию, 3-ю и 4-ю танковые дивизии. Сосредоточив новые силы, немцы бросили их в яростные, кровопролитные атаки. С 22 по 25 октября шли жестокие бои на рубеже Мценск—Чернь. В этих боях часть командира Петрова уничтожила 67 танков. Лишь ценою больших потерь немцам удалось выйти на участок Чернь—Плавск.

Таким образом, на «прогулку» от Орла до Тулы немцам понадобилось не два-три дня, как об этом заявляли хвастунишки из фашистского штаба, а почти месяц. Продвижение стоило немцам больших потерь. Наши же части еще более закалились, сопротивление их росло с каждым днем.

29 октября начался бой у самой Тулы, на ее южной окраине. На что рассчитывали немцы, подойдя непосред-

Бригадный комиссар т. К. Сорокин вручает лейтенанту т. А. И. Вылегжанину, ранее награжденному орденом Красного Знамени, медаль «За отвагу»

ственно к Туле? Собрав значительную танковую группу, они предполагали с помощью авиации быстро подавить нашу пехоту, вызвать среди защитников Тулы панику и на их плечах ворваться в город. Тула привлекала и привлекает немцев как база для зимних квартир. Пленные показывают, что офицеры пытались поднять перспективой большого грабежа наступательный порыв своих солдат. «Что вы сидите здесь и мерзнете? — кричали офицеры солдатам. — Перед вами большой город и теплые, богатые квартиры, отдых, магазины с запасами продовольствия и одежды».

Тем временем Тула быстро готовилась к обороне. Со всех сторон выросли оборонительные укрепления: противотанковые рвы, надолбы, оружейные засады. Попытки немецкой авиации помешать строительству укреплений успеха не имели. Войсковые части и население показали высокие образцы спокойствия и революционной выдерж-

ки. В сложной обстановке обороняющегося города прекрасно работали железнодорожники Тулы.

Немцы были убеждены в том, что наши части в результате непрерывных боев здесь, у самой Тулы, не смогут оказать особого сопротивления. «Завтра в Туле», — так говорили солдаты вечером накануне начала боев на окраине города. Унтер-офицер Альвин Брейтшпрехер 29 октября в 7 часов вечера заготовил такое письмо домой: «Россия. 29. X. 1941 г. Мои дорогие. Семь часов вечера. Звездная холодная ночь. Нас охраняют всего два поста, так как очень холодно. Все солдаты лежат на соломе в теплых избах. Наша доблестная авиация нас поддерживает. Бомбежки делают свое дело. Думаю, что завтра Тула падет. Третья танковая дивизия здесь с нами. Вообще все идет хорошо. Я все время запасаясь зимними вещами. Откладываю окончание письма до завтра...»

Ночью 29 октября противник предпринял первую атаку на город с юга по шоссе Орел — Тула. Он бросил в бой 80 танков, две роты мотоциклистов и до полка пехоты. Впереди развернутым строем в три эшелона шли танки, за ними мчались вооруженные пулеметами и автоматами мотоциклисты. Дальше продвигалась пехота с автоматами. Эта грозная сила, по замыслу немцев, единым ударом должна была сломить сопротивление защитников Тулы, прорвать оборону. Положение создалось действительно серьезное. Но победили мужество, беззаветная храбрость и сплоченность советских людей. Каждый боец, командир, политрук знал, что он должен скорее умереть, но не отступать. Танки, авиация, густой пулеметно-автоматный огонь не поколебали наших рядов. Часть т. Зубкова и сводный рабочий полк блестяще выдержали первую яростную атаку врага. Она была отбита исключительно силой нашей пехоты при поддержке артиллерии. В этой атаке немцы потеряли 19 танков и повернули назад.

Начиная с этого дня, то есть с 29 октября, и непрерывно до 10 ноября, к югу от Тулы продолжались одна за другой дневные и ночные атаки танков. В среднем защитники Тулы отбивали ежедневно не меньше трех-четырех танковых атак.

Немцы быстро почувствовали опасность и грозную

силу своего противника. В первые дни немецкие танки нагло разгуливали вдоль наших окопов. Однако при этом часто от танков оставались пылающие костры. В результате немцы были вынуждены изменить тактику и держаться на почтительном расстоянии от наших окопов.

Пытаясь обезвредить действия истребителей танков, немцы стали пускать в бой машины, обмазанные глиной. Но наши пехотинцы ответили на это спаренной работой. Один длинным шестом отбивал глину с брони, другой бросал бутылку с горючим.

Немало немецких танков попало в наши противотанковые рвы и ловушки. Часть из них была расстреляна и подожжена, часть немцам пришлось под прикрытием сильного пулеметного и минометного огня вытаскивать из рвов специальными тягачами. Много танков так и осталось на поле боя.

В боях под Тулой воины Красной Армии проявляли исключительный героизм и упорство. Хорошо дрался сводный рабочий полк. Особенно жестокие атаки полк выдержал 30 октября. Рано утром разведка донесла о движении немецких танков. В 6.30 слева показалось 14 танков, справа шла еще одна колонна. Развернувшись, они начали поливать наши позиции огнем. Наша противотанковая батарея была подавлена, и полк оказался лицом к лицу с танками. Бойцы защищались отчаянно. Танки нарушили связь, подошли к командному пункту командира полка. Несмотря на это, полк сражавшийся впервые, держался. Позднее полк отошел к Комсомольскому парку. Танки снова развернулись и пошли в атаку. Видимо, именно здесь немцы хотели ворваться в Тулу. Но подоспели наши регулярные части. Красноармейцы и бойцы рабочего полка открыли огонь из противотанковых ружей, пушек и пулеметов. Враг снова не выдержал и откатился назад.

Исключительно храбро сражались части командира Фоканова, а также командиров Данилова, Зубкова, Гордиенко. Они выдержали атаки танков с десантами автоматчиков, «психические» ночные атаки, массовые налеты немецкой авиации. Все попытки врага продвинуться разбились о стойкость защитников Тулы. К началу боев немцы подвели к Туле до 200 танков. В разгар боев заводской двор на Косой Горе превратился в обширную

ремонтную базу подбитых и полусожженных немецких танков. Налеты нашей авиации на Косую Гору доканчивали дело, начатое пехотинцами и артиллеристами.

Получив отпор в попытке завладеть Тулой с ходу, в лоб, понеся огромные потери, немцы вынуждены были перейти под Тулой к обороне. Они начали искать наши слабые места на флангах. Жестокая борьба идет на северо-западном и юго-восточном участках Тульского направления. Части командиров Борисова, Сиязова, Веденина контрударами разгромили 12-й и 17-й пехотные полки 31-й пехотной дивизии противника, отбросили его в исходное положение. Доблестные защитники Тулы не дали возможности врагу обойти Тулу с флангов. В последние дни немцы потеряли до 3000 солдат и офицеров убитыми и ранеными, много оружия, боеприпасов.

Хвастун Гитлер в своей речи 2 октября, обращенной к солдатам и немецкому народу, обещал им окончательную победу в течение двух-трех недель. Тулу немцы объявили давно завоеванной. Прошло около полутора месяцев с тех пор, как Гитлер начал новое «решительное» наступление на Москву, но «окончательной победы» нет как нет. Части, которые немцы объявили разбитыми, не только сдержали натиск врага, но и перешли в контратаку.

Холодная русская зима застала немцев на дальних подступах к Москве. Страх перед зимой чувствуется в сотнях захваченных писем, идущих как с немецкого фронта в тыл, так и из тыла на фронт. На одном из участков фронта наши разведчики обнаружили жертвы русской зимы — трупы замерзших немецких солдат. Занесенные снегом русские равнины и леса уже стали могилой для многих немецких солдат и офицеров.

Прошло двадцать дней с тех пор, как немцы начали атаки непосредственно на Тулу. С огромными потерями для немцев их атаки отражены. Враг не добился успеха.

Будем бдительны, будем готовы отбить врага, где бы он ни появился.

18 ноября 1941 г.

Генерал-лейтенант
И. БОЛДИН

Бить врага до полного его истребления

В упорных и кровопролитных боях за Тулу наши бойцы, командиры и политработники с честью выдержали серьезнейшее испытание. Советская пехота оказалась настолько боеспособной, что сумела остановить хваленый танковый корпус Гудериана и разгромить его. Гудериан никак не рассчитывал на обороноспособность Тулы. Он хотел маршем пройти по главной улице города русских оружейников и по широкому Московскому шоссе триумфально проследовать в столицу.

Но рабочие Тулы вместе с нашими кадровыми частями встали на защиту своего города, твердо зная, что Тула — ключ к Москве и что этот ключ не может быть отдан врагу. Тульский рабочий полк, грозная для врага часть т. Зубкова грудью встретили фаланги фашистских танков. Противотанковыми ружьями, гранатами, бутылками с горючей смесью, а главное большевистским бесстрашием, презрением к смерти отражали наши пехотинцы бронированные чудовища Гудериана. И на подступах к Туле Гудериан сломал первые свои зубы. Многочисленные танковые атаки врага были отбиты, он отошел с большими потерями, затаился и приготовился к удару в спину.

Врагу удалось прорваться к нам во фланг и тыл. Обходным и отчаянным маневром он обошел Тулу справа, занял ряд населенных пунктов и крупной танковой группой вышел на Московское шоссе, замкнув Тулу в кольцо.

Гудериан готов был торжествовать победу: Тула окружена, дорога на Москву открыта!

Но враг жестоко просчитался. Он растянул свои ком-

муникации, открыл каждый участок своего фронта для сокрушающего удара. И наши части, закаленные и сцементированные в обороне Тулы, умело использовали эту слабую сторону фашистских позиций. Одновременно с кавалерийским корпусом Белова, действовавшим от Каширы, наши части нанесли под Рудней сокрушающий удар гудериановским полчищам, наголову разгромив 7 декабря 3-ю танковую дивизию.

Расчлененные и разгромленные танковые части Гудериана обратились в паническое бегство, обгоняя собственную пехоту, бросая и уничтожая материальную часть.

Рудня стала началом общего разгрома немцев под Тулой.

Воодушевленные победами Красной Армии под Ростовом, Тихвином и Ельцом, наши богатыри рвались в бой. Наступление стремительно развернулось по всему фронту. В боях за Колодезную был полностью уничтожен батальон полка «Великая Германия». Славные имена боевых командиров и политработников, наносящих все новые и новые удары врагу, начали греметь по всему фронту. Части Трубникова, Сиязова, Борисова, Терешкова десятками и сотнями освобождали от фашистов населенные пункты.

Бесстрашие и мужество показали в боях комиссары и политработники. Никогда не забудут бойцы и командиры подвига комиссара штаба Н-ской части С. М. Чувашова, возглавившего удар по врагу и героической смертью своей обеспечившего разгром врага под Лихвином. Немалую роль в уничтожении фашистов сыграли и партийные организации наших частей, воспитывающие в бойцах дух беззаветной преданности родине, безусловного и точного выполнения приказов командования.

Поучительны в этих боях продуманные и умелые действия части т. Сиязова, полностью использовавшего метод обхода врага, блокирования вражеских опорных пунктов. В районе Титово, например, части Сиязова, неся никаких серьезных потерь, разгромили сильно укрепленный узел. Это было достигнуто умелыми действиями на окружение, смелым выходом в тыл противника. Проверенный метод действий Сиязова должен быть освоен всеми нашими частями.

Надо всегда помнить, что победа не приходит сама. Ее надо организовать. Полную и окончательную победу над врагом надо завоевать во многих лишениях и трудностях.

Кровопролитные бои на нашем участке фронта продолжаются. Нами освобождено уже свыше 500 населенных пунктов, уничтожено больше десяти тысяч фашистских мерзавцев, захвачены богатые трофеи.

Новые резервы, которые немецкие генералы постараются ввести в бой, будут еще драться, веря в легенду о непобедимости германской армии. Но и они скоро убедятся в том, что эта легенда давно умерла, что она уничтожена советскими бойцами.

Наша задача: не переоценивать достигнутых успехов, не успокаиваться на достигнутом, помнить, что фашистский зверь только ранен, что его надо добить, добить всей нашей грозной техникой, нашей большевистской волей к победе, бесстрашием, мужеством и умением в бою.

29 декабря 1941 г.

Ясная Поляна

НИК. АСЕЕВ

Шакалы в львиной обители

Орды фашистские,
Дикие и пьяные,
Вторглись в ворота
Ясной Поляны.
Что им Толстой?
Звук лишь пустой.
Влезли фашисты
Ко Льву на постой.
Все испоганили,
Все истребили,
Книги сожгли
И деревья срубили.
Пусть, дескать,
В пепел испепелятся
Самые мысли
Яснополянца.
Но со страниц
Его книг обожженных —
Сотни героев
Вооруженных.
Из-за деревьев,
Подсеченных под корень,
Вышел —
Бессмертный народ —
Непокорен!
Вот человечен
И простодушен

Встал со своей носогрелочкой
Тушин.
Вот — невидимка —
Тихон Щербатый
Где-то окапывается
Лопатой.
Вот красноликий,
Бросающий вызов,
Вражьем тылам
Угрожает Денисов.
И егеря, за Багратионом,
Рвутся в атаку
Всем батальоном.
Вот,
Остальных многоопытней,
Старше,
Шрамом отмеченный
Славный фельдмаршал...
Цепи обходные,
Сторожевые;
Нет, то — не тени,
То — люди живые!
Вот и хозяин,
Обеспокоясь,
Вышел, засунув
Руки за пояс.
Грозное что-то
В движении этом,
В дымах, клубящихся
Над портретом.
Вслед им посмотрит он,
Брови нахмуря,
В тульских лесах —
Небывалая буря,
Люди, с ним схожие,
Грозны и хмуры —
Знают, как с хищников
Сдергивать шкуры,
Чтоб неповадно
Шакалам-грабителям
Шарить, ощерясь,
По львиным обителям.

31 мая 1942 г.

Здравствуй, Ясная Поляна!

Здравствуй, Ясная Поляна! Дорогая земля наша, наш мирный дом, родная нам могила, плоть и кровь наша. Тяжелой дорогой войны мы вернулись к тебе.

...Здесь жил он, здесь творил, здесь похоронен. По этой доброй земле ступали его ноги. Весь мир с благодарностью и любовью смотрел сюда. «Из Китая, Индии, Америки — отовсюду к нему протянуты живые трепетные нити, его душа — для всех и навсегда». Так сказал о нем Горький. Слова были начертаны на стене Яснополянского музея. Их повторял каждый, кто переступал его порог.

Когда он умер, старинный университет Франции, Сорбонна, почтил его память, и Анатоль Франс — другой писатель с мировым именем — сказал:

«То, что создала античная Греция согласным творческим порывом городов и веков, — Гомера, в России природа сотворила сразу, произведя на свет Толстого, душу и голос громадного народа, поток, из которого будут утолять жажду в течение веков дети, мужи и пастыри человечества».

Без него трудно представить себе Россию, народ наш. «Матерый человечище» — восторженно назвал его Ленин; и писал, что произведения Толстого — это шаг вперед в художественном развитии людей. Он, слава и гордость нашей национальной русской культуры, стал славой и гордостью всего просвещенного человечества.

И вот в заповедном доме его и усадьбе побыли немцы. Они осквернили его жилище и надругались над его могилой. Дом Льва Николаевича Толстого они превратили в хлев для вшивых гитлеровских кобелей. Не удовлетворившись этим, они затем подожгли его. Возле могилы Толстого, в «зоне тишины», среди глубокого снега, пятнистых берез, ветвистых лип, могучих дубов, они устроили кладбище для своих одичавших псов. Земляная безымянная могила гениального Толстого, а рядом — строй малых и больших крестов на могилах всех этих гансов и фрицев — посмертные стойла малых и

больших скотов, мечтавших поработить родину Толстого. Ведь это их припадочный «фюрер» изрек: «Народ, который считает Льва Толстого великим писателем, не может претендовать на самостоятельное существование».

Буквально цепенеешь при виде этой страшной картины опустошения и разбоя. Варвары!

В рабочем кабинете Толстого блевало пьяное немецкое офицерье. В комнате под сводами, где он создал «Войну и мир», буйствовали денщики, они взломали все шкафы, а часть тут же перекололи на дрова. Они разрушили его библиотеку и его спальню. В коридоре устроили парикмахерскую, рядом — пошивочную мастерскую. Там, где останавливались его друзья, лучшие люди России: Горький, Чехов, Короленко, Репин, Стасов — жрало, чесалось и храпело наглое немецкое хамье. Им жестко было лежать на соломе. Они хотели понежиться на диване — на том диване, который дорог всей России: на нем родился Толстой.

— Живые — ценнее мертвых, — надрывался плюгавенький гитлеровский дурачок. Ему было невдомек, что мертв-то он, а не Толстой. Немец разыгрывал из себя поклонника Толстого: мол, с шести лет увлекался его книгами. Оставалось только поспать на этом диване.

Сердечное спасибо трем русским людям: сторожам Яснополянского музея Дмитрию Семеновичу Фоканову, Борису Сергеевичу Филатову и научной сотруднице Марии Ивановне Щеголевой, которые не допустили этого кощунства. Они отбили у врага диван и спрятали его. Он стал уже трофейным. Ничего, что в драке отхватили у него клок. Проклятому немцу не удалось осквернить это святое для нас место.

Комнату жены Толстого, Софии Андреевны, они превратили в офицерский притон, а террасу толстовского дома, увитую диким виноградом, — в уборную. Высшая раса!

Тут «гостили» и русские белогвардейцы: князь Святополк-Мирский и князь Демидов. Первый, отъявленный пропойца, все норовил стащить на память граненый стаканчик, тульский самовар. Второй, походивший на околоточного, был озабочен другими думами: его прочили в коменданты Тулы. Хранитель музея, Сергей Иванович Щеголев, попросил было Демидова, как рус-

ского человека, вмешаться и помочь ему прекратить разбой: ведь чужеземцы издевались над русской культурой. Фашистский служака раздраженно ответил ему:

— Усадьбу Толстого, как частную собственность, возвратят помещику. Я вообще больше интересуюсь хозяйством, чем музеем. Пошел вон.

Лакеи выслуживались перед своими хозяевами. Одна и та же разбойничья масть.

...Такова повадка чумного зверя. Следы его видны всюду. Когда немцы бежали из Ясной Поляны, они подожгли местную школу, больницу, дом отдыха, деревообделочную фабрику, наконец, дом Толстого. Они подожгли его в трех местах одновременно. Предварительно они испортили пожарные машины и водопровод.

— Прочь! Прочь! На воздух! — кричал взбешенный унтер-офицер. Перед ним стояли русские женщины, их глаза были полны слез. Они умоляли:

— Это невозможно. Вы понимаете — Толстой...

— Да, да, да, — лаял немец. — На воздух!

Клубы дыма валили уже из дома. Унтер-офицер торопился. Приближались красноармейцы. Немцы бежали.

Советские люди спасли дом Толстого, они отстояли его от огня и от черносотенной злобы. Страна не забудет их подвига. Она никогда не забудет чудовищного преступления гитлеровских драконов на родине великого русского художника. Они заплатят и за это гнусное злодейство. Оно вписано им в счет.

...Когда мы пришли в Ясную Поляну, в толстовской усадьбе, на пригорке, стояла уже наша батарея. Она преследовала врага.

19 декабря 1941 г.

Старший батальонный комиссар
ИВ. МАРТЫНОВ

У великой могилы

Вот здесь, по этим белоствольным аллеям, гулял великий старик с Чеховым и Горьким. Влюбленный в Толстого, скромный и застенчивый Чехов терялся перед обнаженной простотой вопросов Толстого. Рядом с Толстым он становился робким, неумелым учеником, кото-

рому казалось, что он никогда не поднимется до учителя. Дерзновенный Горький, утверждавший новые пути в литературе, благоговел перед Толстым — великим художником и необыкновенным человеком. Это бесмертных ленинских слов о Толстом-художнике, с которым некого поставить рядом во всей литературе, немолчно звенит в яснополянских аллеях.

Сюда, в Ясную Поляну, в торжественную тишину и мудрость ее аллей, стремились лучшие люди мира. При жизни Толстого знаменитые писатели, философы, художники, музыканты, артисты — творческие работники всех национальностей — приезжали в Ясную Поляну, чтобы увидеть единственное в мире лицо Толстого, чтобы услышать его, единственный в мире, голос. После смерти писателя люди всех стран стекались сюда поклониться праху Толстого, подышать воздухом, которым дышал Толстой.

Толстой — явление неповторимое. У человека, знающего Толстого, не может найтись слов, чтобы до конца выразить свой восторг, свое уважение, свою гордость человеческим гением перед ослепляющим ликом этого художника.

Толстой приказал похоронить себя в самом отдаленном уголке парка. «Зона тишины» окружает его суровую, простую и одинокую могилу.

— «Зона тишины», — прочли разведчики лаконичную надпись на дощечке, указывающей путь к могиле, и затихли разговоры, и приглушенной стал скрип снега под ногами, строже сделались лица. Это был уголок тишины среди грома рвущихся снарядов, прерывистого гула штурмовиков, бомбардировщиков.

И отряд разведчиков капитана Дмитриева, действовавший несколько суток по тылам врага, принесший сюда живое дыхание боя, как бы переступил невидимую, но ощущаемую всеми границу. Их путь не лежал по этой аллее, они свернули со своей дороги, чтобы увидеться с Толстым...

Бойцы встали вокруг великой могилы и помолчали. С лицами, опаленными многодневными ветрами, грозно вооруженные, они стояли как неприступная стража, как делегаты своего народа, пришедшие поклониться праху великого писателя и, если нужно, защитить его.

Могила Л. Н. Толстого

— Товарищи, — сказал командир отряда, — мы видели много издевательств немцев над нашими людьми, над нашей культурой, но такого кощунства мы еще не встречали. Устроить кладбище фашистских свиней подле самой могилы великого русского и мирового писателя Льва Николаевича Толстого — это издевательство, невиданное и неслыханное. Может, кто хочет высказаться, товарищи?

Молчать было нельзя. И в «зоне тишины», у могилы Толстого, возник страстный стихийный митинг.

Гвардеец-казах Кавбас Улумбаев первый попросил слова.

— Мы не хотели воевать с немцами, — сказал товарищ Улумбаев, — мы хотели мира. Но Гитлер напал на нас, жжет наши села, мучает людей, издевается над памятью нашей к великим людям. Все люди мира никогда не простят Гитлеру его идиотских зверств. Все национальности — туркмены и узбеки, казахи и каракалпаки, татары и таджики — встали грудью на защиту родины. Мы ничего не простим фашизму. Мы истребим его и выкорчем с этой земли могилы немецких собак.

— Кто не читал Толстого! — сказал боец-разведчик т. Коренчиков. — Все мы читали его книги. Мы помним его картины разгрома наполеоновской армии в «Войне и мире», помним и «Анну Каренину» и «Воскресение». Мы никому не позволим оскорблять память Толстого. Мы клянемся отомстить фашистам за все их преступления.

Рядовые бойцы говорили о мести, о правде жизни, о неминуемой гибели фашизма; они выступали как истинные представители самой высокой культуры, которым дороги и родное село, и семья, и прах Толстого. Они с гневом и отвращением смотрели на могилы фашистов, пристроившиеся к великому памятнику.

Митинг окончился. Разведчики ушли, оставив у могилы великую клятву мести.

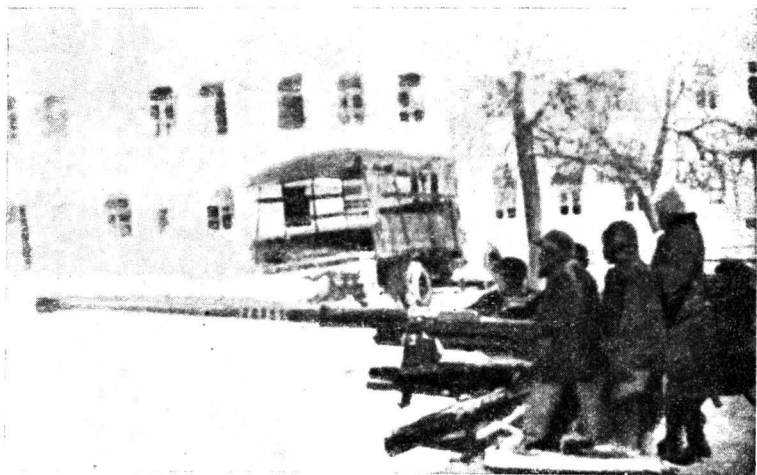
Нет, мы не срыли пока могил свиней, проникших в заповедную зону, не выкорчевали мерзких тел, осквернивших яснополянскую рощу. Мы выроем их, конечно, мы выскребем с яснополянской земли всю эту гниль отвратительных трупов. Еще немного, еще несколько

Бойцы-гвардейцы старшего лейтенанта т. П. Злобина идут в атаку у с. Гречанка

На подступах к с. Гречанка. Пулеметный расчет, которым командует гвардии сержант т. Ф. Гусь, ведет огонь по противнику

Зенитное орудие, оставленное немцами при бегстве из г. Калуги

Одна из многочисленных машин, брошенных немцами при бегстве из г. Калуги

дней, пока весь мир познакомится с этой новой гнусностью немцев...

...76 холмиков земли, прикрывающих зловонные трупы. 76 березовых крестов с дощечками, сообщающими фамилии уничтоженных под Тулой мерзавцев, правильными рядами пристроились к могиле Толстого.

Кроме кощунства, здесь угадывается подлая повадка раба. Отрицающие Толстого голосом своего «фюрера», они с заднего крыльца пытаются пристроиться к толстовской славе. Им, как лакеям, хотелось похвастаться близостью к чужой славе. Недостигаемый Толстой, великий Толстой,— и вот тупой немец похоронил другого немца возле Толстого. Возле самого Толстого. Это ли не слава, это ли не тема для разговора в лакейской! И они рыли землю рядом с могилой Толстого, дрожа от восторга перед близостью к недостигаемому.

Но разговор в лакейской не состоится. Хвастливого рассказа о близости к великому не будет. Рассказчиков догонит наша пуля, трупы их сгниют на нашей земле, и сгниют далеко от могилы Толстого.

19 декабря 1941 г.

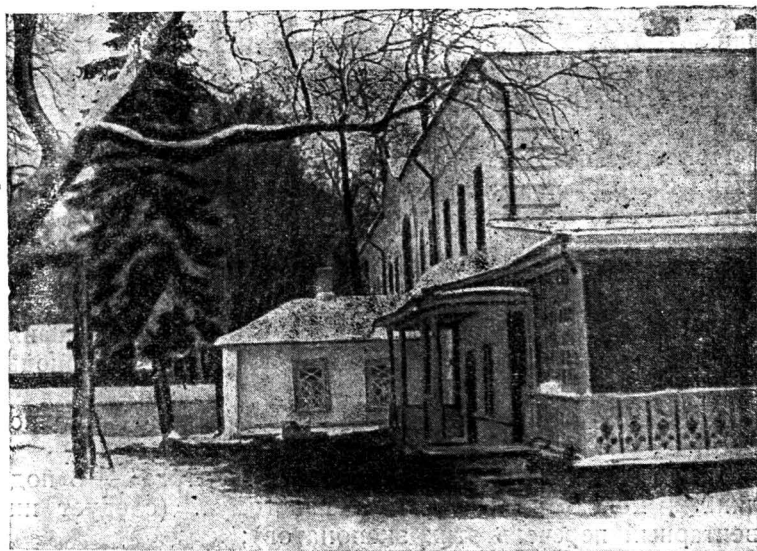
Гитлеровским вандалам-громилам не удастся скрыть своих преступлений в Ясной Поляне

В своей ноте от 6 января 1942 года народный комиссар иностранных дел Союза ССР В. М. Молотов довел до сведения всего мира факты грабежа и разбоя немецких оккупантов в музее-усадьбе Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, факты чудовищного надругательства фашистских варваров над памятью великого писателя.

Пытаясь скрыть от мирового общественного мнения свои преступления и «опровергнуть» достоверные материалы, приводимые в ноте В. М. Молотова, германское информационное бюро выступило с заявлением, которое, однако, выдает гитлеровских разбойников, орудовавших в Ясной Поляне, с головой. В сообщении германского информационного бюро от 9 января говорится: «Музейный инвентарь большевики полностью вывезли из Ясной Поляны, так что при занятии этого пункта германскими войсками там не оставалось ничего, кроме стенных украшений, т. е. некоторых картин, исполненных самим Толстым».

До сих пор все культурное человечество знало, что Толстой писал не картины, а романы. Но гитлеровским дурачкам все нипочем. «Изучив» украденные своими головорезами картины, они «узнали» в них руку Толстого. Вот уже поистине невероятная смесь цинизма и невежества, наглости и беспардонного вранья!

По своему обычаю фашистские брехуны тут же забывают, что сами пишут в своем «опровержении». Заявив, что «музейный инвентарь большевики *полностью* вывезли из Ясной Поляны», эти неумные писаки, не моргнув глазом, утверждают, что «оставшийся в наличии музейный инвентарь сохранен германским командованием...» Точь-в-точь, как баба, которая, не желая отдавать долг, говаривала: «Во-первых, я у тебя горшка не брала, во-вторых, я его отдала, в-третьих, я его разбила».

Дом Л. Н. Толстого в Ясной Поляне

Акт, составленный комиссией Академии наук СССР, в которую входили внучка Льва Николаевича Толстого — Софья Андреевна Толстая, академик архитектуры А. В. Шусев, профессор архитектуры Б. А. Кондрашев, хранитель музея в Ясной Поляне С. И. Щеголев, член-корреспондент Академии наук И. И. Минц, заведующая фондами государственного музея Л. Н. Толстого Е. Н. Чеботаревская, редактор академического издания произведений Л. Н. Толстого Н. С. Родионов, начальник управления капитального строительства Академии наук инженер И. И. Бодалев и профессор Е. Н. Городецкий, — полностью изобличает жуликов из германского информационного бюро. Приводим выдержку из этого акта:

«Заняв комнаты бытового музея и комнату старшего сына Толстого — Сергея Львовича Толстого, фашисты путем отмычек взломали замки от запертых столов и шкафов; тут же было похищено из шкафа седло Л. Н. Толстого, которым он пользовался при верховой

езде до самого своего ухода из Ясной Поляны, и одежды крестьян района Ясной Поляны разных эпох, имеющие этнографическое значение. Эти одежды, а также белье из шкафа С. Л. Толстого были разделены фашистскими офицерами по рукам».

Приводим далее выдержку из приложения № 5 к акту, в котором один за другим перечислены германские «трофеи» в Ясной Поляне:

«1) Седло, которым пользовался при верховой езде до последних дней своей жизни Лев Николаевич;

2) Круглые стенные часы;

3) Большое количество документальных фотографий, изображавших Л. Н. Толстого в разные периоды жизни;

4) Часть книг из оставшейся меморативной библиотеки;

5) Из монтажа «Переписка Л. Н. Толстого» — 8 подлинных конвертов и писем к Толстому... (следует инвентарный перечень этих экспонатов);

6) Различные мелкие вещи из взломанных шкафов в комнате Софьи Андреевны Толстой;

7) Постельное белье, одеяла и подушки с кровати д-ра Маковицкого и И. В. Сидоркова (живших вместе с Львом Николаевичем Толстым);

8) Собрание старинной одежды яснополянских крестьян;

9) Похищено 150 метров ковровых дорожек. Кроме того, похищены и сожжены:

1. Книжная полка работы Л. Н. Толстого, находившаяся в его кабинете;

2. Оконные шторы в библиотечной комнате, в секретарской, в зале и в комнате Софьи Андреевны Толстой;

3. Буфетная стойка.

Порван диван, на котором родился Л. Н. Толстой...

Пойманные с поличным гитлеровские грабители всячески изворачиваются. Они заявляют, что утверждения о разгроме и разрушениях в Ясной Поляне, «опровергают фактические материалы, а именно: свидетельские показания и фотографии». Жулики и шулера выдают себе удостоверение в честности — случай, не имеющий прецедента в уголовной практике.

*Библиотека. Комната в музее Л. Н. Толстого
после пребывания фашистов в Ясной Поляне*

В сообщении германского информационного бюро нет, конечно, никаких свидетельских показаний. Они и не могут быть, ибо ведомство Гитлера, носящее название германского информационного бюро, может прибегнуть только к свидетельству того немецкого генерала, который, посетив музей, дал своим офицерам распоряжение украсть картины из Толстовского музея

в качестве «сувениров». Но какая цена свидетельству этого главного вора и грабителя, организатора разграбления музея Толстого!

Акт комиссии Академии наук устанавливает:

«Похищены немцами картины:

М а с л о:

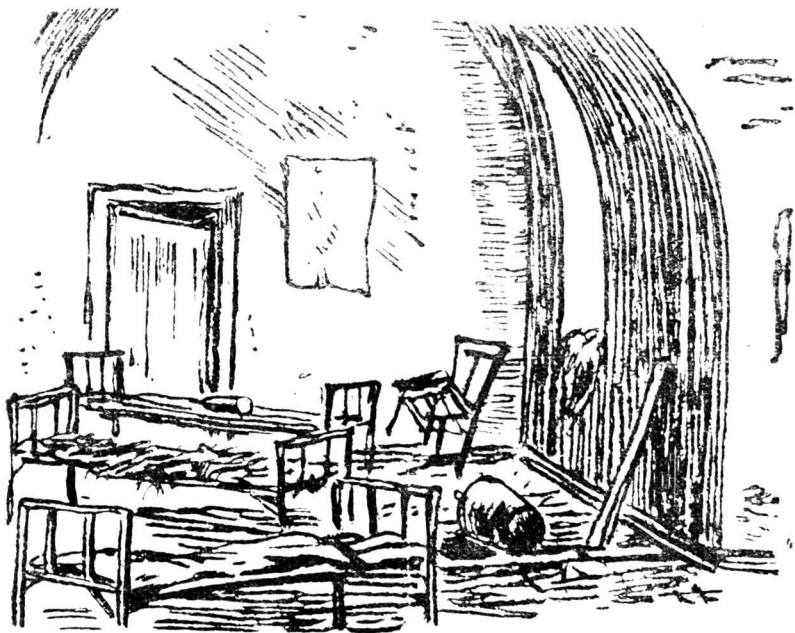
1. Въезд в усадьбу Ясная Поляна — художника Салтанова.
2. Партизаны в 1812 г. — художника Петрова.
3. Изба в Филях — копия с работы Саврасова.
4. Переход через Березину — неизвестного художника.
5. Левин на сенокосе — худ. Гильберта.
6. Толстой пашет — копия с картины И. Е. Репина, работа худ. Соломина.
7. Разгром помещичьей усадьбы — копия с картины худ. Шестопалова.

А к в а р е л ь:

1. Дом Волконского — работа худ. Гильберта.
2. Наташа на балу — копия с картины Л. Пастернака, работы худ. Глебова.
3. Пьер Безухов — копия с картины художника Боклевского, работы худ. Глебова.
4. Лев Толстой и Николай II — работа худ. Н. Ушаковой.
5. Взятие Малахова кургана — гравюра времени осады Севастополя.

Таковы факты о краже воровским войском Гитлера картин, принадлежавших Толстовскому музею, но отнюдь не написанных самим Львом Николаевичем, как «определили» фашистские «специалисты» по искусству.

Что же касается фотографий, которые, по мнению жуликов из игорного дома Гитлер и К^о, должны обелить немецких офицеров-воров, то они могут быть представлены разве только из числа украденных из музея. Советские же фотодокументы, запечатлевшие погромные дела гитлеровцев в Ясной Поляне — это убийственные для гитлеровцев, неопровержимые доказательства. Мировое общественное мнение, располагая этими документами, может лишний раз убедиться в том, до какой степени падения дошла гитлеровская

«Комната со сводами» — рабочий кабинет Л. Н. Толстого, в котором написана «Война и мир», превращена фашистами в хлев

Германия в ее походе против культурных завоеваний человечества.

Германское информационное бюро продолжает:

«Что касается толстовских замков, то речь идет о двух полностью сохранившихся белых зданиях, из которых главное здание служило музеем». Гитлеровские громилы, пойманные с поличным, видимо, твердо решили превзойти самих себя в отрицании всех очевидных фактов. А факты таковы:

1. Музеем служило не одно, а оба здания, и по указанию германского командования были выброшены, уничтожены и разгромлены экспонаты обоих зданий.

2. Несмотря на то, что поблизости находилось прекрасное здание больницы, фашисты расположили

свой лазарет не в больнице, а в музее, считая, что это будет лучшим способом подчеркнуть свое варварское презрение к памятникам культуры русского народа.

3. Что касается «полной сохранности белых зданий», то вот что установлено комиссией Академии наук:

«...После того, как немецкие части очистили усадьбу, вдруг приехали на легковой машине три немецких штабных офицера. Вламываются в дом, у каждого в руках по бачку с горючим. Бегут наверх, в трех комнатах — библиотечной, спальне Льва Николаевича и спальне его жены, С. А. Толстой, — из сена, соломы и деревянных предметов обстановки образуют три костра, обливают все горючим. В спальне Л. Н. Толстого костер был разложен как раз на том месте, где стояла кровать Толстого.

По счастью, все это было сделано наспех, фашисты боялись окружения и поэтому спешили. Не дождав-шись конца своей работы, офицеры умчались.

Сейчас же после их отъезда сотрудники музея принялись за спасение дома. Воды не было. Пожарные приспособления немцы уничтожили. С большим трудом удалось добыть воду в старом заброшенном колодце...

Усилиями сотрудников музея и молодежи, проявивших героическое мужество, пожар был ликвидирован, и дом Толстого был спасен от окончательного уничтожения».

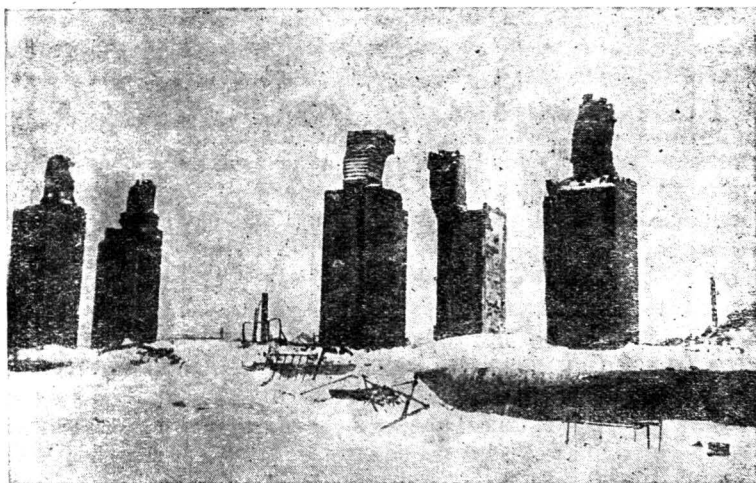
Приводим выписку из акта № 2 комиссии Академии наук о последствиях пожара:

«§ 1. В помещении библиотеки, находящейся во втором этаже (по плану комната № 34), прогорел чистый пол на 50 проц., на потолке проломано отверстие на чердак (20 проц.), обгорела и осыпалась штукатурка стен на 50 проц., обгорели 2 двери с косяками и наличниками (требуется перешпаклевка и окраска их). Одно полотно двери отсутствует вовсе.

§ 2. В спальне Л. Н. Толстого (комната № 37) прогорел пол (на 50 проц.). Штукатурка испорчена и отбита (на 20 проц.).

§ 3. Выбиты стекла в окнах (на 80 проц.) всего здания.

§ 4. В спальне Софьи Андреевны (комната № 39) погорели 3 половицы, обгорело окно».

*Библиотека и общежитие, сожженные фашистами
при бегстве из Ясной Поляны*

Таким образом, то, что здания музея не полностью уничтожены, это не вина, а беда фашистских поджигателей, ибо они приложили все усилия, чтобы сжечь музей дотла.

Все сказанное относится не только к музею. Немцы поставили перед собой задачу стереть с лица земли все связанное с именем и памятью великого русского писателя. Немецкие фашисты разрушили, а потом сожгли школу имени Толстого, амбулаторию и больницу имени Толстого, разрубили на мелкие куски и частью сожгли вещи, сделанные руками Толстого, изрубили деревья, посаженные самим Толстым, рвали в клочья и портили мебель Толстого, малевали свою паучью свастику на страницах фамильных альбомов Толстого. Даже краткие выдержки из актов и свидетельских показаний очевидцев и пострадавших рисуют жуткую картину бандитского разгула немцев в Ясной Поляне.

Приводим выдержку из застенографированного рассказа хранителя музея-усадьбы Л. Н. Толстого в Ясной Поляне С. И. Щеголева:

«31 октября. Занимается комната Сергея Львовича

Толстого (сына Льва Николаевича). Меня поразила такая вещь: когда так называемый «штабарц», не назвавший своей фамилии, стал требовать освобождения комнаты Сергея Львовича, а я начал отстаивать ее и говорить, что это частная собственность и комната эта так же дорога для музея, как и остальные комнаты, он спросил меня: «Где он находится?» Я ответил, что Сергей Львович в Москве. Тогда он, не разговаривая со мной, начал взламывать шкафы. При этом я буквально раскрыл от удивления глаза, с какой ловкостью он взламывал шкафы. У всех у них есть отмычки наподобие клещей. В комнате Сергея Львовича он взял несколько стаканчиков, положил их в карман. Затем, взломав нижний ящик шкафа, он и еще один врач поделили между собой белье Сергея Львовича, — простыни, полотенца и другие вещи... Один из офицеров забирает себе три фотографии Л. Н. Толстого меморативного значения. Я начинаю протестовать, говорю, что это меморативная вещь, показываю инвентарный номер, говорю, что отвечаем за эту фотографию. Он посмеялся и преспокойным образом забрал фотографии себе».

Вот простой перечень других преступлений фашистов:

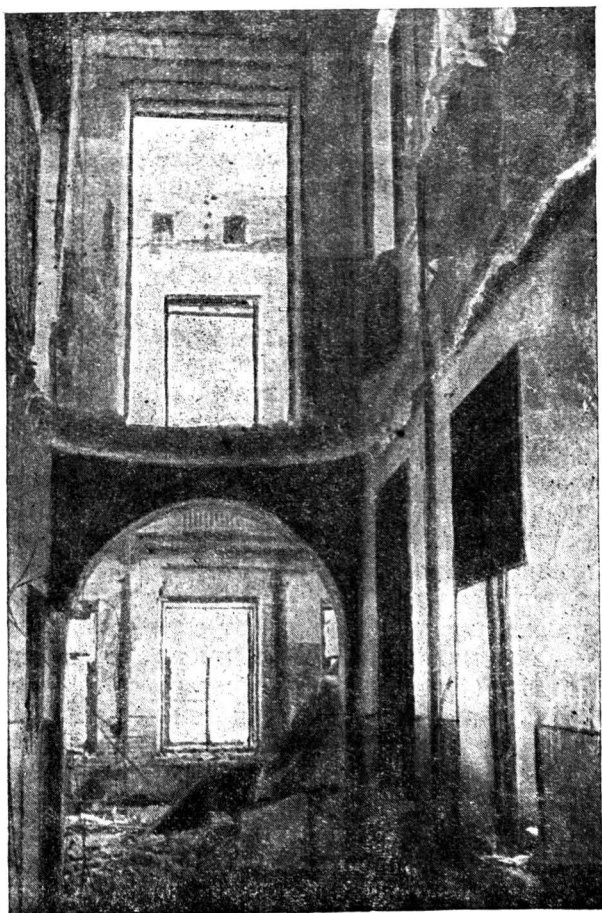
«§ 5. Дворик музея был превращен в скотобойню. На деревьях и уцелевших заборах были развешены туши убитых тут же свиней, коров и пр.

§ 6. Несмотря на наличие рядом с домом запаса сухих дров, на топку печей и на костры были разломаны все загородки, скамейки и пр. На растопку же были разломаны книжная полка из кабинета Л. Н. Толстого, буфетная стойка и много старинных стильных рам от картин и портрета...

§ 7. Уничтожен весь хозяйственный инвентарь: повозки, сани, сбруя и др. Из 12 коров, принадлежавших хозяйству музея, спасены сотрудниками 3. Отобраны и угнаны все 4 лошади, уничтожен весь фураж». (Из акта № 1 комиссии Академии наук СССР.)

Что осталось от школы и больницы, сожженных фашистами, видно из следующих материалов:

«... Осмотрев здание школы им. Л. Н. Толстого, нашли состояние ее в нижеследующем виде:

*Школа, взорванная фашистами при бегстве
из Ясной Поляны*

1. Пожаром уничтожена вся внутренность здания вместе с крышей. Неповрежденными остались стены.
2. Деревянное здание общежития сгорело полностью.
3. Дом для учителей тоже сгорел полностью, кроме кирпичных стен». (Из акта № 3 комиссии Академии наук СССР.)

«§ 15. Всех школьных работников выгнали из школьных помещений; их приютили на деревне колхозники; бандитами расхищено все их оставшееся имущество. Сейчас школьные работники без крова, так как школа со всеми постройками сожжена.

§ 16. Уничтожена вся школьная библиотека в 18 000 томов, все учебное оборудование (микроскопы, наглядные пособия и проч.). Библиотека в большей своей части сожжена в печах, на разложенных вокруг школы кострах, частью расхищена». (Из акта № 1 комиссии Академии наук СССР.)

«...Осмотрев амбулаторию и больницу в усадьбе Л. Н. Толстого, установили нижеследующие разрушения:

1. Здание амбулатории сгорело полностью.
2. Здание больницы превращено в конюшню.
3. Общежитие для медперсонала и 3 докторских домика сгорели полностью», (Из акта № 4 комиссии Академии наук СССР.)

Напуганные возмущением всего мирового общественного мнения против нарочитого, дикарского надругательства над памятью величайшего писателя, гитлеровские громилы, поспешно заматают следы, заявляя, что «Советы сами минировали парк имения и могилу Толстого. На этом минном поле многие жители нашли свою гибель, так как мины были занесены снегом...»

Неуклюжая увертка изолгавшихся и пойманных с поличным бандитов! За время хозяйничанья немецких оккупантов в районе Ясной Поляны действительно были жертвы среди местного населения. 29 октября был убит фашистской бомбой председатель Яснополянского колхоза Павел Давыдович Орехов; 14 ноября фашистами были повешены яснополянский колхозник Николай Иванович Власов и житель ближней деревни Волково, рабочий Косогорского завода, фамилия которого не установлена. Не эти ли люди взорвались на «советских» минах?

Что же касается того, что минное поле было занесено снегом, то в октябре месяце, когда немцы захватили и грабили Ясную Поляну, там никакого снега не было. К тому же через два дня после захвата Ясной Поляны немцы на этом якобы заминированном месте похоронили своих солдат, умерших в госпитале.

Комиссия Академии наук установила:

«31 октября началось захоронение около могилы Толстого умерших в госпитале фашистов. Место могилы Толстого для устройства кладбища весьма неудобное: могила находится в лесу, где много корней от деревьев, мешающих рыть землю, она находится на расстоянии от усадьбы около одного километра. По дороге на могилу и вокруг дома имеются свободные поляны. Тем не менее кладбище для фашистов, умерших в «госпитале» — доме Толстого, несмотря на протесты сотрудников музея, было устроено именно там, с явной целью надругательства над памятью великого писателя, над культурно-исторической святыней народов Советского Союза и всего мыслящего человечества. Всего вокруг могилы Толстого имеется 76 крестов с фашистской свастикой и с надписями на немецком языке».

Похоронив своих солдат у могилы Л. Н. Толстого, немцы преследовали лишь одну цель: оскорбить национальное чувство русского народа, надругаться над памятью великого русского писателя. Неуклюжая выдумка германского информационного бюро о «русских минах» — это не больше как неудачная жульническая увертка припертых к стене преступников.

Итак, германское информационное бюро вновь позорно провалилось со своим неуклюжим «опровержением». Бесспорно установлено:

«1. Германское командование, выполняя директивы людоеда Гитлера, имело целью при занятии Ясной Поляны разрушить и уничтожить все, что связано с именем и памятью великого классика русской и мировой литературы Л. Н. Толстого. С первой же минуты вступления в Ясную Поляну фашисты начали заранее обдуманный, организованный и планомерный разгром музея-усадьбы. Затем в течение всего времени пребывания в Ясной Поляне они систематически осуществляли свой дьявольский план разрушения. Германские офицеры и солдаты с официального разрешения гитлеровского командования разворовали толстовские реликвии, рубили мебель, уничтожали музейный инвентарь и в заключение подожгли музей.

2. Гитлеровские мерзавцы, надругавшись над могилой великого писателя Л. Н. Толстого, чтимого всем прогрессивным человечеством, сознательно оскорбляли национальное достоинство русского народа, измываясь над честью и национальной гордостью русского человека.

В обвинительном приговоре, который вынесет гитлеровцам культурный мир после разгрома гитлеровской Германии, материалы о чудовищных преступлениях немцев в Ясной Поляне займут свое видное место.

СОВЕТСКОЕ ИНФОРМБЮРО».

В Ясной Поляне

Путь на юг открыт. Сразу же от Тулы начинается то, что осталось от когда-то цветущих поселков Басово, Ново-Басово, Ивановские дачи. Обугленные, черные трубы. Разбитые немецкие машины, тракторы, тягачи, брошенные орудия, зарядные ящики, горы мин, снарядов и трупы людей. Копнешь снег — кровь. Вдоль всего шоссе — могилы немцев.

Дорога, стремительно идущая вниз, покрыта льдом. Вниз мы не идем, а летим по льду, падаем и снова поднимаемся. Дорога минирована. В одном месте по глубокой снежной тропе, идущей в обход взорванного моста, прошли благополучно. Ехавший позади нас боец с лошадей и повозкой взлетел на воздух.

Преодолев спуск и подъем, оказываемся на Косогорском заводе. Навстречу нам тянется в Тулу население освобожденных от немцев поселков. Не надо их ни о чем спрашивать, — их вид, бледные, землистые лица, усталые движения, жалкий скерб на саях говорят сами за себя.

Немцы взорвали доменные печи Косогорского завода. Одна дымоходная труба диаметром в $1\frac{1}{2}$ —2 метра распласталась поперек шоссе.

Чем ближе к Ясной Поляне, тем слышнее звуки боя. Орудийные и минометные разрывы, пулеметные очереди.

Вот яснополянский сад. Здесь жил, думал, работал Лев Николаевич Толстой. Полтора месяца здесь хозяйничали немцы — заклятые враги русского народа. Подходим все ближе к усадьбе.

Вдоль лесной дороги тянутся обугленные стены домов. Еще дымятся остовы жилья. В воздухе пахнет гарью. Наконец шоссе сворачивает вправо, и сердце холодеет от боли: слева дымится здание прекрасной школы имени Толстого. Все, все созданное нами с такой любовью — великолепные классы, библиотека, скульптуры, картины — все разграблено и сожжено. Я вижу суровые лица бойцов, которые через час пойдут в атаку.

— Посмотрите.

Боец трогает меня за руку. Синим дымком клубится толстовская больница. Почти бегом проходим мимо березового бревенчатого мостика, где любил гулять Лев Николаевич. Слева деревня, справа белые могучие столбы при въезде в усадьбу. Здания музея целы. Ослепительно белые дома с зелеными крышами. Молча мы входим в дом Волконских. Открываем дверь.

— Милые, дорогие! Неужели это вы? Вы пришли!

Это говорит учительница музыки Елизавета Васильевна Соловьева, 15 лет работающая в Яснополянской школе.

— Значит, все кончено, кошмар прошел? — спрашивает учительница литературы, научный сотрудник музея Мария Ивановна Щеголева.

Тут же стоит хранитель музея Сергей Иванович Щеголев. Как изменился он за эти полтора месяца! Бледные, осунувшиеся щеки, впалые глаза, заросшее лицо.

Несколько минут мы молчим. Выходим из дома и по глубокому снегу направляемся к двухэтажному дому с верандой, обвитой узорчатым заборчиком. На пороге бытового музея фанерная доска. Красные буквы: «Осторожно, немцы минировали бытовой музей Толстого».

Входим в дом. Страшная картина разрушения. Поломанные стулья, столы. Какие-то тряпки, полусгоревший потолок, изрубленные полы.

— Вчера мы спасали эти стены. Это почти все, что осталось от музея, — говорит товарищ Щеголев.

Утопая в сугробах, идем к могиле Толстого. Ее почти не видно. Там, где стоит могила, густыми рядами высятся кресты, десятки крестов. Посредине огромный березовый крест с фашистской свастикой и надписью: «Павшие за великую Германию».

Слушаем рассказ о чудовищном злодеянии фашистских бандитов.

Тревожный день 29 октября. В Ясной Поляне рвутся тяжелые немецкие бомбы. Обстрелу из немецких пулеметов подвергается дом Волконского. Две бомбы упали в самой деревне. Убит около своего дома ученик Льва Николаевича председатель Яснополянского колхоза Павел Давыдович Орехов. В 12 ч. 20 м. Ясная Поляна

*Подразделение лейтенанта т. В. Корчагина накапливается
для атаки*

Конногвардейцы т. Рязанцева на марше

Подразделение старшего лейтенанта т. Севостьянова накапливается для атаки

Село Лев Толстой, сожженное и разрушенное немцами

подверглась атаке немецких штурмовиков. Есть разрушения. Советские войска отходят. Два часа дня. По шоссе, недалеко от усадьбы, движутся немецкие танки.

30 октября в музей прибыли три немецких врача. Один из них — доктор Шварц. Внешне эти господа были любезны. Шварц прекрасно говорит по-русски, уверяет, что родился в Петербурге. Этот белобандит потребовал ключи от музея. Осмотрев комнаты, фашисты записали в книге впечатления на немецком языке: «Первые три немца в походе против России».

К вечеру пришло еще много немцев. Они занимают часть дома Волконского. Мародеры везде верны своим обычаям. Они и здесь, в музее Толстого ловят во дворе кур, смеясь, свертывают им головы. Офицеры обедают.

Утром 31 октября немцы ворвались в литературный музей. Мебель, экспонаты, картины, книги, — все это беспорядочно свалили в кучу и объявили, что здесь будет перевязочный пункт. Не прошло и часа, как Щеголева снова вызвал офицер, тот самый любезный доктор Шварц, и потребовал освободить несколько комнат бытового музея. Один из немецких врачей взламывает личный шкаф Сергея Львовича и без всякого зазрения совести ворует белье.

Фашистам ненавистно все русское. Имя Толстого вызывает у них бешенство. С тупой злобой они уничтожали и портили все, что дорого и близко нашему сердцу.

Около музея расположили десятки немецких машин, походную кухню. Солдаты из деревни волокут свиней. Здесь же быют коров, распластывают туши. Ломаются изгородь, скамейки. Сотрудники музея пробуют протестовать, но фашисты яростно ругаются.

Привозят раненых и убитых немцев. С ужасом служащие музея наблюдают, как крестьяне под угрозой штыков немецких солдат разрывают землю буквально рядом с могилой писателя.

В литературном музее картина страшная. Раненые, «окровавленные фашисты. Лежат закутанные в шинели мертвецы. Солдаты перетаскивают куда-то мебель, разбрасывают книги, фотографии по двору. Офицеры вы-

бывают стекла из рам и вытаскивают картины. Первого ноября музей посетил генерал Гудериан. Генерал бегло осмотрел дом, куда-то торопясь. Когда генерал вышел, в бытовой музей ворвался офицер из его свиты и сорвал со стены ценнейшую фотографию Льва Толстого, а также захватил некоторые вещи.

— Генералу на память! — крикнул он на французском языке.

3 ноября немцы разгромили и бытовой музей. Часть вещей буквально выбрасывается в окна. На дворе масса документов, фотографий, книг. В зале разместились немецкие офицеры, устраивая пьяные оргии. В одной из комнат парикмахеры бреют и стригут «завоевателей». В другой комнате — сапожная. Солдаты волокут в дом бревна, дрова колются здесь же, в комнатах.

Служащие музея долго охраняли комнату под сводами, где Толстой думал и работал, где он создал «Войну и мир».

Ночью в эту комнату ворвались пьяные офицеры. Они взломали все шкафы, часть из них перекололи на дрова.

К 9 ноября усадьба-музей великого русского писателя была полностью разгромлена немецкими солдатами и офицерами. Офицеры грабило и вывозило картины и мебель.

Хранитель музея С. И. Щеголев, зная, что у немцев работают русские — князь Демидов и князь Святополк-Мирский, обратился к Демидову с просьбой прекратить бесчинства в музее и деревне. Белогвардеец, фашистский холоп, продавшийся немцам, нагло заявил:

— Усадьба будет возвращена, как частная собственность, помещику. Ни о каком музее и о всем прочем я не хочу слушать. Я вообще больше интересуюсь хозяйством, чем музеем. Пошел вон!

Смена немецкой части послужила довершением разгрома всего музея. Не уцелели даже полки в кабинете Льва Николаевича, прибитые им самим.

Три последние дня перед отступлением немцы особенно неистовствовали. Они подожгли Яснополянскую школу, а затем и больницу. Сотрудницы музея Щеголева и Маркова вошли в музей. Навстречу им бежал офицер. На ломаном русском языке он кричал:

— Вон, вон, все на воздух!

Женщины со слезами на глазах стали упрашивать пощадить дом писателя. Их избили и выгнали. В 11 часов утра служащие заметили в окнах второго этажа дома Толстого огонь и дым:

— Музей горит!

Дом был минирован. Пренебрегая опасностью, в него вбежали врач Илюхин и ученик 10-го класса московской школы Павел Комаров. Они самоотверженно начали тушить пожар. Отважно боролась с огнем ученица Яснополянской школы Клавдия Литвинова. Она потушила загоревшийся потолок второго этажа.

Немцы подожгли музей в трех местах — в библиотечной комнате, в спальне Льва Николаевича и в комнате Софьи Андреевны. Предварительно они сломали все пожарные машины и испортили водопровод. Все же общими усилиями служащих здание удалось отстоять.

Так расправились немецкие бандиты с музеем величайшего писателя.

47 дней

По длинной яснополянской улице идет женщина. Она жадно смотрит на знакомые русские лица встречающихся бойцов и командиров, на их серые шинели, дубленые полушубки, теплые шапки-ушанки.

Сорок семь нестерпимо долгих дней эта женщина не видела советских бойцов. 14 декабря 1941 года запомнится яснополянцам как самая радостная страница в их жизни. Часть полковника Трубникова вступила в этот день в Ясную Поляну, выбив оттуда немцев. Линия фронта отодвинулась на запад.

Усталой походкой идет немолодая женщина. Она ведет корову, сзади — мальчонок с хворостиной; оба несут узлы. Они возвращаются в свои дома. Полтора месяца укрывались мать с сыном в глухих местах, среди лесов и бездорожья, куда не пробирался немец.

Мы долго ходим по священным для сердца каждого русского человека местам, истерзанном варварами.

О многом рассказывают люди, пережившие фашистское иго. Хранитель музея С. И. Щеголев, Марья Ивановна Щеголева, Марья Петровна Маркова и многие другие с ужасом вспоминают о недавнем и страшном прошлом.

Марья Петровна Маркова — технический работник музея, волевая, твердая женщина. Она сроднилась с этими комнатами, с этими экспонатами, в которых запечатлена жизнь Толстого.

— Узнали мы, — волнуясь, вспоминает она, — что фашисты пришли. Перепугались. Убрали все, что можно было, ждем. Потом увидела я — немцы тащат все, что под руку попадает. Разозлилась. Чуть увижу — волокут — бегу к Сергею Ивановичу или Марье Ивановне и уж вместе — отнимать. Потом я совсем осмелела: некоторые экспонаты от верной гибели спасла... Немцы грабили, ломали, жгли — ничего не жалели. Вот смотрите, — и Марья Петровна показывает на стенку, на которой видны следы висевших когда-то различных мелких вещей. Стена вся исцарапана, пробита гвоздями, испачкана похабными рисунками.

— Здесь висели многие вещицы, принадлежавшие Софье Андреевне. Сняли мы их, убрали, а на стенке возле каждого гвоздика номер поставили, не перепутать чтобы. Так вот, сволочи, даже гвоздики повытаскивали все...

Переживали, волновались яснополянцы, старались чем только можно помочь, чтобы спасти ценности. Немцы, убегая, подожгли музей. Его спасли две сильных русских женщины: Марья Ивановна Щеголева и Марья Петровна Маркова. Когда огонь был потушен, они постояли возле дома, обнялись.

— Ну, Марья Петровна, давай поплачем теперь... — сказала Щеголева.

Бывший кучер Льва Николаевича Толстого — шестидесятидвухлетний Иван Васильевич Егоров — снова занял свою должность сторожа музея.

— Сердце заходится от злости, — говорит он, — из рода в род передаваться будут рассказы наши о фашистских зверствах.

У Ивана Васильевича характер беспокойный. Когда немцы стали хозяйничать в Ясной Поляне, он не мог сидеть дома. Нет-нет да и зайдет в музей посмотреть и узнать что и как. Однажды пришел старик на усадьбу. Адень был лютый, морозный. Увидали немцы, что надеты на нем валенки, да еще хорошие, добротные — навалилось на него несколько гитлеровцев, душить стали и сняли все-таки проклятые.

Нет в селе ни одного дома, где не напаскудили бы немцы. И у Ивана Васильевича в маленьком его домике жило десять вшивых фрицев. Жили, как первобытные звери. Раздевались при всех догола, искали вишей, потом лезли в печь за едой. Всех — хозяина, жену его, родных, мужчин, женщин и детей — согнали в уголок за печкой и не выпускали ни днем, ни ночью.

Иван Васильевич сидит сейчас в своей хате за столом. Над ним большая фотография: он, бравый кучер, восседает на санях вместе с Львом Николаевичем. Старик смотрит вопросительно на жену: говорить, мол, аль не говорить? Затем махнул рукой и сказал:

— Эх, да что, товарищи. Стыдно, а сказать надо. Никого из этого угла не выпускали, даже по на-

добности... Так и оправлялись здесь и мужчины, и женщины, и дети — все...

— Смотрите, — он показал на окно, — вот идут наши односельчане. Все одеты, все в валенках. А как досталось это? Как только увидели, что немцы отбирают валенки, теплые вещи, так все и попрятали. Нет у нас ничего. В морозы сами мы ходили в холодной обуви, чтоб немчуре теплая не досталась.

Хитро улыбается Иван Васильевич, поглядывает на жену свою, и оба, довольные, что сумели яснополянцы немцев так перехитрить, смеются.

— Вот жена моя, — став сразу серьезным, продолжал Егоров, — сегодня первый раз за два месяца засмеялась...

Много натворили гитлеровцы в Ясной Поляне. Они убивали, грабили, жгли, издевались.

С какой горечью вспоминают учителя о сгоревшей школе, основанной еще Толстым. Школа была одной из лучших в Тульской области. Особенно гордились яснополянские педагоги физическим кабинетом. Теперь все надо создавать заново.

Видели яснополянцы в центре села трупы повешенных советских людей; видели они, как кощунственно издевались немцы над памятью величайшего человека, видели они, как горел Толстовский музей, как пылала любимая школа, видели они страшные языки пламени, лизавшие их детище — больницу. Видели яснополянцы и многое другое.

Вот акт, подписанный 17 декабря 1941 года в Ясной Поляне хранителем музея С. И. Щеголевым, технической служащей М. П. Марковой, сторожем И. В. Егоровым, колхозницами сельхозартели В. Я. Зябровой и А. Я. Пудовой, рабочим музея Б. С. Филатовым, учительницами Яснополянской средней школы имени Л. Н. Толстого, С. А. Грацианской и Е. В. Соловьевой, плотником музея К. К. Стременецким:

«За годы великого социалистического строительства советским правительством не только был полностью восстановлен и содержался в неприкосновенном историческом виде музей-усадьба Л. Н. Толстого, замечательные средняя школа имени Л. Н. Толстого, больница и дом отдыха.

С первых дней своего прихода фашистские преступники надругались над памятью великого русского писателя Л. Н. Толстого, приступив к разрушению музея-усадьбы.

1. 29 октября Ясная Поляна подверглась зверской бомбардировке с фашистских самолетов, во время которой погиб председатель колхоза Орехов Павел Давыдович и уничтожено две избы.

2. На второй день своего пребывания в Ясной Поляне—30.X.41 г.—немецкие захватчики потребовали освобождения здания литературного музея, свалив все экспонаты в одну из комнат бытового музея. В здании литературного музея был устроен госпиталь, несмотря на наличие в Ясной Поляне замечательной больницы, которая использована не была.

3. На третий день — 31.X.41 г. — по приказу двух офицеров был занят бытовой музей под квартиры немецких офицеров и их денщиков. В комнате под сводами, в которой Л. Н. Толстой написал одно из лучших произведений — «Война и мир», на кучах соломы, предварительно выбросив все вещи, расположились гитлеровские солдаты.

4. Экспонаты литературного музея были расхищены и частично уничтожены. Офицеры вырезали понравившиеся им фотографии и картины.

5. В помещении дома-музея царит хаос и разрушение, валяются изломанные экспонаты, отломанные дверцы шкафов, в которых хранились книги и личные вещи писателя. Не погнушались даже украсть личное белье сына писателя, Сергея Львовича. Все дверные замки в комнатах взломаны, тоже и в шкафах, хотя при желании гитлеровские взломщики могли получить от хранителя музея ключи.

6. Бандиты надругались над могилой Льва Николаевича Толстого, устроив могилы своих солдат и офицеров непосредственно у могилы Толстого.

7. В день своего бегства из Ясной Поляны гитлеровские бандиты подожгли дом Льва Николаевича Толстого. Усилиями нескольких работников музея и жителей Ясной Поляны пожар был потушен и следы преступления сохранены для суда всего культурного человечества над не имеющими ничего святого гитлеровскими

бандитами. Сгорело в доме две комнаты: библиотечная и спальня Л. Н. Толстого. Остальные комнаты закопчены и повреждены.

8. Подожжены и сгорели полностью средняя школа им. Л. Н. Толстого, дом учителей, интернат для учащихся, здания врачей, амбулатория больницы и общежитие медработников.

9. За время хозяйничания немецких оккупантов колхозник Власов и находившийся в доме колхозницы Козловой Прасковьи Семеновны рабочий Косогорского завода были повешены только за то, что по неизвестным причинам загорелась одна автомашина. Четыре дня висели трупы, на которых была повешена надпись, что в следующий раз будут повешены четыре человека.

10. Бандиты изнасиловали колхозницу П., которой еще удалось отстоять свою дочь и раненную в руку племянницу. Была изнасилована также гр. Д.».

Яснополянцы были свидетелями и того, как под натиском наших войск удирали из Ясной Поляны гитлеровские орды.

— Помню, — рассказывает И. В. Егоров, — начали они бежать. Кто в одеяле, кто кацавейку какую напялил, кто в чем. Ну, точь-в-точь, как наполеоновская армия, когда ее гнали из России...

Эти сорок семь дней не сломили духа русского народа, его веры в силу русского оружия.

20 декабря 1941 г.

Марш мести

Врагу,
в наши дома
посмевавшему влезть,
мечь, мечь, мечь.
Врагу,
оскорбившему нашу честь,
мечь.

Что в мире
отныне священнее есть?
Мечь, мечь, мечь.
Пять чувств у нас было,
отныне — шесть;
шестое — да будет —
мечь.

Пусть слуху желанна
единая весть —
мечь, мечь, мечь.
Пусть вспыхнет на стенах,
чтоб глаз не отвесь,
громкими буквами —
«Мечь».

Врагу,
разорившему столько семейств,
мечь, мечь, мечь.
Ему не исчислить
и не учесть
неутомимую мечь.
На вражье коварство,
на хитрость,
на лесь —
мечь, мечь, мечь.
Пять чувств у нас было —
отныне — шесть;
шестому названье —
мечь!

10 апреля 1942 г.

Калужский удар

Б. ФИШМАН

С Новым годом, родная Калуга!

Упорные и кровавые бои за Калугу длились несколько дней. Мы слушали канонаду под стенами города. Мимо нас проходили на запад новые и новые отряды хорошо вооруженных бойцов. Мела пурга, сквозь белую завесу по ночам вдали маячило злое багровое пламя.

И вот наступил памятный вечер 29 декабря. Пурга утихла. Бледный лунный свет залил снежные поля. Ударил мороз. В деревушку, где расположился командный пункт, со скрипом въезжали розвальни. С них соскакивали командиры в полушубках и валенках. Генерал созывал военный совет.

Совет был недолог. Генерал коротко объяснил задачу и в заключение сказал:

— Завтра мы должны с вами преподнести стране новогодний подарок. Все готово. Теперь настал час решительного удара.

Над Калугой ширилось желто-розовое зарево. Грохот канонады усиливался — это наша корпусная артиллерия била по коммуникациям врага. Осуществлялся смелый обходный маневр, который должен был решить судьбу города. Генерал всю ночь провел у полевого телефона. Утром мы встретили его у порога избы. Он был утомлен, но глаза его были веселы. Предваряя наши вопросы, генерал сказал:

— Пока ничего точного. Имейте терпение. Через полтора часа вы получите сводку.

И вот ровно через полтора часа на заснеженном огороде мягко плюхнулся знакомый связной самолет «У-2». Капитан Арапов, выскочив из кабины, побежал к избе генерала, на ходу согревая дыханием озябшие ладони.

— Спешу, спешу! — крикнул он корреспондентам. — Все в порядке. Калуга наша. Взяли в одиннадцать...

Через минуту несколько автомобилей помчались к городу. Знакомый фронтовой пейзаж: разбитые избы деревень, искалеченные, брошенные машины. Вот деревня, — вернее, то, что осталось от деревни, — на бугре, над Окой. Отсюда когда-то открывался прелестный вид на Калугу, город с двухсоттысячным населением. Водители тормозят. Впереди угрюмый и зловещий пейзаж: знакомый город окутан сплошной черной тучей дыма, центр города горит...

Мы переезжаем через Оку по льду: мост взорван немцами. Въезжаем в город. Фронтового корреспондента трудно удивить картиной немецкого отступления, — ведь мы уже много видели в подмосковных городах. Но здесь все-таки происходило совершенно исключительное по своей стремительности бегство. Буквально на каждом шагу груды патронных ящиков и патронов, повсюду разбросаны снаряды.

На улицахлюдно. Почти у каждого домика развеваются красные флаги — немцы ушли каких-нибудь два-три часа тому назад, а люди уже достали из тайников тщательно припрятанные от фашистов стяги и вывесили их.

Слышим плач. Над телом убитой женщины склонилась молодая девушка. Что здесь произошло? Девушка, рыдая, рассказывает. Уходя, фашисты бросились грабить мирное население. У матери отнимали последнюю курицу. Она попросила ее оставить. Фашист ее за это убил. Вот неподалеку лежит и эта злосчастная курица, а чуть подальше — убийца, настигнутый пулей советского снайпера.

На углу, у обгорелого дома, еще более страшная картина: груды полуобгоревших трупов красноармейцев. Их сожгли вместе с домом.

Жители Калуги, переживавшие в течение двух с по-

ловинной месяцев страшный гнет немецких извергов, встречают каждого человека с красноармейской звездой на шапке, как родного брата. С чувством огромной боли и ненависти они рассказывают нам обо всем пережитом, рыдания смешиваются с радостными возгласами: ведь теперь все эти ужасы кончились.

Площадь Ленина... И здесь, как и во всех других городах, немцы устроили кладбище для своих солдат и офицеров. Только одна новая подробность: нехватило места для индивидуальных могил, и немцы были вынуждены закапывать десятки трупов в каждой яме. Одна из могил, наполненная мерзлыми трупами, так и осталась незасыпанной. А чуть поодаль стоит рождественская елка, устроенная гитлеровскими пропагандистами для своих солдат. Что и говорить, невеселый был праздник у немецких солдат на этом погосте.

Неподалеку от кладбища здание, в котором до сегодняшнего дня помещалась редакция поганенькой фашистской газеты «Новый путь». За два с половиной месяца эта редакция сумела выпустить всего четыре номера, да и те распространить не удалось. Сейчас красноармейцы с веселым смехом наваливают на костры тучи продажной газетки.

Просматриваем один из номеров. Трудно представить себе что-либо более скудоумное и дикое. Лживые сводки Геббельса чередуются с рекламами торгового дома некоего Дринкера, занявшегося скупкой мехов, и немецкого кинотеатра, демонстрирующего военную хронику и «художественный» фильм «Крамбамбули». Сама редакция, такая же голодная и нищая, как и немецкое воинство, объявляет, что ей срочно требуются портфели, письменные приборы, настольные лампы, вечные ручки, энциклопедический словарь и... журналы за дореволюционные годы, а также переводчики. Видимо, господа журналисты «истинно русской» газеты не в ладах с русским языком.

Эта газета собиралась выпускать новогодний номер, о чем было широковещательное объявление. Номер этот не вышел и не выйдет, так сказать, по независящим от редакции обстоятельствам.

Вот почта. Ее здание в огне. Красноармейцы спасают

ценную аппаратуру, тушат огонь. Чуть дальше здание городской «управы». Возле него большая толпа. Спешим туда. Слышны гневные возгласы. Кто-то рыдает. Проходим во двор. Широко распахнуты двери сарая. Возле дверей на снегу лежат семь немыслимо изуродованных человеческих трупов. Снег окрашен кровью.

Рядом валяются паспорта, их страницы лихо перевернуты синими чернилами. Читаем: Тулякова Татьяна Александровна. Одна из женщин в толпе говорит:

— Да ведь это же председатель нашего колхоза...

Люди обнажают головы перед невинными жертвами кровавых палачей.

Мы едем к вокзалу. Здесь происходили особенно ожесточенные бои. Фашисты цеплялись за каждый дом, стараясь любой ценой оттянуть час взятия вокзала; там в страшной спешке и суматохе протекала эвакуация главных сил германских дивизий. Наши войска все же сломали сопротивление немцев и спутали все их планы.

Вот стоит огромная вереница легковых и грузовых автомобилей, которые так и не успели погрузиться в эшелоны. Тут же брошена мощная, 155-миллиметровая пушка. На путях вокзала было захвачено два эшелона танков и эшелон боеприпасов. Наши бойцы тут же спустили часть танков на землю и пошли на них в бой.

Рассказывают интересную подробность боев за вокзал: в разгар сражения один из бойцов Тульского рабочего батальона, рискуя жизнью, влез на крышу главного станционного здания и водрузил на нем красный стяг. Имя этого храбреца осталось неизвестным.

Немцы бежали с вокзала так стремительно, что не успели взорвать важнейшие станционные сооружения и железнодорожный виадук, — настолько деморализующе подействовало на них известие о том, что наши части отрезали им путь отхода.

Сейчас, когда пишутся эти строки, наши части продолжают с боями двигаться вперед. Жители Калуги встречают Новый год под красными знаменами.

Калуга, 30 декабря 1941 г.

По фашистам — огонь!

В блиндаже на соломе, покрывавшей земляной пол, сидели бойцы. Палатка была поднята над входом, и там, в небольшом квадрате, голубело прозрачное апрельское небо.

— Так и быть, ребята, — сказал Коньшаков, — хоть и слышали вы эту историю, но, если просите, могу рассказать ее снова. Хотя, по совести говоря, я с большей охотой не рассказывал бы об этом, а проделал все во второй раз. — Он помолчал и, улыбаясь, оглядел бойцов. — Подкинь поленце в печку, товарищ Максименко, и садись ближе. Так вот, случилось это, как вы знаете, в октябрьские дни. Рано, на рассвете, мы вышли в открытое поле и стали там около кустов. Было холодно, валил мокрый снег, и видимость была плохая. Впереди, на горизонте, чернела деревня. Оттуда и показались немецкие танки. Если говорить правду, мы поначалу немного суетились, четыре раза выстрелило орудие и — все мимо. Только после пятого выстрела стало спокойно. У головного танка была свернута снарядом башня. Танки повернули и двинулись в обход. Они нападали то справа, то слева, и мы все время поворачивались к ним навстречу. Они уходили и появлялись снова. Несколько подбитых машин уже лежало вокруг моего орудия на разных дистанциях. Укрывшись за перевалом, фашисты повели прицельный обстрел. Смеркалось, когда я решил отвести орудие. Снарядов больше не было, и на ногах стоял из всего расчета я один.

Коньшаков задумчиво посмотрел вверх, на голубеющий квадрат неба.

— Орудие и раненых я вывез на лошадях. Потом пошел докладывать о случившемся. Командир начал расспрашивать меня, а я ничего не слышу. Только тут понятно мне стало, что я оглох. Контузило меня, оказывается... На другой день я со своим орудием направился в город С. Город горел, и черный дым низко стелился по улицам. Мы пробились сквозь огонь к центру. Сюда, навстречу нашему орудью, катились, сотрясаясь на камнях, фашистские танки. Мы быстро свернули за угол. «С передков! К бою!» — крикнул я...

— К бою! — донесся в блиндаж громкий голос команды.

Коньшаков вскочил и, на ходу надевая шапку, выбежал из блиндажа. За ним побежали бойцы.

Через минуту орудие стреляло. Бледножелтое пламя рвалось из дула. С шелестом и свистом прорезал воздух невидимый снаряд.

Коньшаков делал отметки в книжке. Потом взмахивал карандашом и коротко бросал:

— Огонь!

Его широкое, смуглое, обветренное лицо было сосредоточено и спокойно.

Слаженно и быстро работали около орудия люди. Их движения были точны. И все вместе они казались одним большим работающим существом.

К вечеру бойцы опять собрались в блиндаже. Небо уже потемнело и стало лиловым. Жарко горела железная печка.

— Ничего не поделаешь, — сказал Коньшаков, — если начал рассказывать, надо кончать. На чем я остановился, ребята? Так вот, завернули мы в переулок. Я подкатил орудие на тротуар к самой стене. Из-за угла на большой скорости выскочил танк. «Огонь! — закричал я. — Огонь по фашистам!» Мы выстрелили. Танк сразу задымил и свернул в сторону. За первым показался второй. Мы выстрелили снова. Густой дым пополз по переулку. Из горящего дома напротив летели искры. Они осыпали нас желтым дождем. Танк за танком выкатывался на площадь, и мы стреляли непрерывно. Машины горели, громоздились одна на другую. Лопались гусеницы, и куски взорванного металла пролетали над головой. Танки изменили направление и, обойдя по кругу площадь, поворачивали теперь на орудие, чтобы раздавить его. Мы стреляли в упор, и машины останавливались или ползли назад. Я не знаю, как долго это продолжалось. Может быть, полчаса, а может, и полтора... Мы были, как черти, в поту и в черной копоти. Мы ничего не видели, кроме вражьих танков, которые надо уничтожать. Мы позабыли все, кроме лютой ненависти. Если бы мы трусили и побежали от танков, они раздавили бы нас.

Коньшаков замолчал, свернул папиросу, закурил.

Трупы зверски замученных красноармейцев, обнаруженные частями гвардии командира т. Кугрышева

Колхозница с. Мстихино после изгнания немцев нашими бойцами возвратилась к своему разрушенному фашистами дому

— Немало машин мы подбили в городе, — сказал он. — Но вот вражеский снаряд попал в мою пушку и разбил... Только тогда мы ушли... погоди, товарищ Бурлаков, не опускай еще палатки. На дворе весна. Эх, друзья, до чего же она хороша у нас на Алтае!

В блиндаж спустился связной. Он принес результаты сегодняшней боевой стрельбы. Коньшаков развернул бумагу и прочел вслух: «...Уничтожено 10 домов с фашистами, взорван склад боеприпасов, истреблено отделение пехоты противника...»

— Ну, что же, — сказал Коньшаков, — сегодня мы постреляли неплохо.

17 апреля 1942 г.

Из газеты
«Боевое знамя»

Сержант Лукин

Коле Лукину было 16 лет, когда добровольцем он пошел в Красную Армию. Прошло немного лет, и юный рабочий паренек превратился в превосходного бойца. И сейчас что-то мальчишеское есть в облике этого круглолицего, вихрастого двадцатилетнего сержанта из части комиссара Пономарева. Но это настоящий воин, прекрасно владеющий оружием, спокойный под огнем, находчивый и смелый.

Шли бои возле деревни В. Сержант Лукин с тремя бойцами был послан в разведку. В случае появления противника на большаке в районе С. он должен был закрыть дорогу и протереться до прихода батальона.

Лукин и его бойцы скрытно, лесом, подошли к большаку и залегли в кустах. Вскоре на дороге показалось двое саней. Лукин подпустил их шагов на двадцать и двумя выстрелами уложил двоих немецких ездовых. Их отнесли в сторону, а лошадей и сани Лукин приказал замаскировать в кустах.

Все, что происходило в дальнейшем, повторяло до известной степени это первое событие, с той разницей, что двое саней заменила сначала легковая немецкая машина, потом трое фашистских солдат и, наконец, три

грузовика с пехотой. Лукин хладнокровно подпускал на близкое расстояние эти разнообразные мишени, он даже отметил для себя кустик, с которым они должны были поровняться, и уничтожал их.

Трое солдат шли гуськом, в затылок друг другу, и Лукин одной пулей поразил сразу двоих, третий кинул винтовку и побежал к Лукину с криком: «Русс, сдаюсь, сдаюсь!» Это русское слово немец произносил почти правильно. Сержант положил пленного рядом с собой в снег и приказал не шевелиться.

Грузовики с пехотой были обстреляны одновременно, по команде. Две первые машины остановились, третья пошла назад и завалилась в канаву. Немцы бежали, ползли или оставались на снегу неподвижными уже навсегда. Их было в трех машинах около 60 человек. Лукин и его товарищи стреляли непрерывно.

Все же через несколько минут, укрывшись за машинами, фашисты начали отстреливаться. Пули били по кустам, где залег Лукин. Пленный немец пытался было отползти куда-нибудь подальше от обстрела.

— Лежи, лежи, — сказал ему Лукин и выразительно похлопал по винтовке, — тебя это не касается.

Немец, кажется, думал иначе, со вздохом он опустился на прежнее место.

— Товарищ командир, патроны на исходе, — донесся к Лукину крик с противоположной стороны большака. Оттуда вели обстрел два его бойца.

Лукин ничем не мог им помочь. В магазине его винтовки оставалось всего два патрона. На всякий случай он крикнул:

— Не тушуйтесь, ребята!.. Слушай мою команду...

Поразмыслив, сержант принял решение, совершенно безнадежное на первый взгляд.

— Ур-ра! — закричал вдруг Лукин во всю силу молодого голоса. — Вперед, товарищи! За мной!

Он выскочил из-за куста с винтовкой наперевес; за ним с криком «ура!» устремились его бойцы. И случилось то, на что, собственно, только и мог рассчитывать сержант. Немцы побежали. Они не оправились еще, по-видимому, от первой паники. Бойцы, подобрав в снегу брошенные автоматы, открыли по убегавшим огонь.

В канаве у дороги Лукин увидел застрявших шесте-

рых солдат. Пятеро поднимали руки, сдавались, а шестой целился в сержанта. Ог волнения винтовка у него в руках ходила ходуном. Лукин быстро выстрелил, немец охнул, выронил оружие и схватился за раненую руку. Скоро подошел весь батальон, и сержант отрапортовал командиру:

— Задание выполнено, движение противника по большаку прекращено. Взято семь пленных. Количество убитых подсчитывается.

Лукин старался держаться перед командиром солидно и сдержанно, как подобает суровому воину. Но голос сержанта звучал предательски звонко, и непокорные вихры торчали даже из-под ушанки. Впрочем, это несколько не умаляло его воинской зрелости, как могли бы согласно подтвердить семеро пленных немцев.

Январь 1942 г.

Старший сержант
В. ЗЫРЯНОВ

Две героини

Тихая, лунная ночь. Мы бесшумно продвигались к лесной опушке, за которой находился противник. Впереди мелькнула человеческая тень. Кто это?

— Лавров, выясни, — приказываю я. Лавров нажал на лыжи, а через несколько минут раздался отрывистый свист. Это он звал нас.

— Вот, задержал гражданку!

Задержанную доставили в штаб. Она оказалась жительницей того села, где был противник, колхозницей Верой Яковлевной Коваленковой.

— Пробиралась к вам. Там у меня раненый есть, командир. Спасать его надо. Рана-то гноится, — врача нужно.

Из ее рассказов мы узнали следующее. В бою был тяжело ранен младший лейтенант Илья Горелов. Немцам удалось захватить его в плен. Когда раненого, потерявшего сознание командира привезли в деревню, появились советские бомбардировщики. Немцы разбежались. Вера Яковлевна услышала стон. Выбежала на улицу.

— У меня-то ведь тоже два сына в армии. Нет, думаю, спасу. Пусть что будет.

Одиннадцать дней она ухаживала за командиром, прятала в погребе, кормила, перевязывала раны. Но вот больной стал бредить, раны загноились. И женщина решила бежать к своим.

Волнующий рассказ не оставлял сомнений в правдивости его. К командиру подошла медсестра Вера Дробник.

— Разрешите мне оказать помощь раненому.

Мы все были удивлены. Всегда робкая Вера вдруг просится пойти в стан врага. И она настояла на своем. Командир разрешил.

Они ушли — Вера Яковлевна Коваленкова и Вера Дробник. Мы долго смотрели им вслед.

Через три дня наша часть получила приказ занять деревню П. Это известие обрадовало всех бойцов. Каждый хотел быть участником освобождения раненого лейтенанта Горелова и медсестры. Бой был не из легких. Немцы сильно сопротивлялись, но к исходу дня они оставили деревню. Вместе с жителями освобожденной деревни бойцов радостно приветствовали две наши героини. Они вышли нам навстречу, ведя под руки младшего лейтенанта Горелова.

15 февраля 1942 г.

Политрук
В. СЛАНЩЕВ

Мать героя

В грозные дни, когда враг занял этот район, гестаповцы по-волчьи стали рыскать по деревням, искать коммунистов, комсомольцев, депутатов советов. Из родных мест надо было уходить.

Павел Чекалин, отец будущего героя Саши, с партизанским отрядом отправился в лес. Собрался партизанить и старший сын Чекалина, шестнадцатилетний Александр.

Мать, Надежда Самуиловна, знала: не на гулянку идет ее любимец, нелегка жизнь партизан, и когда в походный мешок были уложены белье и хлеб, она обняла сына, крепко прижала его к груди и сказала:

— Хорошенько воюй, сынок, жизнь свою береги, но и

врагу пощады не давай. Ты самый младший в отряде и слушайся старших, учись у них.

Долго еще жила в родных местах Надежда Самуиловна. Скрываясь от преследования, она переходила из деревни в деревню, жадно ловила слухи о смелых налетах партизанского отряда, где сражался ее сын. Однажды Надежду Самуиловну схватили и привели в штаб. С большим трудом ей удалось освободиться от фашистского плена, уйти от смерти. Мать проникла через вражеские заслоны и пришла в Тулу. Ей предложили отправиться в тыл, отдохнуть, набраться сил. Чекалина наотрез отказалась. Она пришла в санитарный батальон нашей части и попросила принять ее добровольцем-санитаркой. Она радовалась и благодарила, когда ее просьбу удовлетворили.

Однажды в часть пришла весть о героической смерти ее сына. Мать выслушала спокойно. Она только плотнее сжала губы, смахнула набежавшую слезу и, не проронив ни слова, ушла в палату.

В этот же день она прочла и указ о присвоении посмертно Александру Чекалину звания Героя Советского Союза.

Вечером Надежда Самуиловна написала письмо Иосифу Виссарионовичу Сталину.

«Велико мое материнское горе, — писала она. — Не выплакать его, не забыть. Но в дни скорби меня утешают светлые мысли, что сын мой беззаветно служил родине. Народ и большевистская партия обессмертили его имя... Я клянусь Вам, дорогой Иосиф Виссарионович, что все свои силы отдам на борьбу с ненавистными гитлеровцами и до конца своей жизни буду мстить кровавым бандитам. Я обещаю Вам, товарищ Сталин, моего второго сына Витю воспитать таким же пламенным патриотом, бесстрашным и волевым, каким был Саша».

Обещание, данное товарищу Сталину, мать неуклонно выполняет. Четырнадцатилетний Витя вместе с матерью ухаживает за ранеными, помогает врачам и сестрам, выполняет их поручения. Он уже научился владеть стрелковым оружием и на последних стрельбах метко ввинчивал пули в центр мишени.

Чекалины жестоко мстят врагу за смерть Сашки. Бандитов бьют отец, мать и четыре брата Павла Чекалина,

Даже старый дед с бабкой и те помогают партизанам, вложили свои силы в дело истребления фашистов. Скоро и брат героя, юный Виктор, пойдет с винтовкой дорогой мести. Мать выйдет на крыльцо и так же, как Сашу, обнимет последнего сына в молчаливом прощании. Она благословит его на победу, на подвиг ратный, на правый бой.

Честь и слава советской матери Надежде Самуиловне Чекалиной, воспитавшей сына-богатыря!

Честь и слава бойцу Чекалиной, самоотверженно несущей вахту на боевом посту!

Мы горды ее мужеством, мы сильны ее непреклонным духом, мы смело идем в бой, благословленные ее рукой.

21 февраля 1942 г.

Батальонный комиссар

В. ГАРЛИЦКИЙ

Сталинский комиссар

Январский ветер завьюжил дороги, засыпал снегом остовы сгоревших домов. Куда ни глянь, везде взмывают вверх ракеты — белые, красные, синие, зеленые. Это немцы освещают свой передний край. Они забились в крестьянские избы, окутали окраины деревень проволокой, настроили блиндажей и ДЗОТов. Они боятся ночи, суровой русской ночи, боятся внезапного удара. Не жалея трудов своих пиротехников, немцы непрерывно пускают в темное звездное небо огненные шары.

В одном из сел расположился штаб дивизии. Недавно отсюда выбили немцев.

Изба. Большая комната. В углу телефонист, время от времени повторяющий:

— Груша слушает... Груша слушает...

За столом сидят несколько человек. Недавно здесь былолюдно. Член Военного совета бригадный комиссар Сорокин вручал ордена и медали. Один за другим подходили к нему бойцы, командиры и политработники. Получив высокую награду, они выехали в свои подразделения, чтобы с новой силой, с новой энергией разить врага.

Партбилет батальонного комиссара Михаила Степановича Чадина

Сейчас в комнате остались комиссар дивизии Тимошенко и начальник политотдела Фокин. Они вместе начали свой боевой путь. Здесь же их соратники, комиссары двух полков — старший политрук Яковлев и батальонный комиссар Гуров. И тот и другой только что получили высокие награды. Гурову был вручен орден Красного Знамени, Яковлеву — Красной Звезды.

При свете керосиновой лампы в теплой избе — какой-то почти домашний уют. Только изредка телефонист повторяет еще и еще раз:

— Груша слушает...

Вспомнились боевые дела, первые сражения, первые победы, люди, добывавшие эти победы.

— Дивизия эта — одна из тех, которые гнали немцев из-под Москвы. Много населенных пунктов освободила она, много перебила фашистских мерзавцев. И было что вспомнить сегодня этой четверке политических работников, сегодня, в незабываемый день, когда лучшие из лучших получили правительственные награды.

Беседа вдруг прервалась. Как бы одновременно все вспомнили что-то. Каждый задумался. А редактор газеты Скоблин неторопливо вынул платок и стал протирать очки.

— Да, товарищи, — низким басом произнес комиссар дивизии Тимошенко. — Из трех комиссаров осталось теперь два. Нет с нами Михаила Степановича, — он внимательно посмотрел на Гурова и Яковлева.

Сказал, и сразу стало все понятно: и почему прервалась беседа, и о чем все разом задумались, и почему Скоблин так старательно тер свои очки.

Михаил Степанович Чадин был комиссаром полка, и несколько дней тому назад все они — Тимошенко, Фокин, Гуров, Яковлев, Скоблин — хоронили его. Последний салют прозвучал тогда в вечернем воздухе как торжественная клятва: отомстить за смерть товарища, друга, большевика.

Каждый из них знал Чадина. Он был всеобщим любимцем. Любили его за характер, за сильную волю, за человечность.

— Прямой был он, — вспоминает Тимошенко, — даже иногда чересчур. На грубость смахивало, кое-кто даже жаловался.

— Да и своеволен здорово, — произнес кто-то.

— Но настоящий, истинно настоящий человек, истинно настоящий комиссар, — заключил Тимошенко.

Завязалась задушевная беседа... Гулко ухали где-то недалеко орудия, слышался характерный треск лопающихся мин да изредка из угла один и тот же голос твердил:

— Груша слушает...

* * *

Полк наступал. Он брал один населенный пункт за другим, уничтожал, изматывал силы противника. Душой его победного пути был Чадин.

— С нашим комиссаром, с нашим Чадиным — хоть в огонь, хоть в воду, — говорили о нем бойцы.

И действительно. Уличный бой в Сенева в подлинном смысле слова можно было назвать огнем. Враг яростно сопротивлялся. Исход решали минуты, секунды. Требовалось принять последнее решение. Это решение принял

комиссар. Он поставил совершенно четкие задачи перед каждой ротой и, встав во главе одной из них, обрушился на врага, смял его, заставил бежать.

Дорого заплатили гитлеровцы за попытку сдержать натиск полка. 200 фашистских трупов осталось в Сеневе и на подступах к нему, взяты были пленные, разгромлен штаб 432-го немецкого полка. 4 орудия, 19 автомашин, 3 миномета, десятки повозок с боеприпасами и много другого вооружения бросили немцы, удирая из Сенева.

Когда наши части громили группу пресловутого Гудериана, очень сложная обстановка создалась под деревней Бараново. Противник сильно укрепился. Он имел 10 танков, защищавших подходы к селу, вырыл окопы, поставил до 10 пулеметных точек, расположил 2 минометных батареи, имел много автоматчиков. Около 400 злых гитлеровцев засело в деревне. После того, как две наши атаки были отбиты, комиссар сыграл решающую роль в третьей.

Он взял винтовку наперевес, встал впереди одного из подразделений и первым ворвался в Бараново. Бой закончился победой нашего полка. Всего часть комиссара Чадина заняла более 70 населенных пунктов.

Замечательная черта комиссара — умение подбодрить бойца.

Под Ждановкой полк попал в тяжелое положение, — противник предпринял сильную контратаку.

Чадин находился вместе с бойцами. Он полз рядом с ними на животе. Его видели, в него верили. Комиссар, как и всегда, даже находясь в наступающих цепях, даже пробираясь вперед на животе, был спокоен. Нет. Он был не только спокоен. Он шутил, умело и во-время приводил пословицы или поговорки. Победа досталась храбрым советским воинам.

Повседневно работая с людьми, зная способности каждого, хорошие стороны и недостатки их, сталинский комиссар Чадин учил. Учил настойчиво, вдумчиво, постоянно. Учил коммунистов части, как надо работать. Недаром красноармеец Хлопков, выдвинутый впоследствии в политруки, сказал:

— Я свою жизнь отдам за комиссара Чадина. Он всегда учил меня, воспитывал.

Так жил, действовал, дрался с врагом комиссар. Он

пал в январский морозный день в бою за село Плоское. Бой шел успешно. Но осколок вражеской мины прервал жизнь замечательного большевика, любимого комиссара.

* * *

Начальник политотдела Фокин подписывает партийные документы. На столе, рядом с большой пачкой новых партийных билетов, лежит несколько старых. Они принадлежали коммунистам, которые погибли в боях за родину. Берем один. № 1938491. Фамилия Чадин. Имя и отчество — Михаил Степанович, год рождения 1902. Слева внизу фотокарточка. Печать райкома пробита осколком мины, на билете следы крови. Он лежал в левом кармане гимнастерки сталинского комиссара, жизнь и смерть которого — пример для каждого из нас.

30 января 1942 г.

Батальонный комиссар
С. АНДЕЛЬМАН

Конник Нуриман Нурулин

У него жесткое обветренное лицо и большие карие глаза, выдавшие виды. С первых дней отечественной войны младший лейтенант Нуриман Нурулин — в боях. Дорога, которую прошел его конный взвод, завалена трупами немецких солдат и офицеров. Как смертоносный вихрь, проносились красные конники по рядам врагов: они появлялись с фланга, с тыла.

Под деревней Ржавой немцы сильно укрепились и создали плотную огневую завесу. Командир эскадрона решил обойти деревню. Разведать пути обхода поручили бесстрашному Нурулину.

Младший лейтенант вместе с одним бойцом сели на лошадей и поехали выполнять боевое задание. Пока бой нарастал на северной окраине деревни, они незаметно обогнули ее и подъехали с южной стороны.

— Нас увидели колхозники и, радостные, бросились нам навстречу, — рассказывает Нурулин. — От них мы узнали расположение немцев, их численность и огневые средства. В деревне находилось триста пятьдесят пленных красноармейцев

Разведчики спешили и, подойдя, залегли у глубокого рва, наполовину покрытого снегом. Оттуда они увидели 8 немецких автоматчиков. Разместившись на подушках и одеялах, они вели огонь по нашим.

Разведчики бесшумно подползли к немецким автоматчикам и открыли по ним огонь из своих автоматов. Нападение это было столь дерзким и неожиданным для фашистов, что те в страхе побросали оружие и подняли вверх руки. От пленных Нурулин узнал, что немецкие войска покидают деревню.

Оставив бойца с пленными и забрав их оружие, Нурулин стрелой помчался обратно. Лишь одна мысль тревожила его мозг: «Не дать уйти шакалам».

Командир, выслушав Нурулина, немедленно принял решение.

Больше часа мчался эскадрон красных конников. Впереди шел взвод Нурулина. Вот он уже пересек шоссе. Успели во-время.

Вдали показалась отходящая из деревни вражеская колонна. Конники, спешившись, обрушили на врага шквал смертоносного огня. Среди немцев началась паника. Они бежали в разные стороны, зарываясь в снег, бросая награбленное добро.

— Славная была драка, — вспоминает Нурулин. — В этом бою 70 фашистов поплатились своей вшивой шкурой. Наши товарищи — пленные красноармейцы — были спасены. В наши руки попали 35 автомашин и большой обоз с разным добром.

Младший лейтенант Нурулин награжден орденом Боевого Красного Знамени.

21 января 1942 г.

Заполитрука В. ГАНЗУЛЯ

З н а м я

Штыки качая на весу,
В атаку шли полки.
Стояли конники в лесу,
Хватаясь за клинки.
Катились в степь орудий вой
И гул стрельбы в упор.

Мотали кони головой,
Совсем не чуя шпор.
Как честь, мы знамени в бою
Врагу не отдадим.
И знаменосец наш в строю,
Здоров и невредим.
Оно горит над головой
В пожарище знамен.
Команды: «В бой!»
Заждался эскадрон.
И вдруг команда: «На врага!»
И вот со всех сторон,
Взметая пыльные снега,
Ударил эскадрон.
И враг бежал, и только тут
Закрыли пушки пасть.
Качнулось знамя на лету,
Готовое упасть.
В других руках, как много лент,
Заколыхалось вновь!
...От знаменосца на седле
Осталась только кровь...
Водило знамя в бой меня
Под частый визг свинца.
• Оно подхвачено с коня
Упавшего бойца.
Его другой боец несет,
И гул растет кругом.
Нас это знамя поведет
В последний бой с врагом.

10 июня 1942 г.

Гвардейцы

Лейтенанта ранило в живот осколком снаряда. Он лежал на спине, резко поджав под себя ноги, весь заострившийся, похудевший за день, и смотрел горящими глазами на беспокоившихся возле него санитаров. С виду ему можно было дать лет двадцать. Только большие провалившиеся глаза его выглядели старше: они пережили больше, чем прожили.

У дома, где расположился пункт медицинской помощи, лейтенанта ожидали сани. Его немедленно нужно было доставить в санбат и дальше — в госпиталь, чтобы оперировать. Раненого торопили. И он в свою очередь торопил санитаров.

— Отправляйте других, — лихорадочно шептали его раскаленные, тревожные губы, — я пока здесь побуду.

Он думал о живых, о тех, кто может остаться в живых. Они нуждались в помощи, к ним следовало спешить.

Он умел славно жить и умереть сумеет славно. Это не каждому дается. Вечная слава тому, у кого мужественное, умное сердце, кому оно служит опорой в трудные часы испытаний!

...А рядом лежал другой — огромного роста детина — и с увлечением рассказывал о сегодняшнем бое: он гремел еще за окнами этого дома. Человек жестикулировал, волновался.

— Если не боишься его, паразита, можно с ним что угодно в такой мороз сделать. Он ведь здорово дрейфит и бежать умеет.

Человек шутил, тосковал по товарищам из отделения, которым он командовал. Ему пришлось оставить их надолго. Он лежал пластом: у него была раздроблена большая берцовая кость и отморожены ноги, руки.

— Как мышь проела... — сказал он о пуле.

Истинный богатырь. Таким восхищаешься и гордишься. Благословенна земля, по которой он ходил!

Фамилия его — Охременко, имя, отчество — Иван Тимофеевич.

Круглые сутки пробыл он на снегу: вел свое отделение в атаку. Четырех немцев сам убил. Когда он нахо-

дился в тридцати метрах от вражеского блиндажа, в него угодила пуля.

Немцы обходили с флангов. Грозил опасность попасть в плен. Тогда Охременко приказал бойцам двигаться вперед. Он решил сам, без чьей-либо помощи, добраться к санитарам. Два километра полз — с самого утра до самого вечера. Немцы охотились за ним всю дорогу: они били по следу.

Портянки, валенки примерзли к ногам; их резали и отдирали. Санитары приготовились было утешать раненого. А он интересовался, хорошо ли дерутся его хлопцы, и беспокоился о трофейном немецком автомате: не удалось его прихватить.

— Жаль, жаль, — сокрушался он. И успокаивал себя: — Ничего, политрук заберет, тот не забудет.

Этот человек был огнеупорен и огнестоек. Все, что жило в нем, сопротивлялось и звало к сопротивлению. Страдания как бы селились вне его тела. Он не думал о них.

— Скажите, какое сегодня число? Четырнадцатое. Значит, завтра, завтра мне исполнится тридцать пять лет. Отпраздновать бы надо. Выбить его из деревушки в честь моего рождения да вспрыснуть малость.

Глядя на него и слушая его, мы вспоминали «Севастопольские рассказы» Толстого. На память приходил старый артиллерист — герой севастопольской обороны, которому ядром оторвало ногу.

«— Неужели больно не было в эту первую минуту? — робко спрашивал его Толстой.

— Ничего; только, как горячим чем меня пхнули в ногу.

— Ну, а потом?

— И потом ничего, только, как кожу натягивать стали, так саднило как будто. Оно первое дело, ваше благородие, не думать много: как не думаешь, оно тебе и ничего. Все больше от того, что думает человек».

Спустя столетие мы встретились с правнуками этого бессмертного русского артиллериста. Они — его семья. Они же — его продолжение, его развитие. Как похожи они на него! И как превзошли его!

Они нашли мерило боевой доблести.

— Мы своими делами заслужили того, что товарищ Сталин присвоил нам звание гвардейцев. Будем бить

врага так, чтобы товарищ Сталин сказал: «Отлично, гвардейцы!»

Об этом думают красноармейцы, командиры, политработники; у них общее желание и стремление общее. Они хотят измерять суровую походную жизнь свою высшими нормами и оценивать каждый ее шаг высшими оценками. И они правы! Кто довольствуется малым, тот сам, должно быть, мал. Если победа — то она должна быть большой, значимой. Если смерть — то со славой; ничего не может быть обиднее на войне бесславной смерти. Мы призваны совершить многое и требовать от себя мы в праве многого. Это нам по плечу, друзья.

Будем бить врага так, чтобы товарищ Сталин сказал: «Отлично, гвардейцы!» Ради этого стоит жить; Сталин увидит, и он скажет то, чего ты так ждешь, чего ты так хочешь. Как бы ты ни был еще безвестен — ты герой, ты несешь его светлый образ в своем сердце, с его победным именем ты идешь в бой.

Герой! Среди них мы назовем тебя, бесстрашный заместитель политрука гвардеец Пантелей Кожа.

Трое суток продолжался яростный бой. Наши двинулись в атаку. Отражая ее, немцы создали огневую завесу; ими простреливался каждый метр земли. Против взвода, где находился Кожа, выдвинули к тому же фашистский танк. Командира взвода убили. Атака могла захлебнуться. Нужно было воодушевить людей, поднять их и стремительным броском прорваться сквозь вражескую стену. Заместитель политрука выполнил свой долг.

— Товарищи, вперед! Мы же русские люди!

Как богатырь, поднялся он над мерзлой, пустынной степью. За ним — его люди. Они отсеки танк от вражеской пехоты и в немецких блиндажах решили успех боя.

Мы назовем и тебя, лихой разведчик-гвардеец Дмитрий Кривошеев. Он нарвался на засаду немецких броневиков. Под ним пала лошадь. Его окружили со всех сторон.

— Русс, сдавайся! — торжествующе кричали враги.

Офицер и четыре солдата приблизились к Кривошееву. Только радовались они преждевременно. Обреченный уже, казалось бы, человек метнул в них гранату; он метнул в них пять смертей.

Мы назовем и тебя, мужественный политрук-гвардеец Михаил Сапожников.

Несколько месяцев назад он был еще рядовым красноармейцем-артиллеристом. Но и тогда его знали как примерного бойца. Потом подучился, выдвинули. Сейчас Сапожников знатный человек в полку.

— Он всегда и во всем впереди, — сказал о нем любовно комиссар. — Ему кажется, что все остальные — несколько вялые люди. И рана — ему не рана, и смерть — ему не смерть. Смелый, решительный, просто отчаянный парень.

В одном из боев ранило командира их роты. Сапожников заменил его. Две недели они безостановочно атаковали врага. Отступая, противник бросил свою технику, обозы, убитых и раненых. По дороге попала немецкая пушка. А рота стрелковая — артиллеристов в ней нет. Политрук приказал повернуть трофейную пушку и начал сам громить из нее бегущих немцев. Бил он метко. В другом бою Сапожникову порохом засорило глаза. Его уговаривали немедленно отправиться в санбат. Он остался со своей ротой до конца боя.

— Если я попаду в санбат, то вряд ли скоро возвращусь. Моя рота лечит не хуже, — шутил он.

В роте он и выздоровел. Энтузиаст!

Многие заместители политруков будут стараться походить на тебя, Кожа; разведчики — на тебя, Кривошеев, а политруки — на тебя, Сапожников. Каждый из вас приближает час нашей победы.

Мы знаем, победа не приходит сама собой; ее завоевывают, ее тащат на аркане, ее приносят на острие штыка. Узкая, тернистая военная дорога ведет к ней. Руку, товарищ!

Сердце
      республика
                          с армией слила,
нету
      на свете
                          тверже сплава.
Красная Армия —
                          наша сила.
Нашей
      Красной Армии
                          слава!

Слава тебе, товарищ!

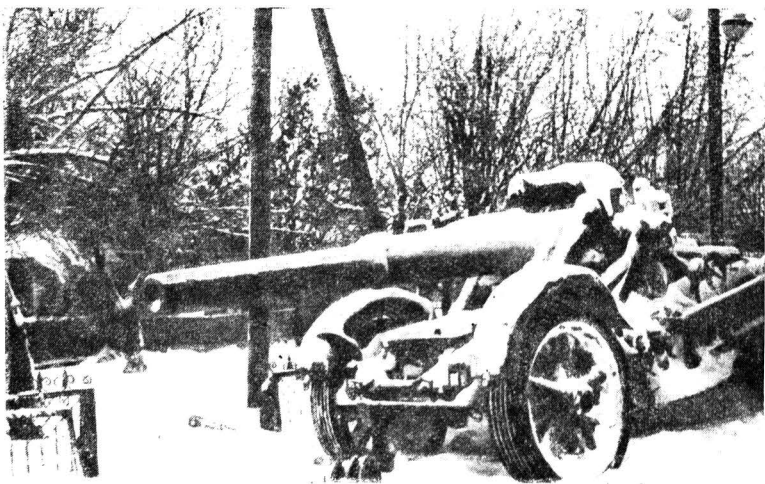

Допрос пленного гитлеровца
Зарисовка с натуры

Матерый фриц с трофеями — детским зонтиком и гитарой, заколотый нашим бойцом

Орудие, брошенное немцами при бегстве из г. Калуги

...Даже печи

Вот приказ. Под ним подпись: Адольф Гитлер. Над ним дата: 3 января 1942 года.

Между датой и подписью несколько строк. Автор многогласен — сущность дела проста:

«Приказываю драться за каждый метр земли, не отдавая его противнику. Держаться за каждый выгодный рубеж, любой ценой удержать его. Оставить рубеж можно только по приказу ставки, причем, оставляя населенные пункты, сжигать все, не оставляя целыми даже печи.

В этом залог нашей победы.

Адольф Гитлер».

Так и написано: «не оставляя целыми даже печи».

Гитлер и простая русская печь стали врагами.

Когда началась война, мобилизовалась и русская печь. Настало жаркое время: дни и ночи шли наши войска. Круглые сутки потрескивал в печи огонь. По нескольку раз в день вынимала хозяйка на широкий шесток большие чугуны вареной картошки и пузатые крынки топленого молока.

Слышались хорошие слова: «Ешьте, сынки» — и ответное: «Спасибо, мамаша».

Прислонив к изголовью оружие, усталые бойцы опускались на ласковую солому, согретые теплом русской печи.

Потом пришли тяжелые дни испытаний. Возле печи застучали кованые немецкие сапоги. Немцы заглядывали под печь, — они искали русских солдат. Лазали в печь: куроцапы варили дневную добычу — цыплят и гусей.

Печь узнала врагов и стала мстить. Хитро и умно.

Она стала разведчиком.

Боец Мисанов пошел в разведку. Нужно было выяснить, есть ли в деревне немцы. И русская печь сигналил сметливому парню:

Дымок подымается к небу колечком.

Знать, жарко в деревне натоплены печки.

Знать, в избах ночуют незваные гости...

Немец страшится холода. Дым над избами днем и ночью — значит, немец в деревне!

Шло время. Дела немецкие шли все хуже и хуже. Фашистские вояки откатывались на запад. Одичалые и озверелые, уходя, они жгли города и деревни.

В зимнюю ночь какой-то фриц был послан в оставленную немцами деревню. Он должен был поджечь ее. У фрица от мороза отваливался нос, щипало подбородок, на ресницах липли ледышки, коченели ноги. Он решил погреться. В первой же избе топилась жарко печь. Она подманила фрица своим теплом. Тот забрался на нее и уснул. Его разбудили на рассвете наши разведчики. В то утро деревня стала советской, фриц стал пленным.

Село. Оно сгорело. Все вокруг — дым и уголь. Одиноко стоят полуобгоревшие деревья. Их живые ветви опалило огнем. Они и сейчас повисли, согнувшись, будто от боли.

Только печи на месте домов, только они одни упрямо высятся на пепелище. Их не тронул огонь. Они едва закопчены дымом. Они только чуть потемнели, как будто их затуманило горе.

Выстояла русская печь.

Вернулась скрывавшаяся в лесу хозяйка. Нет крыши, нет и стен. Одна только печь.

И снова весело горит огонь в печи и гонит в трубу синий дымок. Дым над печью — значит, в село вернулись русские люди.

* * *

Против русской печи, что обогревала русского бойца и мстила фашисту, против печи, что в разрушенном и сожженном селе высится символом стойкости, пишет Гитлер свой приказ.

Он не хочет оставить в наших селах камня на камне. Ибо камень да камень — это очаг.

А русские очаги воюют!

15 февраля 1942 г.

Метель

Ветер, дик и груб,
Гонит дым от труб;
Крутит, пригибает,
Рвет за клубом клуб.

Над трубою дымы —
Хата не пуста;
Страшны, нелюдимы
Гиблые места.

Улица села
Выжжена дотла,
Словно все живое
Вымела метла.

Ходит часовой
С мертвой головой;
Вьюга запекает
Нотой басовой.

Чудится ему —
В снеговом дыму
Призраки мелькают
Сквозь метель и тьму.

Пособи, зима!
Посуди сама,
Сон врага попутай,
Посведи с ума.

Чисты, не примяты
Свежие снега,
Стынут автоматы
В пальцах у врага.

Снега целина,
Вьюги пелена;
Рухнув, вновь взмывает
Воздуха стена.

У врагов в тылу,
Сквозь метель и мглу
Сводные отряды
Сходятся к селу.

Помоги, пурга,
Разгромить врага,
Чтобы подкосилась
Хищников нога.

Стужа их дерет,
Ужас их берет;
Ходят, автоматы
Выставив вперед.

Не мешай, метель,
Нам наметить цель,
Чтоб упал захватчик
В снежную постель.

Чтоб упал, уснул
Под метели гул,
Под прямой наводкой
Партизанских дул.

1 мая 1942 г.

Г. БЕРЕЗКО

Курица

В избе жили два существа: девятилетний Коля и курица. Курица жила под печью. Когда кто-либо входил в избу, она выглядывала оттуда, склонив голову набок, и круглым немигающим глазом рассматривала посетителя.

Красноармейцы пришли большой шумной группой. Навстречу им с печи слез худенький светловолосый мальчуган в изодранной ватной куртке.

— Здравствуй, приятель, — сказал один из красноар-

мейцев, большой человек, с лицом, потемневшим от ветра и морозов. — Переночевать можно? Где хозяин?

— Я хозяин, — ответил мальчик.

— Ого! — удивился красноармеец. — А где же мамка?

— Убили ее, — хмуро сказал Коля. И добавил: — Ночуйте, ребята, места у меня много.

Через час все сидели за столом. Дымился котелок с кипятком, и красноармейцы угощали «хозяина» чаем с сахаром.

— Так и живешь один? — спросил красноармеец.

— Так и живу, я да курица, — ответил Коля. И он рассказал красноармейцам, как это произошло.

Фашисты ворвались в деревню на рассвете. Они шли из дома в дом и забирали все, что попадется под руку. Вломились грабители и сюда. Они забрали теплую одежду, увели корову и свинью. Тощий маленький солдат в очках сильно толкнул мать Коли. Женщина упала, и солдат с привычной ловкостью стащил с ее ног валенки. Со стоном поднялась мать Коли, но ничего не сказала. Потом солдаты выпустили из-под печки кур. С шумом разлетелись птицы, и, грохоча сапогами, солдаты ловили их. Тут же они сворачивали курам головы. Так они перебили всех, за исключением одной. С пронзительным кудахтаньем уцелевшая курица выскальзывала из-под расставленных рук, взлетала на воздух, часто и бессильно хлопая крыльями. Солдатам надоело гоняться за ней, и они ушли. В избе остался один тощий солдат в очках. Он никак не хотел отказаться от этой неуловимой добычи. Он даже вспотел от беготни, но, наконец, завладел птицей. И тут мать Коли не выдержала. Она молчала все время, пока уносили ее добро, но больше не могла оставаться спокойной.

— Не дам, поганец, хоть убей, не дам, — закричала женщина. Она вцепилась в рукав зеленой шинели солдата и трясла его. Солдат рассмеялся. Он не сказал ни слова, но быстро вытащил из-за пояса револьвер, приставил к груди женщины и выстрелил. Мать Коли упала на пол, лицом вниз. Солдат повернулся и пошел. Он споткнулся о порог, и курица вылетела у него из-под локтя. Убийца выругался, но уже не вернулся за ней.

— Померла мамка сразу, — заключил Коля свой рассказ. — А как ушли фашисты, я схоронил ее.

Он перевернул вверх дном пустую кружку и сверху положил на нее, как полагается, кусочек сахара. Потом поднялся, аккуратно собрал со стола хлебные крошки и высыпал их возле печи. Курица, стуча клювом, подбирала хлеб, и мальчик смотрел на нее с нежностью. Эта обыкновенная рябая птица с незатейливым хохолком была ему, видимо, особенно дорога.

— Иди сюда, хозяин, — сказал красноармеец с темным лицом. Он взял Колю подмышки и посадил к себе на колено.

— Мы этого очкастого разыщем, — тихо и серьезно сказал красноармеец. — Под землей найдем, из самого глубокого блиндажа достанем. Мы с ним объяснимся. И за мамку твою и за всех. Не сомневайся, хозяин...

Пока красноармеец говорил, лицо Кольки светлело. Маленькая грязная рука, лежавшая на коленях у бойца, собралась в кулачок.

Когда, переночевав, красноармейцы уходили, Коля еще спал. Бойцы увязывали свои мешки, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить мальчика.

— Не пойму, ребята, — сказал красноармеец с обветренным лицом, — что-то с моим мешком ненормальное происходит.

И, порывшись в мешке, боец вытащил оттуда большой шевелящийся сверток. Он развернул его, и все увидели рябую курицу. Крылья и лапки у нее были связаны. Коля подарил бойцам самое дорогое и единственное, что он имел.

Февраль 1942 г.

СЕРГЕЙ ШВЕЦОВ

* * *

Здесь немецкий шел сапог:
За плетнем и у халупы,
По обочинам дорог, —
Всюду трупы, трупы, трупы.

За ночь выюга замела
След кровавый и зловещий,
Но в снегу видны тела
Стариков, детей и женщин.

Поднимая снежный прах,
Налетают ветры злые
И на мертвых головах
Треплют волосы живые.

Всюду уголь, кровь и дым,
Пепел, сердце леденящий.
Исковерканы сады,
Вздыблены лесные чащи.

Пляшет выюга на юру.
Ни души в глухом предместьи.
Лишь зывают жерла труб
К всенародной грозной мести!

30 марта 1942 г.

Старший батальонный комиссар
С. ТРЕГУБ

Палачи-чужеземцы

...Кладбище. Нет, это не кладбище. Там есть ощущение покоя, свой уют, строгая кладбищенская красота.

Свалка. Тревожная, жестокая, уродливая свалка. Обугленные бревна на грудах кирпича и жести. Столбы дымоходов, будто гробовые свечи. Пятна крови на почерневшем от пепла снегу. Мерзлая голова торчит из-под щебня. Мятающийся сиротливый кот-погорелец с еще дымящейся шерстью. Слащавый тошнотворный запах. Разве это кладбище?!

— Вот наш дом, — показывает девушка.

Круглые, голубые глаза ее впали. В лице ни кровинки.

— Здесь был фруктовый сад, — говорит она. — Я его очень любила. Мой дядя — мичуринец; он и разводил его. У нас был даже свой виноград. Видите пасеку, здесь находились пчелы. Вот колодезь. У нас очень вкусная вода. Тут стояла моя беседка — в ней так хорошо летом: кругом буйная зелень, внизу — Ока.

Девушка водит меня по захламленному и занесенному снегом двору; каждый клочок земли будит воспоминания детства, юности.

Дома нет, и нет сада, и нет пчел. Колодезь разрушен. Беседка развалена. Дядя-мичуринец убит; его расстреляли возле родных ему деревьев.

— За что?

Девушка печально пожимает плечами.

— Разве они говорили за что? Они никому ничего не говорили. Только три слова: «русс», «партизан», «капут». Они хотели застрелить моего отца-старика. Когда его избивали, младшая сестренка бросилась ему на шею и закрыла собой. Это и спасло его. Дядя стоял напротив. Немец выстрелил в него. Ему все равно было, кого убить... Сестренка выросла у дяди, он воспитал ее.

Я встретился с ней, с тринадцатилетней Марусей Образцовой, школьницей шестого класса. В детских глазенках застыл ужас. Веки воспалены.

— Скоро, значит, снова в школу?

Она заплакала. Страшный сон приснился ребенку. Она видела немцев. С виду они походили на обыкновенных людей. Только с виду. Это были человекоподобные дикие звери. Они жгли, рубили, терзали.

Дикие звери! И все же это немые слова. Разве выразишь ими безграничное горе, которое обрушилось на каждый дом, на каждую семью. Поток! Извержение вулкана! Огненный смерч! Не то. Стихийные бедствия могут испепелить города, умертвить тысячи людей. Но они не пытаются и не казнят их ежедневно и ежечасно, не глумятся над ними, не растлевают их, не превращают в своих жалких прислужников и рабов; они не палачествуют, не упиваются человеческими страданиями, не покрывают саваном их душу, не справляют кровавую тризну.

Немец превзошел все известное. Перед его преступлениями меркнут ужасы прошлых столетий.

Я шел в Калуге, от двора к двору, по улице Детей Коммунаров. Образцовы жили в доме, который значился под № 16.

В доме № 12 убили дедушку. Его вывели за ворота и пристрелили.

В доме № 6 убили мужа. Он сидел с женой и детьми за обедом. Пришли немцы:

— Русс, ком!

Он вышел к ним. Приказали вернуться и надеть шап-

*После ухода немцев
Зарисовка с натуры*

ку — зима. Жена думала, что зовут на работу. Надел шапку. Ступил несколько шагов. Пуля в затылок.

В доме № 7 убили сына. Его вытащили из подвала, в котором прятались жильцы, подвели к столбу и размозжили череп.

В доме № 15... На улице нет буквально дома без мертвеца. Да и улицы-то нет — рана сквозная. Одна, другая, третья.

На Интернациональной они минировали и взорвали дом № 120. Погибло 49 семейств. Никого не выпускали. Кто осмелился бежать — пристреливали.

На улице 1905 года в щели нашли несколько убитых немцев. В отместку расстреляли всю улицу.

...Как постарели и обнищали наши люди!

День и ночь сидели в подвалах, прислушивались — не раздастся ли топот кованых сапог, лай чужой речи. Знали: немец даром не придет. Ели мерзлую картошку, у кого была. Хлеб из жженой пшеницы считался роскошью. Зажигали лучину, чтобы только поужинать. Сидели без огня, без книг. Русская речь заглохла. Немцы ввели телесные наказания, штрафы.

Им ненавистно и враждебно все русское: наши люди, наши песни, наши памятники, наши могилы. Они хотят истребить народ, его историю, его праотцев и его правнуков. Расстрел — таков единственный язык их приказов. Расстрел за все: по поводу и без повода. Ты — «русс», разве этого недостаточно?

Бывший комендант города Калуги капитан Гебель ничем не нарушил общего правила. Он сочинил приказ из восьми пунктов. В каждом из них Гебель оставался верен себе и гитлеровской Германии:

«Тот, кто будет задерживаться около военных объектов, около телефонных проводов и около железнодорожных путей, будет расстрелян без предупреждения.

Тот, кто будет принимать участие в деятельности партизан, будет повешен.

Тот, кто примет в свое жилище красноармейцев или партизан, или будет их там укрывать, будет расстрелян.

Тот, у кого имеется оружие или военное снаряжение, будет расстрелян.

Гражданскому населению запрещается покидать свои жилища с 15 час. 30 мин. до 8 часов утра. Всякое хо-

ждение из одной сельской местности в другую, даже днем, запрещено. Лица, обнаруженные вне города с пропусками или без пропусков, будут расстреляны».

И все в таком однообразном роде. Вне города или внутри города, с пропусками или без пропусков—конец один: будет расстрелян. Гебель лишь однажды рискнул заменить слово «расстрел» словом «повешен». Небогатая фантазия.

В жестокости своей и садизме немцы превзошли все возможное. Мрачный застеночек — вот их душа. Ее можно тронуть лишь свинцом и сталью.

В Калуге на улице Кирова проживают мать с дочерью. Ночью к ним в комнату ввалился немец. Он поставил насмерть испугавшуюся старуху в угол, лицом к стене, пригрозил ей револьвером и в ее же присутствии изнасиловал дочь. Затем он изуродовал старуху и повел абсолютно нагую, обезумевшую жертву свою по снегу через двор в другую квартиру.

Там он застал женщину с двумя крохотными детишками; один еще грудной. Нагую он поставил в угол.

— Ты не беременна? — прикрикнул он на хозяйку, тыча пальцем в ее живот.

Женщина сообразила: может быть, в этом ее спасение?

— Да, да, — торопливо произнесла она.

Тогда немец вынул нож: он намеревался вспороть ей живот. На коленях она едва упростила его смилостивиться — ведь она сказала неправду. Немец «смилостивился». Он изнасиловал ее и... изувечил.

В деревне Куреево крестьяне спрятали свои домашние вещи в огородах: закопали их в землю. Немцы узнали про это. Обнесли огороды колючей проволокой, заминировали их и погнали крестьян раскапывать ямы. Те, естественно, попадали на мины и гибли. Немцы стояли в стороне и смеялись. Им весело было наблюдать, как корчились и повисали на проволоке умирающие люди. Их муки приводили немцев в восторг.

Пленных, изможденных красноармейцев они запрягают в тяжело груженные сани и заставляют тащить эти сани десятки километров. Одному из пленных в деревушке крестьянка протянула кочанок капусты. Часовой пристрелил на месте и пленного и крестьянку.

Исступленная жестокость и дикость!

Это не просто палачи. Это палачи-чужеземцы, палачи-чужеродцы. Злыми и жадными глазами смотрят на все, что попадает на дороге их разбоя, — это добыча. Всюду, куда бы ни ступала их преступная нога, всюду они чужие и все им чужое; чужие не только нам, советским людям, — всему человечеству чужие. Людоеды!

Перед портретом Александра Сергеевича Пушкина стояли немецкие офицеры. Они долго спорили между собой, кто он, этот человек с курчавой головой и бакенбардами: иудей или комиссар из русских? Загадка так и не была ими разгадана. Портрет все же порвали — ведь он украшал стену русской школы. Они порвали портрет Пушкина, разбили бюсты Ломоносова и Горького. Школу заселили лошадьми, превратили в конюшню. А комнату, отведенную для господ офицеров, обитатели ее разукрасили незамысловатыми порнографическими рисунками: цветными и крупных размеров. Это единственный вид живописи, в котором арийцы знают толк. Они изрубили парты, столы, шкафы, поломали школьные пособия; все пошло в печку.

Немцы разорвали ценные коллекции городского музея, разгромили библиотеку, опустошили и загадили дом знаменитого ученого Константина Эдуардовича Циолковского, взорвали и сожгли театр — гордость калужан. Сто шестьдесят лет исполнилось театру. О нем заботились, ежегодно ремонтировали, берегли. Пришел немец и превратил его в груды развалин и кучу пепла.

— Ты ему говоришь, а он будто не слышит. Ты его молишь, а он истукан-истуканом. Ему ничего не жаль. Убить? Убьет. Ограбить? Ограбит. Поджечь? Подожжет. Каменное у него сердце, холодное, чужое... Таких я еще не видела, — сказала мне одна старуха.

Двух сыновей ее немцы убили. Дочь ранили.

Жила она на улице Салтыкова-Щедрина. Дом ее сгорел. Три раза немец приходил к ней, молча брал лампу, снимал стекло, откручивал горелку и преспокойненько выливал из нее керосин на пол. Затем он срывал занавески, скатерть, простыню, бросал их в кучу и поджигал. Он гнал старуху:

— Русс! Русс! Русс!

Вспыхивал огонь. Немец уходил. Старуху тянуло к

своему очагу. Она звала на помощь дочь, возвращалась и тушила пожар. Дважды им это удавалось. Отчаяние и суeta несчастной старухи забавляли немца. На третий раз ему наскучило: он поджег дом, ударил старуху прикладом и на прощанье всадил две пули в ее дочь. Это еще был милостивый немец...

В деревне Пучково, под Калугой, семьдесят крестьян укрывалось в погребе от бомб и снарядов. Немец пронохал, подошел к убежищу, завалил выход, обложил его деревом, тряпьем, облил бензином и зажег. Никто не спасся: ни старики, ни грудные дети. Вот это был немец! Убить такого — легкая кара.

В деревне Мстихино нас встретила старушка лет восьмидесяти, Авдотья Гавриловна Михова.

— Помогите вам господа, царица небесная, — сказала она. — На голове рада бы носить вас, касатики, да силы нехватает.

Она перекрестила нас.

— Батюшки, родимые...

У старушки один сын, как она выразилась, флотский, другой — армеец. Измучилась она, истосковалась при немцах ужасно.

— Жизнь наша была плачевная. Что ему, сатане, хотелось, то и делал. Страсть невозможная. Зайдет в избу, ирод, просвистит не по-человечьи «фють! фють! фють!»: иди, мол, куда глаза глядят. Все дочиста забирал. Детей, окаянный, грабил; игрушки, салазки ташил. Вот какая мука была, чорт его расшиби. Последние валенки чуть было с ногой не оторвал. Анафема!

Старушка трижды сплюнула на пол.

Дом ее сожгли. И деревня сгорела: из 73 дворов уцелело лишь 12. По-миру народ пустили.

— Злое семя он посеял, какое ни на есть злующее, — сказала старушка.

Злое, какое ни на есть злующее семя посеял немец, и пожать ему злое; повстанческими вилами и топорами взойдет оно. В какое село сейчас ни приедешь, в какую избу ни зайдешь, всюду клянут его, всюду думают о возмездии, о расплате.

Он разрушает отчий наш дом, грабит накопленное честным трудом добро наше, терзает, расстреливает, вешает родных нам людей. А из пепла, как из легендар-

ной пены морской, рождается богатырь-мститель. Ненависть вырастает на крови. Каждый замученный и убитый поднимает и ведет за собой живых своих братьев. В сердцах их нет жалости: немцы выжгли ее. Отныне в сердцах их осталась только ненависть—острая, жгучая, непримиримая; она ни в огне не сгорит, ни в воде не утонет. Злое семя посеял немец, оно взошло ему же на горе.

Мы против самосудов. Это известно. Но нужно было видеть, как расправлялись мстихинские крестьяне с немецким ставленником — начальником деревенской полиции, чтобы узнать силу народного гнева, прорвавшегося наружу.

Иуда стоял, нахлобучив на глаза кепку, ежась от мороза, боясь взглянуть народу в лицо. Страшно было. Его окружили тесным кольцом и били всей деревней с такой жестокостью, как в старину били только конокрадов.

Били и прикрикивали:

- Люди, он русских продавал!
- Он комсомольцев убивал!
- Он женщин насиловал!
- Он детей наших сиротами сделал!

Как дохлую собаку, проволокли его по всей деревне, по которой он недавно еще хозяином хаживал, и бросили на свалку. Там и прикончили. Не человеческая это была смерть.

— Чтобы другим повадно не было, — сказала резко, по-взрослому, шагая рядом со мной девочка. Она была еще совсем маленькой — в пионерский отряд бы только вступать. Но она прожила два с половиной месяца у немцев. И она знала, что говорит.

— Они нам выдавали овес. Хотели в лошадей превратить.

Это ее и звонкоголосых подруг ее, идущих гурьбой в школу, милых затейниц с красными галстуками и веселыми косичками, немец хочет превратить в бессловесный и бесправный скот. Он поднял кнут на детей наших, и внуков, и правнуков наших. Смириться? Разве с этим можно смириться!..

Недалеко от свалки, где нашел себе вечное пристанище немецкий холуй — бывший начальник мстихинской полиции, у обочины дороги валялся труп немца. Руки его были раскинуты на белом снегу. Рыжая голова

обледенела. С одной стороны под мышкой у фрица торчал маленький шелковый дамский зонтик; с другой — у бедра — лежала разбитая гитара. То ли он действительно бежал с этим награбленным добром из деревни и в пути его настигла красноармейская пуля, то ли наши бойцы подшутили: подарили фрицу курортный зонтик, чтобы кожу его не коробило наше «знойное» январское солнце, и дали нежную гитару — какая ни есть, все же музыка. Долго я смотрел на эту смешную и трагическую картину, полную глубочайшего смысла.

Сволочи!!! Каким проклятьем их проклянешь! Каким судом их осудишь! Да что слова! Ими нельзя убить даже вошь. Сталь и свинец — вот наше слово. Сталь и свинец!

Леса российские,
Соберитесь все.
Выберите по самой большой осине,
чтоб образ ихний
вечно висел,
под самым небом качался синий.

Это про них писал Владимир Маяковский.

Память наша сейчас обострена. Мы ничего не забудем и ничего не простим им. Потоками своей грязной крови заплатят они за каждую каплю праведной крови нашего народа.

Гитлеровская сволочь хочет превратить наши цветущие города и села в «зону пустыни». «Зоной смерти» сделаем для них каждую пядь нашей родной земли.

13 января 1942 г.

Красноармеец
С. ГУДЗЕНКО

Мы не простим

Они у наших малышей
Снимали теплые ушанки.
От них остались сотни вшей,
Кресты и брошенные танки.
Здесь немцев встретили в штыки,
Они здесь по снегу кружили.

Стоят на скатах у реки,
Обледенев, автомобили.
Они стремились на восток
И вот теперь бегут отсюда.
Лежат в сугробах у дорог
Окоченевших трупов груды.
Бегут, сжигая города,
Везде следы бандитских полчищ,
Мы не забудем никогда
Арийской их повадки волчьей.
Мы стомстим за матерей,
Мы не простим им крови детской, —
Коли штыком, прикладом бей
Проклятых извергов немецких!

14 января 1942 г.

Старший батальонный комиссар
ИВ. МАРТЫНОВ

Наша Тамара

Полгода назад, под Орлом, на невеселой тогда военной дороге мы встретили совсем юную девушку с тяжелыми золотыми косами. Она пробиралась из-за Смоленска к линии фронта. Где были ее родители, она не знала. Немцы испохабили и оплевали родную землю. Девушка жила одним стремлением — быть в армии. Она работала уже некоторое время в одной танковой части медсестрой, но часть эта ушла на переформирование, и у девушки снова не было дома.

Так в нашей редакции стала работать Тамара Денисенкова. Накануне войны она сдала экзамены в Смоленский литературный институт и сразу же стала полезнейшим человеком в редакции. Скромная, молчаливая и застенчивая в первые дни, она как-то быстро расправилась, расцвела, осмелела, работала легко, быстро и неумно. Она была и корректором, и подчитчиком, и всеобщим секретарем, и медсестрой. И она всегда жаловалась, что у нее мало работы. Комсомольцы избрали ее секретарем большой организации.

В ней много еще бродило детского, неустоявшего-

Тамара Денисенкова

ся — в нашей Тамаре. Но уже навечно заложены были в ней и щедрая доброта, и стремление всегда помочь товарищу, и нестигаемое, ясное мужество настоящего русского человека.

Помнится, как на нашу небольшую колонну налетели пять пикирующих бомбардировщиков. Они сделали над нами восемь заходов, расстреливая нас в упор из пулеметов, засыпали бомбами. Никто не увидел на лице Тамары ни тени страха. Не успели отбомбиться вражеские самолеты, как Тамара уже сновала среди машин, проверяя, нет ли раненых. Она первая бросилась помогать ликвидировать последствия налета.

Такой она бывала всегда в трудные минуты.

Тамара прошла с нами всю горькую, как полынь, дорогу отступления и вместе с нами повернула на запад.

В редакцию приходили новые люди. И Тамара, ревниво относившаяся к каждой крупнице работы, делаемой не ее руками, все чаще говорила:

— Мне нечего делать. У меня мало работы. Я хочу на передовые.

Она ревниво и как бы чуть обиженно слушала рассказы наших сотрудников, возвращавшихся с передовых позиций: ее там не было, а она должна быть там во что бы то ни стало. Она по-детски боялась, что кто-то может подумать, что вот она не хочет всегда, каждую минуту быть под огнем на поле боя. Она боялась, что ей не удастся совершить ни одного бессмертного подвига.

Тамара писала рапорт за рапортом. Ее уговаривали: она была нужна газете, ей обещали, что скоро и она будет бывать на передовой линии,— но Тамара настояла на своем.

В зимнее ясное утро наша сияющая, счастливая Тамара уехала работать медицинской сестрой в часть г. Петухова.

И там также сразу полюбили Тамару. Она ни разу не дрогнула, вынося раненых с поля боя. Не отступала перед огнем минометов и пулеметов, не знала страха перед самолетами и танками. Она легко, весело и просто выполняла свой великий прекрасный долг.

В недавнем бою был ранен командир батальона. Он упал на открытой поляне, обсыпаемой вражескими минами. Казалось, что надо было переждать хоть несколько минут, пока утихнет огонь. Но каждая минута промедления могла стоить жизни командиру.

И Тамара, не раздумывая ни секунды, кинулась вперед под вражеский огонь на помощь раненому. Она уже добралась до него и уже сделала перевязку, когда вблизи разорвалась мина.

Тамара умерла как героиня. Ей возданы были воинские почести.

Горько говорить о ее смерти, о ее молодости, о золотых ее косах, о чистых и ясных глазах ее. Нет нашей Тамары. Но рядом с горечью бьется высокое чувство гордости за это молодое и русское бесстрашие, за силу любви к родине у нашей Тамары, за прекрасный подвиг ее, который каждого из нас зовет вперед, зовет к отмщению.

27 февраля 1942 г.

Генерал-лейтенант
И. БОЛДИН

Калужская операция

Калужская операция является серьезным этапом в разгроме немецких армий под Москвой. Она была заранее продумана и тщательно подготовлена командованием Красной Армии.

Подготовка к калужской операции началась в середине декабря, когда наши части нанесли серьезный удар в Тульском направлении. Остатки разбитых частей 2-й гудериановской бронетанковой армии поспешно отступали на юг и юго-запад, бросая на своем пути танки, автомашины, орудия, боеприпасы, даже исправные самолеты.

Фашистское командование не хотело примириться с мыслью о своем поражении и делало отчаянные попытки закрепиться на заранее подготовленных узлах сопротивления. Однако, как показали дальнейшие события, усилия немцев были тщетны. В каком тяжелом положении оказались фашисты, показывает хотя бы один приказ Гудериана. Обычно суровый генерал, рассматривающий солдата как придаток к машине, вдруг написал слезливое обращение к «моим друзьям», составленное в тонах слабонервной институтки. Гудериан на этот раз уже не приказывал своим дивизиям задушить Тулу, а, взывая к совести солдат, упрашивал их не оставлять своих частей и подразделений.

Настроения немецких солдат, испытавших силу ударов Красной Армии, с каждым днем становились все хуже. В начале войны немецкие солдаты посылали с фронта письма, в которых рассказывали о «блестящих победах». Сейчас немецкий солдат посылает иногда в тыл письма, в которые вложены... советские листовки.

В одном из приказов по 2-му батальону 519-го пехотного полка, захваченном нашими частями, говорится: «Было уже неоднократно установлено, что в письмах, предназначенных для отправки домой в Германию, обнаруживаются вражеские листовки, а также и то, что солдаты распространяют материалы вражеской пропаганды. Если виновные будут обнаружены, они будут строжайше наказываться. Хартенек».

Наша задача состояла в том, чтобы не дать немцам опомниться от первого удара, не дать им закрепиться, нанести новый удар в месте, где противник меньше всего его ждет. Части Тульского направления по заданию командования Красной Армии готовили новую операцию, в то же время продолжая преследовать немцев на юге.

Сильно укрепленным узлом сопротивления противника была Косая Гора, близ Тулы. Немцы выгодно использовали естественные рубежи, построили здесь ДОТы и ДЗОТы, использовали здание и заводской двор Косогорского металлургического завода. Брать Косую Гору в лоб значило бы намного снизить темпы наступления. Поэтому Косая Гора была нами обойдена с юго-запада. Атака наших танков началась не с севера, как ожидал противник, а с юга, то есть в тылу у немцев. В результате танкового боя 10 немецких машин были уничтожены, а остальные бросились искать пути отступления и частично были захвачены нами.

Наши части, не выходя прямо на шоссе, за которое крепко держались немцы, а постепенно продвигаясь на юг вдоль шоссе, с запада и востока захватили врага в глубокие клещи. Эти клещи сомкнулись в районе Щекино. 17 декабря Щекино было нами взято, немцы понесли большие потери.

Сомкнув клещи у Щекино, мы сбили группу Гудериана с шоссе, отрезали от ремонтных баз и узловых шоссеиных дорог. Судьба гудериановской группировки была предreshена: ей оставался один выход — бежать на запад и юго-запад. И войска Гудериана побежали.

Одновременно с боями у Щекино готовилась калужская операция, разработанная командующим Западным фронтом генералом армии т. Жуковым. Отдельные наши части были резко повернуты с Южного направле-

Генерал-лейтенант И. Болдин у карты

ния на запад еще до исхода боев за Щекино. Часть полковника Сиязова вышла на реку Упу и смелыми действиями очищала районы западнее и северо-западнее Тулы от противника, подготавливая путь ударной группе на Калугу. Вскоре на запад устремилась и часть командира Хохлова.

В районе Тулы была сконцентрирована ударная подвижная группа войск в составе пехотинцев, кавалеристов, танкистов и артиллерии. Ей была дана задача внезапно захватить Калугу. Маршрут продвижения группы преднамеренно был выбран по району, чрезвычайно бедному дорогами: ни одного шоссе, ни одного улучшенного тракта. Снегопад и метели превратили проселки и узкие лесные тропы в трудно преодолимые пути не только для машин, но и для лошадей. Но мы выбирали дорогу, слабо контролируемую разведкой противника, чтобы скрыть от него движение группы. Она пролегла по лесистой местности, через Дубно — Ханино — Крутые Верхи — Большие Козлы — Калуга, а не вдоль улучшенной дороги Титово — Макарово — Калуга.

Наши части с севера и юга обеспечивали охрану флангов подвижной группы. На севере наступал полковник Сиязов. Он действовал на широком фронте, но действовал чрезвычайно решительно, применяя обходы и обхваты врага, выбрасывая далеко вперед подвижные группы автоматчиков. Противник, обеспокоенный движением Сиязова, видимо, решил, что именно здесь, на шоссе Макарово — Калуга, должен произойти наш удар, и готовился к его отражению. Сюда была переброшена 137-я фашистская пехотная дивизия полного состава. По показаниям пленных, дивизия была полностью укомплектована и насчитывала 15 тысяч штыков.

С юга и юго-запада фланг подвижной группы также охранялся нашими частями, действовавшими решительно и смело. Показательным в этом отношении является захват нами города Дубно.

Город находился у немцев в тылу, в 25 километрах от линии фронта. Для его захвата была ночью снаряжена подвижная группа автоматчиков на лошадях и автомашине. Преодолев за ночь весь путь, к утру наши бойцы ворвались в Дубно. Они застали немецких офицеров за завтраком: солдаты были расположены

по-тыловому, на отдых. Наши автоматчики уничтожили здесь до батальона противника. Небольшая группа наших автоматчиков не только захватила город, но и удерживала его в течение суток, до подхода основных сил. Такие внезапные налеты в глубокий тыл противника применялись довольно часто.

На обоих флангах коридора, по которому скрытно двигалась подвижная калужская группа, шла довольно ожесточенная борьба. Противник подтянул артиллерию, ввел в действие танки, часто переходил в контратаки. Они разбивались об искусные действия командиров Сиязова и Хохлова.

Таким образом удалось обеспечить продвижение калужской группы с темпом 30 километров в сутки. В условиях бездорожья такой темп является ярким показателем самоотверженности, выносливости наших доблестных бойцов. К исходу дня 20 декабря наши войска врезались в расположение врага глубоким клином. Вершиной его была Калуга, основанием — Алексин, Крапивна. Мы углубились в тыл врага коридором шириной 10—15 километров, глубиной более 60 километров.

Немецкое командование спешно бросало в бои против наших фланговых частей мелкие группы войск, сколоченные из отрядов связи, саперов, прислуги артчастей. Это подтвердило, что у противника на данном участке нет резервов и наши расчеты были правильными.

Немецкое командование, убедившись в безрезультатности действий своих мелких групп, вынуждено было снять крупные части с других участков и перебросить их под Калугу. В район Ложба они перебросили 137-ю пехотную дивизию и части 131-й пехотной дивизии. Из-под Малоярославца была снята и перебросена сюда 260-я пехотная дивизия. Из Сухиничей немцы отправили в район Лихвин — Черепеть части 20-й танковой дивизии. План немцев состоял в том, чтобы сомкнуть клещи вокруг наших частей у Ханино.

Энергичными действиями частей Сиязова и Хохлова была отброшена вначале 137-я пехотная дивизия, а затем, с подходом наших подкреплений, была уничтожена черепетьская группа немецких войск. Сиязов и Хохлов пункт за пунктом срезали фашистские клещи.

137-я фашистская дивизия попала в тяжелое положение и стала спешно отходить на север и северо-запад. Наперерез ей устремились наши части. На выручку своей пехоте немцы бросили танки, но их действия были парированы нашей противотанковой артиллерией и исключительно смелыми действиями бойцов-истребителей. Лишь отдельным группам 137-й дивизии удалось прорваться сквозь наше кольцо.

Одновременно путем выброски далеко вперед наших автоматчиков мы не дали противнику осесть и закрепиться на левом берегу Оки. Наши части продвигались вперед, не задерживаясь у небольших групп противника, обходя их. Уничтожение этих групп завершали вторые и третьи эшелоны.

Фашистское командование сделало еще одну попытку задержать наступление наших войск у города Перемышля. Здесь немцы занимали выгодные для обороны естественные рубежи. Бойцы части командира Трубникова форсировали озеро Хохловское, прикрывавшее Перемышль с северо-запада, ночью ворвались в город и опрокинули немцев. Немецкая оборона и здесь была прорвана.

Быстрое продвижение наших частей не дало противнику возможности сжигать русские деревни и села. Взбесившийся враг выделил специальные отряды для поджога деревень. Эти отряды нами уничтожались. Так, в районе Юрово был уничтожен и разгромлен отряд фашистских поджигателей в составе 600 человек.

План скрытного продвижения к Калуге удался. Наши части за четыре дня покрыли 120 километров труднейшего зимнего пути в условиях полного бездорожья и вышли к берегу Оки. Атака на Калугу началась с ходу 21 декабря на рассвете. Части Фоканова и Борисова внезапно захватили единственный мост, форсировали Оку и ворвались на южную окраину Калуги. К 8 часам утра они захватили южную и центральную части города. Немцы подтянули резервы, завязались горячие уличные бои. Особенно ожесточенный бой развернулся за вокзалы. Каждая улица, каждый дом по несколько раз переходили из рук в руки.

Враг защищался отчаянно. Из допроса пленных установлено, что вновь испеченный главнокомандующий

Гитлер приказал своим войскам во что бы то ни стало удерживать Калугу. Сюда были переброшены крупные подкрепления фашистов с других направлений.

23 декабря с обеих сторон в бой вступили танки. Немцы, перейдя к яростной контратаке, заняли деревни Пучково и Ромоданово. Однако здесь немцы были нами окружены и уничтожены. Полковник Сиязов стремительным броском форсировал Оку, обошел Ромоданово, охватив Калугу с юго-запада. Одновременно другие наши части окружили Калугу с северо-востока, перерезая врагу пути для отступления.

В уличных боях пехотинцы Фоканова и Хохлова, а также кавалеристы Борисова показали замечательные боевые качества. Отразив контратаки немцев, наши блестящие бойцы перешли к новым атакам, занимая улицу за улицей.

Спасая положение, немецкое командование бросило против наших частей большое количество авиации. Например, 23 декабря в течение всего дня над частью города, занятой нашими войсками, систематически через каждые 30—40 минут действовали эшелонами по 10—12 машин вражеские самолеты. Но наши бойцы продолжали мужественно сражаться с врагом, тесня его все дальше на запад.

В боях за Калугу, как и во всех боевых операциях, огромную роль сыграли политические органы Красной Армии, коммунисты и комсомольцы. Там, где решался исход боя, коммунисты и комсомольцы всюду были первыми. Они звали вперед воинов, заражали их личным примером и военной доблестью. Многие из них пали на поле боя смертью храбрых, до последней минуты не забывая о том, что большевик всегда должен быть впереди.

Планы немецкого командования окружить нашу ударную группу и замкнуть ее в городе, благодаря непрерывному наращиванию наших сил, не удались. Наши удары по врагу становились все более мощными, и утром 30 декабря Красная Армия окончательно овладела городом. Над Калугой снова развевается красное знамя Советов.

Крепнет боевое умение

Письмо узбекского народа бойцам великой отечественной войны

Наши части посетила делегация Узбекистана.
От имени узбекского народа поэты Гафур Гулям,
Хамид Алимжан и Чусты обратились с письмом
к бойцам великой отечественной войны.

В светлый час зари от вас письмо пришло,
Счастье да взойдет, и да затмится зло.
Каждую строку мы, как бодрящий стих,
Все читали вслух у очагов своих.
Носят старики в шелку, как амулет,
На своей груди ваш боевой привет.
Полное забот о доблестных бойцах,
Девушки хранят письмо в своих ларцах.
За подарки нас благодаря в письме,
Шлете вы привет,— он, как заря, в письме.
Пишете вы нам, чтоб силы не щадил
Наш народ в труде, крепя и фронт, и тыл.
Пишете вы нам под огневым дождем:
«Мы в решительный, в последний бой идем,—
Не оставьте нас заботами и впредь,
Чтобы нам врагов с лица земли стереть...»
Заверяем вас, что все, что нужно вам,
Заготовим здесь, отправим дружно вам.
На большой сундук Узбекистан похож:
Ценностей, что в нем скопились, не сочтешь.
Но живет страна по-новому теперь:
Тыл и фронт снабжать готовы мы теперь.

Мы каналами избороздили край,
Урожайми обогатили край.
Роем мы сейчас еще один канал,
Чтоб он жизнь и свет бесплодным землям дал.
Хлеба, хлопка вам в избытке мы пошлем,
Мы завалим вас узбекским текстилем.
Табуны коней от нетерпенья ржут,
Седел боевых себе на спину ждут.
Много тысяч вам мы выделим коней,—
У врагов таких не видели коней:
По глазам — газель, павлинья шея, пег,
Звездолоб, а бег — архаров горных бег!
Наш Узбекистан не только земледел,—
Заводским гудком он зычно загудел.
Сам себе сказав: «Дела войны освой»,—
Круто повернул он к фронту повод свой.
Яблоки послать всегда мы рады вам,—
Счастливы теперь послать снаряды вам.
Пушки делаем и минометы мы,
Ладим танки здесь и самолеты мы.
Коротко сказать — узбекская страна
Производит все, что требует война.
Ваши просьбы мы все выполним, а вы
День за днем врагов терзайте, словно львы.
Истребите их, втопчите падаль в грязь,
Воронам клевать оставьте эту мразь!..
Часть отечества захвачена врагом.
Стонут братья там под вражьем сапогом.
Враг от крови пьян и закоснел во зле,
Враг пытал, казнил людей в любом селе,
Дикая свинья, клыки ощерил он,
В торжество свиньи, как в бога, верил он.
На копытах нес огонь, как мерзкий чорт,
Цветники сжигал и зверством был он горд.
В пепел города сжигал, осатанев,
Но под ним горел святой народный гнев.
Стонет белорусс, украинцу невмочь,
День в Прибалтике теперь темней, чем ночь.
Материнский вопль все омрачил окрест,
Зверь взбесившийся насилует невест.
Дети, потеряв родителей своих,

Бродят, одичав, среди лесов глухих.
Слышите ли вы проклятья бедных жертв?
Слушайте, ведь все мы братья бедных жертв!
Братья кровью мы и голосом сердец, —
Братья мы, и Сталин — наш родной отец.
Нас отчизна-мать в страданиях родила,
Общая у нас судьба, борьба, дела.
Чуткость и любовь от века чтит узбек,
И в пословицы их воплотил узбек:
«Друг твой жизнь презрел, — смерть
для него презри.

Грозный час тебя потребует — умри».
«Друг в беде — себя ты в жертву приготовь.
Друг погиб — умри, но оправдай любовь».
«Человечий лик, как солнце, сиян,
Не скупись — накрой для гостя достархан»¹.
«Кто людей бежит — не человек, а волк...
Человеком быть — твой высочайший долг».
«Не забудь своих страданий, человек...» —
Вот, что изложил в пословицах узбек.
Вспомни, как с тебя снимал оковы друг,
Как забила кровь в затекшем теле друг;
Как твоей слезой отравлен был твой хлеб,
Как — в слезах — на мир глядел ты, полуслеп;
Вспомни солнце то и как оно зажглось,
Осушив твои глаза от вечных слез;
В ком себе тогда нашел опору ты,
Так, что сокрушал несчастий гору ты.
Вспомни — и тогда перед тобой пройдут
Все, кто за тебя боролись, гибли тут.
Не сочтешь могил (да знает стар и мал!)
Тех, кто за тебя по доброй воле пал...
Сможешь ли теперь ты не гореть душой,
Если старый друг в такой беде большой?
Нет, не сможешь ты, не умолчишь, узбек, —
Совести своей ты кары не избег.
Братский твой союз нелицемерен был,
Клятве дружеской ты свято верен был.
Завещало нам древнейшее перо:
«Зло за зло воздай, а за добро — добро».
Муж достойный тот, кто мудрость предков чтит,

Кто постиг ее и начертал на щит:
«Если ты хоть раз поел в чужом дому,
Сорок дней потом ты кланяйся ему».
Вот что завещал тебе твой мудрый дед,—
Поступая так, пойдешь путем побед.
Братья, что в рабов превращены врагом,
Помним вас. Вы — в нашем кличе боевом.
Думая о вас, мы по ночам не спим,
Непрестанно днем о вас мы говорим,
В битву шлем за вас красавцев, удальцов,
Храбрых, словно львы, богатырей-бойцов.
Далека стезя, но для сердец близка.
Братья! Наш союз незыблем на века!
Дружбою дано бессмертие ему,
И не разорвать той дружбы никому.
Ненависть к врагу бушует, как пурга,
Наш вседневный труд — могила для врага.
То о вас, бойцах, слагают песнь бахши²,
Пастухи поют высоко, от души.
То для вас спешит рабочий на завод,
То для вас в полях колхозник плуг ведет.
Ваши имена у сердца мы храним!
Вас, герои, славим мы стихом своим,
Дело здесь еще мы начали одно.
Ясным из письма да будет вам оно:
Детки ваши вражьи не дались когтям,
Прибыли они благополучно к нам.
Разобрали мы детей по одному,
Без печали пусть растут у нас в дому.
Мы клянемся вам, что сохраним детей!
Удальцов взрастим, посадим на коней.
Сердце за детей пусть не болит у вас,
Мы беречь их будем, как зеницу глаз.
В ход пускай, герой, оружие в боях!
В ход пускай, чтобы землю грыз от страха
враг!
Бей врага, предсмертным стоном не внемля,
Так, чтобы ужаснулись небо и земля!
Бей врага повсюду, где найдешь его,
Чтоб он проклял час рожденья своего.
Без боязни в бой бросайся, как Рустам³,

Реки хлынут — чашей поднеси к устам!
Как Фархад с Хосровом ⁴, говорить умей,
Словно Алпамыш ⁵, врага нещадно бей!
Враг — свирепый зверь, ты — человек,
ты — свет!

Убивать зверье у нас запрета нет.
Бешеных врагов ты беспощадно бей,
Чтоб не перешла зараза на людей.
Больше их убей — потомок будет рад,
Исцеленье миру — каждый твой снаряд.
Помни: этот бой последний грозный бой.
Иступленный враг стоит перед тобой, —
Не убьешь, так будешь сам убит врагом,
Сына твоего он сделает рабом.
Так сравняй врага с землею, истреби!
Где ни повстречаешь — в клочья изруби.
Если ж головы лишишься ты в бою,
На века веков прославим смерть твою!
Слушай: Ленин шлет тебя на правый бой!
Узел бед разрубит лишь кровавый бой!
Ленинское знамя плещет над тобой,
Сталин — мудрый вождь и полководец твой.
За вождем идет железный строй полков,
Партия бессмертная большевиков.
Сталинская воля, как скала, крепка,
Мужество его — могучая река.
Глубже бездн морских глубины дум его,
В мире нет меча острей, чем ум его.
Человечность, правда — тот чудесный меч,
Им решаешь ты исход жестоких сеч!
Помни каждый миг великий наш завет:
Истреблять врагов, смести с земли их след.
Вырос ты в седле, знаком тебе полет.
С именем вождя вперед, герой, вперед!
На врага лети, как буйный суховей,
Пепел Гитлера ты по ветру развей!
Нет, не по ветру, а прочь — в небытье!
Невредим вернись на родину, к семье.
Счастье всей земли, герой, в руках твоих.
Миллионы взглядов на путях твоих.
На фашистов рушащие кыямат ⁶,
Армиями их свергающие в ад,

Сталинские соколы, живите сотни лет!
От всего народа вам привет!
Бьющим на лету врага орлам — привет!
Удальцам, бойцам, богатырям — привет!

*Письмо изложили в стихах поэты Гафур Гулям,
Хамиб Алимжан и Чусты.*

*Перевели с узбекского: Лев Пеньковский и
Владимир Державин.*

15 марта 1942 г.

Примечания

¹ Д о с т а р х а н — скатерть. В переносном значении — накрытый стол, угощение.

² Б а х ш и — народные певцы.

³ Р у с т а м — герой «Шах-Намэ» Фирдоуси. Богатырь.

⁴ Ф а р х а д и Х о с р о в — герои поэмы Навои «Фархад и Ширин» и поэмы Низами «Хосров и Ширин».

⁵ А л п а м ы ш — богатырь, герой узбекского народного эпоса.

⁶ К ы я м а т — светопреставление, страшный суд.

Г. БЕРЕЗКО

Школа борьбы

Командир батареи был ранен, и командование взял на себя военком, комсомолец Попов. Он стоял на наблюдательном пункте и смотрел, как немецкие танки ползли по склону холма. Танки казались отсюда игрушечными и совсем не опасными.

— Открыть огонь! — громко и весело скомандовал военком. Он чувствовал необычное возбуждение. Молодое лицо его горело. Очень хотелось самому встать у орудия. К сожалению, это не входило в его обязанности.

Блеснул бледный язык пламени — ударила первая гаубица. Попов, не отрываясь, смотрел в бинокль.

— Есть один! — не удержавшись, крикнул он, когда после третьего выстрела один из танков густо задымился.

*Автоматчики подразделения старшего лейтенанта т. Сафонова
ведут огонь по отступающему противнику*

*Стрелковое отделение сержанта т. К. Акробай выполняет боевую
задачу. В бою за деревню Фомино 1-е отделение в рукопашном бою
истребило не один десяток гитлеровцев*

Минометный расчет сержанта т. С. Мишина выполняет боевую задачу. Своим точным огнем расчет уничтожил немецкий ДЗОТ и истребил до взвода вражеской пехоты

Танки повернули башни. Вытягиваясь в одну линию, они двинулись в обход, непрерывно стреляя. Клубочки белых дымков проносились по склону холма.

Артиллеристы работали яростно и молчаливо. В грохоте выстрелов и разрывов не слышно было ни слов, ни стонов раненых. Взвихренная земля беззвучно сыпалась на людей. Дым застилал глаза: много немецких танков загорелось. Но головные машины подошли к батарее на 75 метров. Они расстреливали ее в упор.

Военкома позвали в землянку к телефону. Попов закричал в трубку:

— Стоим на месте, товарищ командир. Два орудия подбиты, стреляем из одного...

— Во что бы то ни стало остановить танки,— донесся к Попову далекий голос командира дивизиона.

— Есть во что бы то ни стало остановить танки,— крикнул Попов. Он отер лицо и выбежал из землянки. У него не было времени долго размышлять над приказом.

Единственное уцелевшее орудие сотрясало от непрерывного огня. Еще три немецкие машины были выведены из строя, и танки начали вдруг поворачивать... Танки уходили назад.

Стрельба прекратилась, и наступила удивительная тишина. Военком сел на лафет уцелевшего орудия. Вокруг собрались победители. Лица были темны, по ним ручьями струился пот. Попов пересчитал бойцов. Оставалось всего 18 человек. Он приказал эвакуировать в тыл раненых. Потом вызвал к телефону командира части.

— Танки не прошли,— сказал он.— Прошу подвезти снаряды, я тут поизрасходовался...

— Рад, что снова услышал вас,— ответил командир.

Попов, прихрамывая, прошел на опушку леса, вблизи которого расположилась его батарея. В самом начале боя он был ранен, но никому не сказал об этом. Он сел на землю, и, стиснув зубы, чтобы не закричать, стащил сапог... В лесу было темно и сыро. Попов почувствовал слабость: видимо, он потерял много крови. Он вспомнил, как несколько лет назад он так же лежал в лесу, один с перебитыми ногами. Деревенского комсомольца Тему Попова подстерег ночью кулацкий сын Харитонов. Он ударил Тему палкой и убежал. Прива-

лившись к дереву и обхватив руками разбитые в кровь ноги, Тема стонал от обиды. Боли он не чувствовал. Ненависть к вероломному врагу заставляла забывать о ней. Он, Тема, еще померяется силой с Сашкой Харитоновым... Еще посмотрим, кто кого...

Воевать он начал давно. Еще пионером в кровь подрался с тем же Сашкой Харитоновым, отстаивая честь своего красного галстука. Подростком в комсомоле учился не хныкать во время неудач и не успокаиваться, пока враг не уничтожен. Он прошел хорошую школу борьбы. Знает, как принять удар и как ответить на него с утроенной силой. Он умеет воевать, чорт возьми!

Военком перевязал раненую ногу платком и заковылял к своей батарее.

1 мая 1942 г.

Политрук
А. ЛУКАНОВА

Подвиг Марии Александровой

Небольшого роста, смуглая девушка заботливо, матерински нежно перевязывала простреленную руку бойца.

— Рана не опасна, — успокаивала она его, — главное, кость в порядке.

— Может быть, можно в госпиталь не ехать. Заживет.

— Глупости не говорите. Немедленно отправлю.

— А скоро я смогу вернуться в роту?

— Вот все вы такие, беспокойные. Вылечитесь сначала, а потом и в роту.

Присутствующие в комнате младший политрук Вьюнов и врач Пинхасевич, слушая беседу медсестры с бойцом, заулыбались. А когда раненого отправили в медсанбат, рассказали следующее.

Во время боя был тяжело ранен командир роты Гречанинов. Пренебрегая опасностью, под огнем противника медсестра Мария Александрова поспешила к товарищу. Быстро сделав перевязку, взяв автомат, она положила раненого на плащ-палатку и потащила его в укрытие, где стояли санитарные сани. Неожиданно из-за

кустов вышли два немца. Мария быстро схватила автомат и дала очередь. Один фашист упал. Другой успел сделать перебежку и выстрелить. Девушка почувствовала жгучую боль в ноге. Упала. Фашист приближался. Мария ясно представила себе, что ожидает ее и командира, если они попадут в плен. Эта мысль вызвала приток сил. Крепко нажала пальцем на курок автомата. Перед глазами появились белые пятна. Девушка силилась разглядеть корчившегося фашиста, чернеющий кустарник, яркое голубое небо, но все уплывало.

Мария очнулась от стога раненого. Гречанинов просил пить. Она достала висящую на ремне флягу с водой, напоила. Подбинтовала его сочившуюся рану и только после этого занялась собой. Вражеская пуля насквозь пробила ногу чуть выше колена. Наложив бинт и вату, она попыталась встать. От этого боль еще усилилась. Но идти было нужно. Быстро приближался вечер. Мороз усилился. Взявшись за палатку, Мария медленно пошла вперед.

Она падала, теряла сознание, но все же продвигалась к своим. Но вот силы совсем покинули ее. Окоченевшие пальцы уже не могли крепко держать плащ-палатку. От обиды и боли на глазах появились слезы.

— Как вы себя чувствуете? — спрашивала она Гречанинова.

— Ничего. Вы оставьте меня. Идите одни...

— Нет, нет. Дайте я натру вам руки. Вы замерзли, — и Мария брала его руки, согревала их своим дыханием.

Вдали послышалось ржание лошади. А через несколько минут на опушке леса появились три всадника. Мария узнала белую лошадь капитана и крикнула:

— Товарищи!

— ...Мы хотели отправить ее вместе с Гречаниновым в госпиталь, — говорил врач Пинхасевич, — но не тут-то было. Работать, говорит, надо, а не лежать. Но уже если к ней раненый придет, так никакие уговоры не помогут, все равно в санбат отправит. Слыхали, как она разговаривала с бойцами?

Я с искренним восхищением смотрела на смуглую девушку.

1 февраля 1942 г.

Младший лейтенант Жук

Хоть день и назывался майским, но с утра моросил осенний дождь, потом из-за туч выглянуло ласковое весеннее солнце, его снова заволокли тучи и поднялась такая снежная заварушка, какую можно было наблюдать лишь в феврале. Канительная эта погода задержала летчиков на аэродроме. Там-то я встретил младшего лейтенанта Ивана Захаровича Жук. Он собирался в свой первый полет; не вообще первый, а первый на истребителе. До этого он путешествовал на «У-2». Решили, что боевому летчику следует пересесть со «стрекозы» на боевую машину. Жук и переучивался.

Летчик он действительно боевой. Самообладанию и мужеству его могут позавидовать многие. Придет и необходимое умение: оно — дело наживное. Была бы охота.

Вот один поучительный случай.

...На рассвете Жук получил задание точно разведать расположение огневых средств противника и движение его колонн. Через несколько минут «стрекоза» его поднялась в воздух. В пути, уже над районом, занятым врагом, ему встретились наши «ястребки», возвращающиеся домой. Они уходили от огня немецких зениток. Жук решил уточнить их местонахождение. Высоко лететь ему было рискованно. Зенитки могли сбить. Он прижался к руслу реки и пошел на бреющем.

За железнодорожной насыпью сосредоточилось около полутора полков немецкой пехоты, пятнадцать танков, множество машин. Жук хорошо разглядел их; они готовились к атаке.

Немцы, конечно, заметили и «стрекозу». Но она так искусно приспособлялась к местности, находилась в таком надежном «блиндаже», что поразить ее они не могли.

Жук не терял времени. Он проносился уже над расположением зениток и засекал их на своей карте. Фрицы не ожидали такой дерзости от нашей «стрекозы». Они в панике бежали от орудий, полагая, что «стрекоза» штурмует их. Когда же опомнились и бросились обрат-

но, — Жук скрылся уже за деревьями. Лови ветра в поле!

Выполнив задачу, летчик повернул домой. Ему оставалось уже шесть километров до переднего края, как он нарвался на звено «Мессершмиттов». Снизу, с земли, били автоматчики. Жук приказал штурману «причесать» их. Он обрушил на их головы свой небольшой запас бомб, облегчил самолет и набрал высоту. Расчет был такой: подобьют — спланирую на свою территорию.

Один «Мессер» отделился от звена и атаковал «стрекозу», два других наблюдали за этим неравным поединком. Жук сделал резкий разворот и ускользнул от вражеского огня; он полоснул за хвостом его самолета. Атака повторилась. За второй последовала третья. Немец, казалось, забавлялся. Пять раз фашистский хищник готов был заклевать нашу беззащитную «стрекозу» и пять раз она ловко увертывалась от его смертоносного клюва.

Немец бесился. Он предпринял шестую атаку. Жук во-время разгадал тактику врага; «стрекоза» резко снизилась, она шла в 2—3 метрах от земли. Фашистский коршун пикировал с большой высоты. Он увлекся своей добычей, стремительно налетал на нее и... со всего своего разбойничьего разбега врезался в землю. Ему не удалось вывести свою тяжелую машину из пике. «Стрекоза» перехитрила его.

Однако минуты ее мужественной жизни были все же сочтены. Братья-разбойники спешили на помощь погибшему «Мессеру». Снаряд попал в бак. Пилота и штурмана обдало бензином. «Стрекоза» загорелась.

Жук хотел сбить пламя скольжением. Он накренил влево. Вспыхнуло левое крыло. Под ними раскинулся молодой лес. Обгоревшая «стрекоза» плюхнулась среди деревьев. Немцы оставили ее в покое: они видели ее гибель и были убеждены в смерти ее экипажа.

Но Жук и штурман не погибли. Их только сильно опалило: до сих пор лица в шрамах. Они быстро погасили огонь на своих воротниках — штанины еще дымились — и пошли пробиваться к своим.

По дороге на них напали три немецких автоматчика. Жук убил двоих, третий смылся.

Младшего лейтенанта Ивана Захаровича Жук наградили медалью «За отвагу». Около трех месяцев пролежал он в госпитале. Оттуда он вернулся в часть свою и стал истребителем. По сердцу ему эта новая специальность. По сердцу и по разуму.

22 мая 1942 г.

В. ЛЮБИМОВ

В полицейской управе

Вечерело. К дому, где разместилась полицейская управа, подошла группа людей. Они были одеты в зипуны, шубы, в заплатанные пиджаки. На ногах — рваные валенки или лапти. Заросшие лица.

— Вы куда? — остановил их часовой.

— К главному идем, с прошением, — неуклюже переступая с ноги на ногу, заявил один из пришедших.

Часовой ушел доложить. Возвратившись, он пропустил в помещение лишь одного человека. В комнате, куда вошел командир партизанского отряда, сидело 7 полицейских. Они возились с бумагами, грудой наваленными на столе.

— Тебе чего? — спросил вошедшего полицейский.

— Ваше благородие, спасите нас, жизни нету.

— Говори толком, в чем дело.

— Партизаны замучили. Грабят днем и ночью. Хлеб, скот — все забирают.

— Говори толком, в чем дело.

— Крестьянин. А вот и паспорт.—И он полез рукой за полушубок. Но вместо паспорта в руке партизана очутился наган. Семь выстрелов один за другим... Комната наполнилась дымом.

Забрав в управе документы, деньги и оружие, партизаны скрылись.

14 марта 1942 г.

Две разведки

В 90 метрах от противника, на открытой местности — небольшой кустарник. Здесь решено было организовать наблюдение. Ночью разведчики под командой лейтенанта Пучкова отправились выполнять боевое задание. Когда ядро достигло шоссе, старший головного дозора, красноармеец Тарасов донес командиру о появлении двух немцев. Но, обнаружив, повидимому, наших разведчиков, они мгновенно исчезли.

Ясно, что разведчики замечены противником. Значит, выдвигать пятерку в кусты для дневного наблюдения опасно. Тогда лейтенант Пучков послал на этот «островок» вместо пяти, как решено было раньше, десять разведчиков. Пять из них тут же отползли обратно и вместе с группой поддержки отошли на исходное положение.

Смысл маневра — обмануть противника: русс, дескать, осмотрели кусты и ушли обратно.

В кустиках осталась пятерка смелых. На левом фланге в приветливую траву и под пышные ветви кустов легли три красноармейца — челябинец, пекарь комсомолец Петр Сметанин, телефонист железнодорожной станции Зуевка Тимофей Момонов, маляр из Хабаровска Семен Беседин. Невдалеке от них замаскировались — пензенский слесарь, боец Алексей Антонов и дальневосточник, старший пятерки, сержант Евгений Прокопейня.

На спине каждого из них выросли новые ветки, на автоматы и пилотки легла трава. Разместились так, чтобы было круговое наблюдение — головы разведчиков смотрели в разные стороны, ноги соединялись вместе.

Сержант установил условные сигналы: сколько замечено немцев, столько же толчков в ноги соседа. Фланги соединялись веревкой.

Было на редкость тихое утро. Из фашистских ДЗОТов слышен говор фрицев.

Алексей Антонов слегка потянул сержанта Прокопейню за ногу — жди важного сообщения. В ту же минуту он ткнул пять раз в ногу командира.

— Ага — пять немцев, — сказал себе сержант.

Столько же раз Антонов дернул и веревку: известил остальных разведчиков о противнике на правом фланге.

К кустам, ничего не подозревая, шли пять немецких разведчиков. Отсюда хорошо просматривалась и наша оборона. Встреча двух разведок. Пять на пять...

Первым вошел в расположение нашей пятерки унтер-офицер. Остальные остановились за кустами. Унтер-офицер положил перед собой байковое одеяло, автомат взял в положение наготове и, нагнувшись, стал просматривать кусты.

Наши разведчики ждут команды сержанта. Прокопейня не дышит. Эти минуты — испытание воли, находчивости и умения.

Правая рука сержанта крепко сжала автомат. Антонов резко дернул веревку: подан сигнал к действию.

Первым вскочил сержант.

— Руки вверх! — крикнул он, наставив автомат в грудь унтер-офицеру...

Завязалась рукопашная схватка. Унтер-офицер схватил сержанта костлявыми руками за горло и начал душить. На выручку подскочил Алексей Антонов. Он в упор выстрелил в гитлеровца.

Не успел Прокопейня подняться на ноги, как на него набросился обер-ефрейтор.

Семен Беседин спас сержанта от смертельной опасности. Он с разбега сшиб немца на землю и начал скручивать ему руки, чтобы живьем взять в плен.

Обер-ефрейтор орал, как сумасшедший, и сильно сопротивлялся.

После первых минут растерянности бросились на наших разведчиков остальные немцы. Исключительное хладнокровие проявил Алексей Антонов. Он преградил путь фашистам, дал очередь из автомата и метнул гранату. Пустили в ход гранаты Сметанин и Беседин. Немцев как ветром сдуло.

Шум в кустах вызвал переполох на переднем крае обороны противника. Фашисты открыли по кустарнику ураганный ружейно-пулеметный огонь и направили на помощь своим разведчикам группу солдат. Но было уже поздно. Наша отважная пятерка, захватив раненого обер-ефрейтора, без потерь отошла на исходные позиции.

Гитлеровский молодчик доставлен в подразделение. На нем крестьянские брюки, женские чулки и джемпер. Все это награблено у мирного населения.

*Боевые товарищи
Гравюра на линолеуме*

Перед отправкой в штаб части к обер-ефрейтору подошли наши герои-разведчики. Фашист дрожит, как осиновый лист: он боится ответственности за свои злодеяния.

Наши юноши-разведчики с ненавистью смотрят в звериное лицо врага.

Обер-ефрейтор Густав Мюльгоф ложится на санитарные носилки.

Май 1942 г.

Красноармеец А. Филиппчук

И тыл, и фронт — одна броня

В мороз,
Под минометный вой,
Под пулеметный говор
Везет снаряды ездовой,
Обед готовит повар.
Связной выходит с донесеньем,
Берет коня,
Несется вскачь.
Над раненым склонился врач,
И тот вздыхает с облегченьем.
Громят врага бойцы-орлы,
Громят и знают, что за ними —
Товарищами боевыми —
Идут надежные тылы.

Везут снаряды и обеды
И в полночь и в начале дня.
Все для войны. Все для победы.
И тыл, и фронт — одна броня.
Один вооруженный строй.
Здесь нет лазеек для врагов.
Здесь повар — зоркий часовой
Стоит в ночи среди снегов.
И если враг полезет в тыл,
Надеясь подойти тайком,
И здесь его остудят пыл
Гранатой, пулей и штыком.

Апрель 1942 г.

Поединок

(Рассказ красноармейца Цевелева)

Невысокого роста, худощавый, но проворный в движениях, Николай Иванович кажется намного моложе своих сорока пяти лет. Пышные рыжеватые усы, чисто выбритый подбородок, осанка бравого солдата придают ему торжественно-праздничный вид.

Он немного смущен, но держит себя по-военному — строго, вежливо. Сел на табуретку, аккуратно разгладил жилистой рукой пилотку, сжал в коленях свой карабин, — оставить его он так и не решился.

— Мы ветлужские, нам не доводилось быть в армиях... Занимались по столярному делу, а до войны я работал трактористом. Может быть, где-и не так поступили, дело-то в первой... Ну ведь главное-то нам желательно, чтобы немцев на нашей земле задушить.

Так изложил биографию и свои чувства скромный санитар Николай Иванович Цевелев из подразделения Лиленна. На просьбу рассказать о своем поединке с немцем он ответил:

— Как я его взял? Очень просто, как вора в амбаре берут, так и я его взял.

— Но он вдвое выше и здоровее вас, и по годам моложе.

— Что, фриц сильнее?.. Так что же он меня не взял, а я его? Такое же расстояние было, что до ихних окопов, то и до наших, — с обидой возражает он.

— Рано утром нам было сказано идти в соседнее подразделение. Если санитаров посылают — значит, там дело важное есть... Нужно было спешить. Я взял путь прямо на запад, чтобы кругалья не давать. Товарищи отговаривают: болото, говсрят, обойди, мины могут попасться. А какие для русского человека на родной земле мины? Не послушал — и пошел по своей дороге, напрямик. Знаю, немцы в эту пору уже в нору позабывались, как мыши.

Дошел до лощины — вода. Пошел; говорю себе, на то и война, чтобы по болотам ходить. Зацепил голенищами воды, а сам все дальше. Вышел на берег, — при-

горок там раскинулся и ивнячком зарос. Вот, думаю, как раз из сапог воду вылить. Только носилки опустил на траву—тут его чорта и присоседило. Он нос кустами замаскировал, а зад — наружу. Согнулся, как обезьяна, серый такой, лохматый и автомат в сторону наших окопов. Уложить? Нет, думаю, «язык» нам нужен будет. Сразу же сообразил, — цоп его за плечо.

— Стой! — говорю. Он за автомат. Эх, думаю, не то, молодчик. Отступиться, взять на мушку — опоздать можно. У него автоматическое оружие, а моя винтовка через руку на ремне висит. Правой рукой жму его к земле, другой рукой за ствол автомата. Раз дернул, он к себе, второй раз дернул посильнее. Вырвал. Так-то, думаю, мой фриц... Автомат за плечо, а свой карабин наизготовку и — пошли.

Он сволочной оказался, хотел, знать, обмануть: тут, говорит, тут... Сам мордой на кусты показывает. Руку норовит в карман.

— Дудки, говорю, мне и одного хватит. Швырнул ему ногой шинель, повернул к болоту и пошли обратно. Жалко палки от носилок оставлять, ну, всего не ухватишь.

Наши еще отдыхали, а я фрица им — получайте, а мне по делу надо идти. Ну, вот и все. Пошел опять той же самой дорогой, подобрал носилки — и обратно, по своему назначению.

Вот он, фриц, его безобразная морда потеряла человеческий облик, шея со спины заросла волосами. При нем ничего нет кроме игральных карт и автомата. Отец фрица ефрейтор и сейчас грабит Париж, а он, сын Франц Гро, попал в плен.

Николай Иванович вслух сочувствует французам. Чего ждут французы? Чудной народ: их грабят, а они молчат. И тут же после небольшой паузы он спокойно и деловито заканчивает свою мысль:

— Как было раньше: покажет человек нерасторопность, на него тут же бывало — эй, ты, Рассея... Теперь этого не услышишь. Мне думается, слово «Рассея» где ни скажи, хоть за границей, всякий понимающий голову с почестью подымет, а понимающих на земле, известное дело, больше.

18 июня 1942 г.

Танк 208. На снимке: в центре командир танка лейтенант Пестряков В., слева башенный стрелок красноармеец Шалашинский С., справа стрелок-радист младший сержант Горовой А. и механик старшина Стаценко Н.

Старший политрук
К. ШАЙДУРОВ

Танк 208

На лобовой части танка написано: «Смерть немецким оккупантам». Весь его корпус во вмятинах и напоминает о жарких схватках с врагом. Это — следы вражеских снарядов, сотен пуль.

— Я свой танк узнаю из тысячи, — говорит лейтенант Пестряков.

...Молодой лейтенант Пестряков приехал на один из уральских заводов.

— Это готовится для вас, — сказал ему начальник цеха.

Пестряков внимательно осмотрел танк, проверил работу механизмов. Машина прошла испытание на заводском полигоне, а затем была установлена на железнодорожную платформу.

На фронт!

Шли ожесточенные бои. Отступая, фашисты яростно сопротивлялись. Т-34 сошел с платформы и направился к передовым позициям. Его вел хорошо подготовленный экипаж. Молодые танкисты с любовью ухаживали за машиной. Танк, рокоча мотором, послушно повиновался воле водителя.

На передовых позициях его встретили с радостью.

Так же, как и сейчас, танк остановился в роще. В то время лежал глубокий снег.

Экипаж рвался в бой. Наконец желание танкистов исполнилось. Командование поставило задачу — выбить фашистов, укрепившихся на опушке леса. Танки рванулись вперед, за ними пехота. Стрелки знали, за какими машинами они должны идти. Каждый танк имел боевой номер. На башне Т-34 стояла цифра 208.

Когда наши бронированные крепости подходили к лесу, фашисты открыли яростный артиллерийский и минометный огонь. Мина ударила в переднюю часть танка и заклинила шароустановку пулемета. Лейтенант Пестряков на ходу заменил пулемет другим. Водитель Стаценко сделал разворот и ворвался на передний край вражеской обороны. Из блиндажей гитлеровцы строчат из пулеметов. На один из них всей тяжестью обрушивается советская машина. Деревянное перекрытие трещит и рушится. На гусеницу наматывается телефонный провод. Танк давит второй блиндаж. Из остальных фашисты бегут. Башенный стрелок Шалашинский расстреливает их из пулемета.

Приказ командования выполнен. Танк номер 208 и его экипаж выдержали боевой экзамен.

Машина пришла на сборный пункт вся в ссадинах. Одно ее поддерживающее колесо было пробито из противотанкового ружья, прорвана сетка жалюзи, бронебойные пули исковыряли бока. Но танк не вышел из строя. Экипаж тут же устранил повреждения.

208 — снова на исходной позиции, готов к бою.

В шесть часов утра началась атака. В числе восьми

танков, Т-34-208 штурмовал фашистов, засевших в населенном пункте. Он первым врывается в деревню. По броне стучат пули. Ведут огонь вражеские пулеметы. Танкисты посылают по ним два снаряда. Но тут пушка не выбросила гильзу. Пришлось отойти и выбивать ее банником. Этим воспользовались фашисты: они выкатили противотанковое орудие. Но машина Пестрякова неожиданно вырвалась из-за домов, и под ее гусеницы попали и пушка, и расчет. В этой же атаке танк тремя снарядами поднял в воздух еще одно орудие, протаранил бронемашину и раздавил тягач.

Бои продолжались. Советские танкисты громили вражеские оборонительные рубежи. 208 был всегда в боевом порядке.

Однажды он попал в тяжелое положение: с трех сторон била артиллерия. Экипаж искусным маневром вывел танк из-под огня да еще привел на буксире своего подбитого товарища. Левый бок Т-34-208 пострадал — вражеский снаряд сделал глубокую яму.

Т-34-208 участвовал в девятнадцати сражениях. Сотни уничтоженных фашистов, десятки разгромленных огневых точек, раздавленных ДЗОТов, разбитых орудий записано в карточке его экипажа.

Танк и сейчас готов в любую минуту ринуться на врага.

Вот он. Примет у него много. Даже на пушке видны следы осколков и пуль.

Крепка советская броня. Еще крепче воля советских людей к победе.

1 июля 1942 г.

СЕРГЕЙ ШВЕЦОВ

Снайпер Кочесов

Сегодня вылезать из нор
Фашистам не захочется —
Выходит в снайперский дозор
Красноармеец Кочесов.

Фашисты выбились из сил,
От лютой злобы бесятся:

Полсотни гадов он сразил
В течение только месяца!

Забыли фрицы прежний раж,
Расстались с гордой позою:
Из блиндажа в другой блиндаж
Они на брюхе ползают...

Искусству храброго стрелка
Послушна пуля быстрая,
Он немцев бьет наверняка,
Не тратит даром выстрела.

Чтоб нам от гнусного зверья
Освободить все дочиста, —
Учись без промаха стрелять,
Как славный снайпер Кочесов!

1 июня 1942 г.

Старший батальонный комиссар
ИВ. МАРТЫНОВ

День в роте

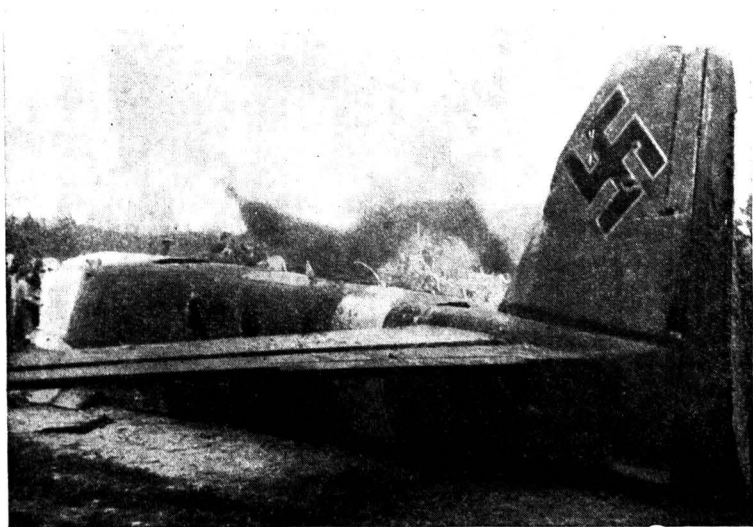
Березовые рощи, заглохшие поля, осиротевшие деревни. Линия фронта. Передний край. Вдали, на горе, как древняя крепость, высится одинокая и громадная бледножелтая церковь.

Русская земля. На колокольне ходит немецкий часовой. Его можно разглядеть в бинокль. Но пуля не достает. Далеко. Обманчивая солнечная тишина, наполненная пением разноголосых птиц, прерывается ровным гулом самолетов. На бреющем полете идут над линией немецких окопов наши штурмовики. Беспорядочно хлопают зенитки, оставляя далеко за самолетами белые клубки разрывов.

Маленькая деревенька, в которую мы входим, расположена в 200 метрах от немецких окопов. В саду за столом обедают бойцы, поглядывая на работу своих самолетов. Ухают немецкие пушки. Они стреляют наобум, по площади. Снаряды рвутся возле пустой школы. Бойцы презрительно посматривают в сторону выстрелов

Метко разит фашистских мерзавцев старший лейтенант м. Шоповалов. Он — снайпер-истребитель. На его счету около 40 убитых фашистов

Немецкий бомбардировщик, подбитый зенитной артиллерией

Подразделение старшего сержанта т. Беломестных ведет огонь по противнику

Пулеметный расчет младшего сержанта т. Щелока ведет огонь по противнику

и громко чавкают, когда в воздухе напряженно воеет снаряд, прокладывая еще никому неизвестную трассу.

И снова после десятка выстрелов наступает тишина.

С деревенской улицы видны поля, по которым ночью ходят немцы, и бугорки земли, за которыми, как суслики, притаились они сейчас.

И тишина и безлюдность вокруг деревни обманчивы. В ротах идет напряженная работа.

В шесть часов утра боец 1-й роты Арзамасов убил двух фашистов, пулеметчик Белов — одного (это у него — пятый), лежит в своей «оборонке» снайпер Начаров, не пропуская ни одного движения за линией ротных окопов.

В подбитом шрапнелью доме командир роты Бак вместе с политруком Хмуровичем принимают зачеты по материальной части винтовки и гранаты, по противогазу.

Только что явившийся из окопа сержант Горбунов уже успел пообчиститься, хорошо заправиться и рубит, как на академическом экзамене:

— Если же у противогаза порвалась маска и гофрированная трубка, боец должен дышать прямо через коробку. Это также предохранит от действия газов. Глаза надо закрыть.

Так же уверенно осматривает он гранату, вставляет запал, показывает, как надо бросать.

Четко и точно отвечает на вопросы боец Шестаков.

Один за другим поднимаются красноармейцы и младшие командиры. Они честно и точно выполняют приказ вождя.

В маленьком сарае расположились пулеметчики вокруг станкового пулемета. Сегодня последние зачеты и шесть уже сдали на «отлично». Вот имена их: сержант Кутепов, ефрейтор Чирков, бойцы Дорошев, Ступченко, Иванов, Зубрилин.

Своими пулеметчиками не нахвалится командир роты Д. Ф. Жидков.

Его судьба интересна. До войны он был скромным завхозом средней школы. Он привык к порядку и к хорошей, умной дисциплине советского учебного заведения. Побывал в снегах Финляндии. Командовал там пулеметным взводом, прошел трудный и славный путь от Териок до Выборга. В боях за Выборг был ранен.

Он полюбил пулемет еще с Финляндии.

И сейчас командир пулеметной роты лейтенант Жидков, подтянутый и опрятный, говорит о пулемете с нежностью и уважением:

— Прекрасная, верная машина. Сердце радуется, когда она работает.

Огневые точки его роты размещены умело и вдумчиво. Когда немцы пробуют бить трассирующими по «У-2», то пулеметчики Жидкова даже ночью заставляют врага немедленно прекращать огонь.

С 22 часов Жидков вместе с политруком Григорьевым обходит огневые точки, проводя с бойцами всю ночь, проверяя даже в темноте знание материальной части, установку оружия, ориентиры, помогая во время боя.

Утром он проводит занятия с командирами отделений. С 12 дня командиры отделений занимаются с бойцами.

Размеренный и четкий порядок. «Но времени,— говорит комроты, — хватает и на отдых и на гигиену». У Жидкова не платоническая любовь к пулемету, не бесплотное восхищение умной машиной. Он относится к грозному своему оружию как подлинный мастер своего дела.

Боевая практика позволяет ему выступить с поправкой к уставу. Она проста, эта поправка, и касается устранения первой и распространенной задержки, на что, по «Наставлению», требуются минуты.

— Я обучаю бойцов так,— говорит т. Жидков: — чтобы устранить перекош патрона, надо, действуя большим пальцем правой руки, нажать очередным патроном на перекошенный патрон,— задержка будет устранена в течение секунды.

— Мой способ никогда не подводил ни меня, ни бойцов. Хорошо бы его сделать достоянием всех пулеметчиков.

Значит, на передовой линии, в роте—и бои, и учеба, и сверкание рационализаторской мысли смекалистого русского человека.

Упрямая, мужественная жизнь бьет здесь ключом.

6 июня 1942 г.

Наша батарея

Посвящается батарее лейтенанта М. Сидоровича

На опушке, где сереет дым,
Притаилась наша батарея,
Ураганным шквалом огневым
У фашистов страх и ужас сея.
Мощный залп! И воздух, как набат,
Заревел грохочущим раскатом.
Вот тебе, фашистский подлый гад,
Наша смертоносная расплата!
Батарея! Славь своим огнем
Метких доблестных артиллеристов.
За разбой в отечестве родном,
Как сорняк, уничтожай фашистов!

Июль 1942 г.

Старший батальонный комиссар
С. ТРЕГУБ

Стоять насмерть!

В недавнем бою сильно пострадал один наш взвод. Дрался он мужественно и много немцев перебил. Во время этого жестокого боя комиссар части встретился с командиром взвода. Он спросил его:

— Каковы дела?

— Плохи, — ответил тот. — Осталось три человека во взводе.

— Что думаете делать?

— Думаем драться, — решительно ответил командир.

Драться! В любой обстановке, при любом количестве. Неустанно учись этому жизненно необходимейшему уменью. «Побежден тот, кто чувствует себя побежденным», — говорит старая воинская мудрость. Стойкость наша — та броня, которая сокрушит ненавистного врага, сокрушит и раздавит.

Быть или не быть? Жить или не жить? Никто не смеет сегодня спать спокойно. Ты слышишь набатный гул этих тяжелых слов.

Передо мною письмо красноармейца Ивана Курочкина. Он прислал его в редакцию армейской газеты. Прочти его, товарищ! Не пророни слезы. Пусть мера скорби твоей станет мерой ненависти. Боль пусть преобразится гневом. Горе твое пусть станет горем палачей.

«Восемь месяцев я не имел известий ни от семьи, ни от родных, — пишет Иван Курочкин. — И только вчера получил первое письмо за все это время. Страшное горе пришло с ним, даже жутко писать об этом: немцы убили моего единственного ребенка.

Они пришли в наше село—Афанасьево, Алексинского района, как банда жадных грабителей; очистили колхозные закрома, забрали у нас овец, гусей, забрали все, что можно было утащить.

У меня был хороший дом, с садиком перед окном. Вот поэтому, видно, в нем остановилось офицерье. Мою жену с грудным ребенком выгнали в заднюю комнату, которая не отапливалась. Было холодно. Ребенок плакал. Никто не мог утешить его. Тогда вышел немецкий палач, вырвал мальчика из рук матери и при ней зарезал его ножом — моего единственного сына.

Товарищ редактор! Напишите об этом: пусть узнают люди, что мы воюем против наших душегубов. Кровь однолетнего ребенка... Нет сил, нет слов, чтобы выразить меру гнева. У меня разрывается сердце.

Только бы бой, только бы скорее бой... Я не успокоюсь, пока собственными руками не передую гитлеровских детоубийц, которые покажутся мне на глаза. О жене я до сих пор ничего не знаю. Где она? Что с ней? Пережила ли удар? Какими глазами смотрела она на окровавленную грудь родного сына? А мне что остается делать? Мстить! Только мстить!»

Ни шагу назад, товарищ! Быть! Жить! Выстоять и измотать немецких мерзавцев, опрокинуть их, смять и уничтожить, перегрызть им горло во что бы то ни стало: железом, сталью, свинцом, зубами. Это язык стойкости нашей. Она родит героев.

Я был сейчас у танкистов. Они выбивали немцев из деревни Ш. Нелегко пришлось им.

Куда ни двинься — сплошные колыцевые минные

поля. Глубина их доходила до шестисот метров: на каждые 15 метров до 18 мин. Вот какая плотность! За минными полями—проволочные заграждения. На опушке леса по траншее ползли немецкие танки. Эти подвижные огневые точки были хорошо замаскированы деревьями и кустарниками. Действовали еще и немецкие бомбардировщики.

С головного танка одна за другой поступали радиogramмы:

«Триста метров севернее деревни пехота противника. Веду огонь».

«Шестнадцать самолетов над нами».

«Пикируют на нас все шестнадцать».

«Бомбят. Маневрирую. Рвутся мины».

«С пехотой рассчитался. По мне ведут огонь с роши. Дайте ответный».

«В результате бомбежки течет радиатор. Веду огонь по пушке противника».

«Подвергаюсь обстрелу тяжелой артиллерии».

«Задачу выполняю. Фрицев успокоил».

«Спасибо за помощь. Есть интересная работа».

...По коротким, отрывистым этим донесениям можно представить себе картину боя. Он был замешен так круто, как грозовая туча. Огненный всплеск молнии расколол ее. И тяжелые ядра грома потрясли землю.

Наши танки ринулись в атаку тремя эшелонами: сперва тяжелые, за ними — средние, за ними — легкие, прозванные «малютками». Они-то и отличились!

Взвод «малюток» вел лейтенант Михаил Павлович Точиллов. Им удалось первыми ворваться в занятую немцами деревню, увлечь за собой нашу пехоту, выбить врага и захватить пленных.

Дрались «малютки» зло. Они знали, что быстрота и натиск решат успех боя, и были верны суворовскому завету: «Опасности лучше идти навстречу, чем ожидать ее на месте». Итти нужно умно. Ибо им же сказано: «Каждый воин должен понимать свой маневр».

Точиллов приказал разведать минное поле, на котором подорвалось уже несколько наших танков. Он нащупал проход в овраге. По ним били орудия и крупнокалиберные минометы. Однако «малютки» не стали добычей врага; они не дали ему возможности вести по себе при-

цельный огонь. Маневрируя, они вышли из зоны обстрела, проскочили через проволочные заграждения, через немецкие траншеи и очутились в деревне.

Фрицы смывались с такой поспешностью, что оставили даже в тазу недостиранное белье. В блиндажах валялись их пистолеты, фотокарточки, фляги, котелки, шинели, одеяла. Не успели прихватить с собой. Да многим это уже никогда и не понадобится.

Вот и выходит, что уметь маневрировать — значит, уметь жить, уметь побеждать.

Нужно знать в совершенстве свойства своего танка. Это бесспорно. Не теряться в трудную минуту. Но нужно уметь читать местность, знать, что скрывается за этими подъемами и склонами, не ошибиться в грунте, двигаться строго по следу, разгадать и обойти предательский бугорок, поросший травой по колено, — там, может быть, еще с весны заложена мина. У водителя танка должно быть чутье охотника, чутье лесника.

«Малютки» шли смело и умно. Они выбирали такие места, где противнику трудно было их сразить, а им противника — легче.

У них тоже были потери. Танк Люманова напоролся на мину. Впереди него двигались Точилов и Кошетар. Они проскочили. Проскочил и шедший за Люмановым Блохин. А Люманов подорвался, ранило экипаж его. Тому вина не оплошность водителя. Именно третью «малютку» стерегла мина. Немцы предназначали ее для тяжелого танка. Она лежала глубоко в земле и могла взорваться лишь от сильного давления. Тяжесть двух первых «малюток» оказалась недостаточной. Третья мчалась по следу. Она и подорвалась. Позже вывели из строя и танк Точилова. Ранило и его экипаж. Война! Но они выполнили приказ и ценой потерь своих добились победы.

Раненый Точилов снял со своего танка пулемет, поставил его на сошки и продолжал двое суток вести бой. Вместе с подоспевшей пехотой он отбивал четыре контратаки.

Взвод «малюток» уничтожил шесть немецких блиндажей с находящейся в них живностью. (Именно живностью, а не людьми. Метко заметил Кошетар: «Ни одного человека мы в деревне не встретили. Только

немцы».) Они накрыли своим огнем два миномета, станковый и ручной пулеметы и захватили трофеи.

«Малютки» потрудились, как говорят, по-взрослому. Хоть и не полагалось им лезть «поперед батька в пекло», они полезли и натворили таких дел, что танки — «батьки» — могли только позавидовать им.

Что решило исход боя? Стойкость.

Под огнем противника башенный стрелок Федор Майоров прополз около километра и доставил два трака для ремонта своего танка. Траки весили больше пуда. Он привязал их к ногам и стал пробираться вперед. Целый час полз он. Танк восстановили, и он снова пошел в бой.

Так действовали бойцы.

Прямым попаданием бомбы вывело из строя весь экипаж танка Семена Камаева. Удар был настолько сильным, что с машины содрало верхнюю броню, разбило мотор, внутреннюю перегородку, заклинило башню. Камаев потерял сознание. Бой разгорался, становился все ожесточеннее и яростнее. Ночью Камаев пришел в себя. Он сам перевязал себе голову, наладил пулеметы, приготовил на всякий случай гранаты. «Умру, но танк не брошу, — решил он. — Не было такого приказа».

Двое суток отважный танкист не оставлял поля боя. Он продолжал драться. И когда его разыскали и приказали отправиться в госпиталь, — он вылез, взял свой котелок, противогаз и, по старой хозяйской привычке, аккуратно запер люки разбитой машины. Он сберег ее. Тяжело раненный танк эвакуировали вместе с тяжело раненым водителем.

...Да здравствует стойкость! Недаром называют ее — мать победы. По ней делят людей на смелых и трусов, на верных и неверных, на исполинов духа и нищих духом, на людей большой судьбы и небольшой карьеры. Один стойкий в минуту опасности стоит всех нестойких. Он способен противостоять, биться с врагом до последнего своего земного вздоха. Нестойкие — люди с дряблыми сердцами — становятся жертвой своего страха и отчаяния. Стойкие украшают мир, ими проложены все пути в жизни. Они всегда воины — будь то астрономы или художники, металлурги или землепашцы. И нет для них ничего дороже и священнее светлой цели, которой

они служат, дела, которому они посвятили все благородные порывы души своей. Это про одного из таких неистовых сказал поэт:

Он знал одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть.

Советские люди знают теперь одну думу и одну страсть: разбить немцев, очистить нашу землю и землю предков наших от иноземной гитлеровской сволочи.

Великая это сила — ненависть! Кто обладает ею — тот способен чудеса творить. С нею ни перед чем не дрогнешь. И ничто не сдержит тебя с нею. Вражья пуля сплющится и не долетит. Твоя же пробьет любую броню. Ненависть твоя — это и «шапка-невидимка», и «ковер-самолет», и «меч-кладенец». С нею пройдешь сквозь огонь; и леса расступятся, и реки, и горы.

Я встретился с лейтенантом Григорием Бреславцем.

— Лысете, Бреславец, лысете, — сказал ему, улыбаясь, комбат.

— На две атаки волос еще хватит, — отшутился Бреславец. — На две, а может, и больше.

Широкое, скуластое лицо его улыбнулось в ответ.

В атаках растерял лейтенант свою молодую шевелюру. Атаками отсчитывает он прожитые дни:

— Сейчас лучшего счета и не придумаешь.

Пожалуй, он прав. Жизнь на фронте измеряется боем. Хорошо жить — значит хорошо воевать. День, когда ты не убил немца и ничего не сделал, чтобы приблизить его кончину, — пустой, даром прожитый день.

На родной сердцу моему Украине, почерневшей от горя, водил раньше Григорий Пантелеевич тяжелые поезда. Теперь он водит тяжелые танки. Село его Домаха переходило по несколько раз из рук в руки. Отчий дом с «вышневым садком коло хаты» — тихая колыбель детства его, и отрочества, и юности его счастливой колыбель — превращен в пепелище. «Отомсти! Чтоб их на нашей земле не было...» — писала жена. И не знает Бреславец покоя. Вспомнит он слова эти — мрачнеет его душа.

Комбат рассказал:

— Взяли наши ребята в плен немецкого автоматчика. Рослый он, будто бревно. Ведут. А Бреславец просит:

«Дайте я с ним на кулаки выйду. Ничего, что я меньше его. Все равно побью. Зубами загрыз бы».

Так он ненавидит немецкую сволочь.

Два долгих месяца дрался Бреславец в тылу у танковой армии Гудериана: наши изматывали немцев и пробивались на восток. В брянских лесах Бреславец один сорвал готовящуюся атаку шестидесяти немецких танков. Они сосредоточились в ложине. Бреславец разведдал их и сам внезапно напал. На его счету тридцать пять уничтоженных и подбитых вражеских машин. За это-то он и награжден орденом Ленина.

— Чем человек может отличаться от человека?— сказал мне механик-водитель Чеснов. — Люди как люди все одинаковы. Только смелость и знания у них разные, — рассудил он.

Матвей Дмитриевич Чеснов работал на Кировском заводе в Ленинграде испытателем тяжелых танков. Он первенца нашего на свет выводил. Чеснов знает толк в стальных крепостях и в людях, которые ими управляют. За Бреславцем он признает необычайную смелость и редкое уменье.

— Он смерти смотрит прямо в глаза. Она его и не берет. А за танком следит, как отец за ребенком: чтобы не замарался, не упал, не расшибся.

Верно и первое и второе.

Однажды в тылу у немцев застрял наш танк: он залез в крутой овраг и никак не мог выбраться оттуда. На выручку ему отправился Бреславец. Ночью он подложил взрывчатку под крутой склон оврага и подорвал его. Танк спасли.

Соображает он быстро, стреляет метко; наведет пушку через канал ствола, два снаряда выпустит — не промахнется. В бою ничто не выдаёт его волнения.

Случилось так, что танк Бреславца подорвался на минах: гусеница совершенно слетела. К тому же заклинило пушку. Одни пулеметы работали. На ремонт нужны сутки. А немцы — в двадцати метрах. Хорошо, если наши займут населенный пункт. Если же не возьмут?

— Ну, наверное, нам тут кончать, — глухо сказал механик-водитель.

Лейтенант осерчал. Он приказал ремонтировать машину.

Каждый стук молотка или стук трака сопровождался огнем немецких автоматчиков. Танкисты не замечали его. Они выполняли боевой приказ своего командира. И выполнили! Утром следующего дня черным коршуном закружился над ними «горбыль». Но он запоздал уже. Танк шел в атаку. Смерть не накрыла его.

После боя Бреславец обнаружил пять пуль в своей одежде. Да кроме пяти немецких пуль в одежде—одну легкую рану в теле. В бою не до нее было.

Самозабвение — вот стиль его работы. Он отдается ей целиком. Того же требует и от других. Он любит людей, которые умеют хорошо трудиться: азартно и умно. Подойдет лейтенант к танку, посмотрит, как человек около него возится, и все определит. Или похвалит и станет ему лучшим другом, или прямо резанет: «Вы работать не умеете. Нужно поучиться у такого-то». В другом случае: «Вы не хотите работать. Нужно захотеть». Застесняется человек — поучится и захочет. Крика Бреславец не любит. Криком до души не дойдешь, только испугать ее можно.

Ему же важно ее закалить, сделать стойкой и гневной. Чтобы она ни перед чем не дрогнула. Чтобы она вела танкиста в огонь, была ему щитом и надеждой, бессмертной верой его и его бессмертием.

Победная нужна нам душа!

У каждого из нас есть высокая цель и каждый из нас сейчас воин. От нашей стойкости зависит все: настоящее и будущее наше, настоящее и будущее родной поруганной отчизны нашей. Защитим ее! Отомстим за нее.

Стоять насмерть! — таким был древний клич богатырей земли русской. Таков наш боевой клич!

5 августа 1942 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	3

ПОД БРЯНСКОМ

<i>Илья Эренбург</i> —На Западном направлении	7
<i>Старший батальонный комиссар Ив. Мартынов</i> — В сентябрьские дни	12
<i>Политрук В. Слащев</i> — Братья в бою	15
<i>Батальонный комиссар А. Пясковский</i> — Дневник фашистского бандита	16
<i>Гвардии красноармеец Г. Чернов</i> — Отомстим (стихи)	22
<i>Генерал-майор Ермаков</i> — Бредовые измышления немцев об окружении и уничтожении армий Брянского фронта	23

В БОЯХ ЗА ТУЛУ

<i>Старший батальонный комиссар Ив. Мартынов</i> — На улицах Тулы	29
<i>Евг. Воробьев</i> — Туляки	31
<i>Старший батальонный комиссар С. Трегуб</i> — В Тульском рабочем полку	34
<i>Старший батальонный комиссар Ив. Мартынов</i> — Как добывается победа	36
<i>Батальонный комиссар С. Андельман</i> — Враг не прошел	39
<i>И. Митковский</i> — Песня тульских партизан (стихи)	42
<i>П. Трояновский</i> — Во имя родины	43
<i>«Боевое знамя»</i> — В немецком плаще и пилотке	48
<i>Старший политрук К. Шайдуров</i> — Отец полка	50
<i>«Боевое знамя»</i> — Честь воина	54
<i>Сержант Альтман</i> — Ночлег	57
<i>«Боевое знамя»</i> — Комиссар	58
<i>Батальонный комиссар В. Челомбитько</i> — Комсомолец-танкист Григорьев	60
<i>И. Аргинский и Г. Березко</i> — Вперед, дивизия! (стихи)	61
<i>Бригадный комиссар К. Сорокин</i> — Борьба за Тулу	63
<i>Генерал-лейтенант И. Болдин</i> — Бить врага до полного его истребления	69

ЯСНАЯ ПОЛЯНА

<i>Ник. Асеев</i> — Шакалы в львиной обители (стихи)	73
<i>Старший батальонный комиссар С. Трегуб</i> — Здравствуй, Ясная Поляна!	75
<i>Старший батальонный комиссар Ив. Мартынов</i> — У великой могилы	77
<i>Гитлеровским вандалам-громилам не удастся скрыть своих преступлений в Ясной Поляне</i>	82
<i>А. Булгаков</i> — В Ясной Поляне	95
<i>Батальонный комиссар В. Гарлицкий</i> —47 дней	100
<i>Ник. Асеев</i> — Марш мести	105

<i>Б. Фишман</i> — С Новым годом, родная Калуга!	107
<i>Г. Березко</i> — По фашистам — огонь!	111
<i>«Боевое знамя»</i> — Сержант Лукин	113
Старший сержант <i>В. Зырянов</i> — Две героини	115
Политрук <i>В. Слащев</i> — Мать героя	116
Батальонный комиссар <i>В. Гарлицкий</i> — Сталинский комиссар	118
Батальонный комиссар <i>С. Андельман</i> — Конник Нуриман Нурулин	122
Замполитрука <i>В. Ганзуля</i> — Знамя (стихи)	123
Старший батальонный комиссар <i>С. Трегуб</i> — Гвардейцы	125
Техник-интендант 1-го ранга <i>Евг. Коган</i> — ...Даже печи	129
<i>Ник. Асеев</i> — Метель (стихи)	131
<i>Г. Березко</i> — Курица	132
<i>Сергей Швецов</i> — Здесь немецкий шел сапог... (стихи)	134
Старший батальонный комиссар <i>С. Трегуб</i> — Палачи-чужеземцы	135
Красноармеец <i>С. Гудзенко</i> — Мы не простим (стихи)	143
Старший батальонный комиссар <i>Ив. Мартынов</i> — Наша Тамара	144
Генерал-лейтенант <i>И. Болдин</i> — Калужская операция	147

КРЕПНЕТ БОЕВОЕ УМЕНИЕ

Письмо узбекского народа бойцам великой отечественной войны (стихи)	155
<i>Г. Березко</i> — Школа борьбы	160
Политрук <i>А. Луканова</i> — Подвиг Марии Александровой	162
Старший батальонный комиссар <i>С. Трегуб</i> — Младший лейтенант Жук	164
<i>В. Любимов</i> — В полицейской управе	166
Политрук <i>Н. Орлов</i> — Две разведки	167
Красноармеец <i>А. Филипчук</i> — И тыл, и фронт — одна броня (стихи)	170
<i>Ив. Васильев</i> — Поединок	171
Старший политрук <i>К. Шайдулов</i> — Танк 208	173
<i>Сергей Швецов</i> — Снайпер Кочесов (стихи)	175
Старший батальонный комиссар <i>Ив. Мартынов</i> — День в роте	176
Сержант <i>И. Борцов</i> — Наша батарея (стихи)	179
Старший батальонный комиссар <i>С. Трегуб</i> — Стоять на смерти!	179